

05
К-47

жс - 15943

КЛАДЪ

ЖУРНАЛЬ
политики, общественной жизни, народного хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

1907 г. — Книга 9-я.

Безплатное приложение
къ иллюстрированному журналу и газетѣ
„РОДИНА“

1907 г.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 книги въ годъ).

ИЗДАНИЕ А.А.КАСПАРИ
С.Петербургъ. Лиговская ул. соб. д.114 и Садовая ул. 20
Москва. Петровскія линіи.

„КЛАДЪ“

Журналъ
политики, общественной жизни, народного хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 книги въ годъ).

Книга 9-я—1907 г.

Издание А. А. Каспари.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издательство А. А. Каспари, Лиговская ул., соб. д., 114

Жс 15943

Графическое заведение «Родины» (А. А. Каспар),
Спб., Лиговская ул., соб. д., № 114.

Страсти и каникулы.

(Иллюстрація момента.)

То, что переживали русскіе люди на Страстной недѣлѣ, было вполне достойно дней, въ которые всѣ православные вспоминаютъ Великія Страсти. Дума—желанное, прошенное, моленное дитя Россіи—была всего на волосокъ отъ гибели. Такъ называемые „лѣвые“—„эс-деки“ или, полностью, „соціалъ-демократы“ домашняго производства, доказали воочію и Россіи, и всему цивилизованному міру, что въ сущности своей они—еще большіе дикари, чѣмъ какіе-нибудь папуасы, сингалезы, патагонцы, еще болѣе дики, чѣмъ неприрученныя животныя, еще болѣе ненавидятъ думу, чѣмъ всевозможные Пуришкевичи, Крушеваны, Грингмуты, священно-иноки Иліодоры и прочіе, и прочіе изъ той же стаи. Одинъ изъ нихъ—къ счастью, не русскій, а инородецъ—армянинъ, въ закрытомъ засѣданіи думы, когда обсуждался законопроектъ о призывѣ новобранцевъ, позволилъ себѣ произнести оскорбительныя для русской арміи фразы. Въ версіи, получившей оффиціозную огласку, эта фраза (она, между прочимъ сказать, оглашена въ „Н. Вр.“, „Россіи“, „Объединеніи“ и др.) слѣдующая: „армія самодержавнаго государства сумѣетъ васъ выгнать отсюда, армія самодержавнаго государства способна сражаться съ внутреннимъ врагомъ, съ виѣшнимъ-же она была и будетъ бита и на западѣ, и на востокѣ“.

При другихъ обстоятельствахъ эти слова не могли-бы быть оскорбленіемъ арміи, потому что они направлены не противъ арміи, какъ арміи, а противъ несуществующаго уже въ Россіи съ 17 октября 1905 г. стараго строя, но въ данномъ случаѣ они являлись для ярыхъ враговъ новаго строя неоспоримымъ поводомъ къ разгону думы и чуть-чуть такъ не вышло. Такимъ образомъ, фраза армянскаго депутата, по нашему глубокому убѣжденію, не являясь оскорбительной для арміи, въ то-же самое время является преступленіемъ противъ всей Россіи. Въ томъ положеніи, въ какомъ находилась дума въ моментъ ея произнесенія, она давала полный просторъ всяческимъ вождѣленіямъ. Вѣдь, она была произнесена въ закрытомъ засѣданіи и не должна была стать общимъ достояніемъ. Стало быть, ненавистники думы могли пустить ее въ народъ въ томъ видѣ, въ какомъ имъ это было угодно. Уже и теперь ходятъ легенды, будто

оскорбленіемъ арміи была не процитированная выше фраза, а прочитанная съ думской трибуны выдержка изъ статьи „Новаго Времени“ о современномъ состояніи нашей арміи, преимущественно ея офицерскаго состава. Конечно, это—только легенда. Армія стоитъ выше какихъ-бы то ни было оскорбленій, и на всякія выходки всевозможныхъ зарвавшихся инородцевъ можетъ быть только одинъ достойный ея отвѣтъ—презрѣніе.

Но опять-таки, повторяемъ, думскій депутатъ изъ инородцевъ не смѣлъ произносить такую фразу, дабы не сыграть въ руку ненавистникамъ думы. По общему убѣжденію, дума на этотъ разъ спасена П. А. Столыпинымъ, сумѣвшимъ отстоять ее отъ яростнаго интурма всѣхъ тѣхъ, кому ненавистна обновляющаяся Россія, но нельзя не признать и того, что дума изъ всего этого инцидента вышла не возвысившейся, а униженной. Ночная поѣздка председателя думы къ премьеръ-министру, утрення (въ девятомъ часу) поѣздка къ военному министру, стоящему по положенію гораздо ниже его, извиненія, принесенныя имъ, сообщеніе „Освѣдомительнаго бюро“ объ извинительныхъ рѣчахъ г. Головина, наконецъ, страстные толки всей вообще печати о необходимости новаго председателя—все это только сгущаетъ и безъ того сгущенную атмосферу, мѣшаетъ правильной работѣ думы, стало быть, отдаляетъ воскресеніе всей Россіи.

Интересно, въ дополненіе всего сказаннаго, привести здѣсь мнѣніе самого г. Головина о положеніи думы.

Председатель государственной думы, уклонявшійся до сего отъ бесѣдъ съ журналистами, послѣ извѣстнаго думскаго инцидента, согласился, наконецъ, высказать свой взглядъ на инцидентъ и создавшееся положеніе вещей. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ московской газеты „Новости Утра“ Ф. А. Головинъ по поводу все еще циркулирующихъ слуховъ о возможности роспуска думы сказалъ:

— Слухи эти очень преувеличены и не имѣютъ сплошь и рядомъ никакого основанія. Теперь, когда послѣдній конфликтъ съ правительствомъ окончился вполне благополучно, не можетъ быть и рѣчи о роспускѣ думы.

— А какъ была велика опасность даннаго конфликта?—спросилъ сотрудникъ.

— Благодаря послѣднему, думу уже было рѣшено распустить. Для противниковъ ея представлялся прекрасный моментъ использовать такой предлогъ, какъ оскорбленіе арміи. Но думу спасла установившаяся за ней репутація въ смыслѣ работоспособности, чего нельзя, кстати, сказать про первую, служившую агитационной трибуною.

— Но можетъ-ли государственная дума рассчитывать, что встрѣтитъ поддержку со стороны правительства?

— Безусловно, — отвѣтилъ Ф. А. Головина. — Я вполне вѣрю искренности П. А. Столыпина, желающаго сохранить думу. Среди крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ наблюдается теперь усиленный ростъ той-же тенденціи, и представители крайнихъ фракцій, желая сохранить думу, при голосованіи отдають голоса центру. Центръ растетъ и растетъ. Отсюда, положимъ, не слѣдуетъ, что крайніе мѣняють свои взгляды, это — только перемѣна тактики. Подобная эволюція въ думѣ говоритъ, конечно, въ ея пользу и лишній разъ указываетъ на желаніе ея сдѣлаться еще болѣе работоспособной.

Думцы на Страстной недѣлѣ развѣхались на пасхальныя каникулы! Дай Богъ, чтобы они вернулись обратно въ Таврическій дворецъ изъ своей поѣздки умиротворенными, съ обновленными силами: у нихъ впереди масса творческой работы, а творческая работа требуетъ крайняго напряженія всѣхъ духовныхъ силъ.

Первый день возобновленія засѣданій думы волнуетъ весьма многихъ депутатовъ, приче́мъ все съ нетерпѣніемъ ждутъ, чѣмъ кончится президентскій кризисъ.

Въ данный моментъ извѣстно, что с.-д. фракція рѣшила запросить предсѣдателя думы, уполномочилъ-ли его парламентъ принести извиненія предъ министрами? Если нѣтъ, то чѣмъ онъ объяснитъ свое поведеніе и какіе шаги онъ думаетъ сдѣлать, чтобы исправить свою безтактность.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, фракція учитываетъ возможный отвѣтъ г. Головина, заключающійся въ томъ, что происходившее въ закрытомъ засѣданіи не можетъ быть предметомъ сужденія въ открытомъ.

На это ея ораторы возражаютъ, что инкриминируемыя дѣйствія предсѣдателя думы были черезчуръ открытыми, ибо о его визитахъ міръ былъ оповѣщенъ самимъ правительствомъ.

Съ другой стороны, если „ка-деты“ и предсѣдатель будутъ настаивать на томъ, что дальнѣйшія дѣйствія г. Головина были вызваны обстоятельствами, имѣвшими мѣсто въ закрытомъ засѣданіи, и потому-де не могутъ быть оглашены, то фракція „с.-д.“, вѣроятно, потребуетъ, чтобы президіумъ добился разрѣшенія отъ военнаго министра напечатать рѣчь Зурабова.

Но такъ какъ „с.-д.“ боятся, что все ихъ новое заявленіе предсѣдателя думы положить подъ сукно, то на крайній случай „с.-д.“ предполагаютъ напечатать во всѣхъ газетахъ нѣчто въ родѣ доссье, въ которомъ въ послѣдовательномъ ходѣ будетъ изложено поведеніе г. Головина, приведшее къ униженію достоинства думы.

Этотъ исходъ будетъ крайнимъ, если предсѣдатель своей властью возымѣетъ желаніе замять всю исторію.

А н т р а к т ы .

(Думскія каникулы).

Татья Н. В. Алексѣева.

Когда на театральной сценѣ ставится новая пьеса, сюжетъ которой, благодаря печати, заинтриговалъ вниманіе общества, то день перваго представленія обыкновенно собираетъ полный залъ зрителей. На кассѣ вывѣшивается афиша „билеты всѣ проданы“ и для многихъ любителей сцены, за недостаткомъ мѣста въ театрѣ, приходится ограничиваться ознакомленіемъ съ интересующей ихъ пьесой лишь по газетнымъ рецензіямъ. Эти рецензіи, являясь до нѣкоторой степени субъективной оцѣнкой пьесы и настроенія „зала“, разумѣется, только отчасти могутъ удовлетворить тѣхъ, кому не посчастливилось попасть на „премьеру“.

Та-же публика, которая проникла въ залъ, жадно слѣдитъ за развитіемъ драматическаго дѣйствія, ловитъ каждую фразу, запоминаетъ ее, слѣдитъ за каждымъ жестомъ артиста. Первый актъ—всегда завязка пьесы. Онъ слабо намекаетъ на послѣдующее и никогда не даетъ возможности предрѣшить развязку. Между дѣйствіями или картинами всегда бываетъ перерывъ—антрактъ, предназначенный для отдыха артистовъ и необходимыхъ, вызванныхъ сценическими условіями, перемѣнъ на сценѣ. Въ антрактѣ мѣняютъ декорации, артисты переодѣваются, а публика, отдыхая отъ слышаннаго и видѣннаго, дѣлится въ отдѣльныхъ группахъ своими впечатлѣніями. Вслѣдъ за звономъ она вновь занимаетъ мѣста въ залѣ. Опять дѣйствіе—идея, смыслъ и направленіе пьесы начинаютъ нѣсколько опредѣляться... Таково положеніе зрителя на первомъ представленіи новой пьесы. Слѣдя за ея развитіемъ актъ за актомъ, оцѣнивая ихъ въ промежуткахъ, онъ обыкновенно къ послѣднему акту уже имѣетъ возможность такъ или иначе разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и, когда опустится занавѣсъ надъ послѣдней картиной пьесы, высказать свое мнѣніе о ея достоинствѣ и недостаткахъ.

Театръ до нѣкоторой степени является отраженіемъ жизни, актеры—подобіемъ людей, а сцена—подражаніемъ реальныхъ

сторонъ жизни. Здѣсь все обусловлено такъ, чтобы заставить зрителя, забывъ о своей жизни и интересахъ, проникнуться сочувствіемъ къ созданнымъ авторской фантазіей героямъ и тѣмъ положеніямъ, въ которыя ихъ ставитъ яко-бы жизнь. Отъ таланта автора, мастерской игры артистовъ, искусства режиссера, бутафора и даже электротехника зависитъ та или иная сила иллюзіи, произведенной спектаклемъ на зрителя. Зависитъ она и отъ душевнаго состоянія и воспримчивости самого зрителя. Но хотя здѣсь все взято изъ жизни, сама жизнь всегда побѣждаетъ поддѣлку подъ нее и врядъ-ли можетъ найтись такой зритель, который, сидя въ театрѣ, совершенно забылъ-бы о томъ, что онъ—только зритель, что картонный лѣсъ на сценѣ—не настоящій лѣсъ и что героиня или герой пьесы страдаютъ или радуются по волѣ автора, написавшаго эту самую пьесу, и сама она—отъ слова до слова напечатана въ трагдкѣ, находящейся въ рукахъ режиссера.

Нѣтъ, жизнь, настоящую жизнь ни замѣнить, ни заслонить невозможно. Всегда и всюду она рвется впередъ, разрушая иллюзіи и выдвигая свои подчасъ суровые и неожиданные эффекты, до которыхъ долго не долетѣтъ фантазіи сценическаго автора...

Русская жизнь вступила въ новую эру. На громадной, мировой сценѣ ставится новая пьеса—„Обновленіе Россіи,“ пьеса, которую смотритъ все человѣчество, причемъ значительная часть его является и участницей этой пьесы. Безспорно, новая пьеса приковываетъ къ себѣ всеобщее вниманіе, ея авторъ близокъ каждому изъ зрителей и каждого держитъ въ своей власти, его пмя знакомо всякому, такъ какъ оно—самое жизнь... У него есть только одинъ конкурентъ въ смыслѣ значенія и власти—смерть, но эти два начала, исключаютія одно другое съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, хотя и находятся въ вѣчной борьбѣ, но, вмѣстѣ взятая, составляютъ дивную гармонію...

Въ отличіе отъ „картонной“ сцены — жизненная сцена не ограничена ни временемъ, ни пространствомъ. Новая пьеса тянется третій годъ, а всего-то жизнь успѣла поставить „прологъ,“ первое дѣйствіе и первую картину второго акта...

Вы, конечно, догадываетесь, читатель, что подъ „прологомъ“ мы подразумеваемъ конецъ 1905 года со всѣми его „свободами,“ подъ „первымъ актомъ“ — первую думу, а подъ первой картиной второго—первыя тридцать собраній современнаго парламента.

Простите мнѣ аналогію (сходство) между театральной пье-

сой и переживаемыми нами историческими событиями нашей родины, но эту аналогію провести позволительно, такъ какъ, вѣдь, „сцена—копія жизни...“ Несмотря на многія условности, эта копія, если не совсѣмъ близка къ подлиннику, то довольно ясно его напоминаетъ...

Одной изъ условностей сцены являются такъ называемые антракты, но, вѣдь, и современная жизнь, если въ нее вдуматься да подогнать подъ условія рампы, также раздѣляется антрактами.

Революція 1905 года и манифестъ 17-го октября—„прологъ“, богатый дѣйствіями (да еще какими!), прологъ, одинъ изъ такихъ, какихъ не имѣетъ ни одна обстановочная мелодрама... Затѣмъ наступило временное затишье, предшествовавшее созыву первыхъ народныхъ представителей. Въ театральныхъ антрактахъ зрителя развлекаютъ музыкой. И въ этомъ антрактѣ была музыка... но какая... Впрочемъ, вы ее помните; читатели; она звучала и во второмъ антрактѣ — послѣ разгона первой думы и до открытія настоящей... Какіе звуки только не входили въ эту сатанинскую оркестровку!.. Слышались здѣсь и ружейные залпы, и вопли внезапно осиротѣлыхъ дѣтей, и завываніе вѣтра, разносившаго пламя „карательнаго“ пожара, и стоны голодающихъ и... многое слышалось въ этомъ оркестрѣ. Всѣ грозные инструменты ада давали свою ноту; неудивительно, что симфонія вышла мрачнаго характера...

Въ настоящее время Россія переживаетъ коротенькій антрактъ—пасхальный отдыхъ народныхъ представителей. На этотъ разъ мрачные звуки оркестра заглушены отраднымъ, любвеобильнымъ, примиряющимъ перезвономъ пасхальнаго благовѣста.

Тѣ мрачные звуки остались, они нѣтъ-нѣтъ, а все-таки прорываются, но голосъ любви, братства и всепрощенія заглушаетъ ихъ своею силою... Какъ никакъ, а антрактъ наступилъ. Избранники большею частью покинули Петербургъ, чтобы въ родныхъ мѣстахъ, среди родныхъ, друзей и близкихъ услышать радостное „Христосъ Воскресел!..“ Пройдутъ полторы недѣли и... опять за работу, а пока отдыхъ и подсчетъ сдѣланнаго. Не входя пока въ строгую оцѣнку работы народныхъ представителей, подѣлимся впечатлѣніемъ того, что дала намъ ихъ работа, и, сколько возможно, постараемся заглянуть въ будущее...

Первые два мѣсяца существованія современнаго парламента, если и не внесли ничего реального въ жизнь нашей родины, то во всякомъ случаѣ дали возможность хоть немного надѣяться на болѣе свѣтлое будущее. Вѣдь, прежде всего неизбежно навязывался вопросъ, будетъ-ли дума жизнеспособной, а ужъ затѣмъ можно было задать другой вопросъ—о ея жизнедѣятельности. Первый вопросъ пока что разрѣшился удовлетворительно — дума жизнеспособна, такъ какъ въ массѣ своихъ депутатовъ она настроена достаточно миролюбиво и терпима по отношенію къ правительству. Въ свою очередь, и правительство, если пока и не дѣлаетъ уступокъ, то хотя не скупится обѣщаніями ихъ... Какъ никакъ, а въ два мѣсяца жизни думы она прошла черезъ четыре опасныхъ момента. Первый — день ея открытія сошелъ такъ стройно, какъ нельзя даже было и мечтать. Второй моментъ—чтеніе деклараціи правительства, когда такъ много было обнаружено такта и народными представителями, и представителемъ правительства, долженъ быть отмѣченъ, какъ залогъ жизнеспособности думы. Третій и четвертый моменты—когда въ думѣ были подняты два наиболѣе жгучихъ вопроса русской жизни—бюджетный и аграрный—ознаменовались опять-таки чрезвычайной корректностью обѣихъ сторонъ. Сравнивая возникновеніе этихъ вопросовъ въ настоящей думѣ съ прошлогодними, надо отдать должную справедливость достоинству народныхъ представителей, терпѣливо и терпимо относящихся къ рѣчамъ представителей правящей бюрократіи.

Помните прошлогоднія любезности депутатовъ по адресу гг. членовъ горемыкинскаго кабинета и отругиваніе послѣднихъ? Выйдетъ, бывало, на трибуну министръ, начнетъ въ пренебрежительномъ тонѣ (а подчасъ и вызывающемъ) доказывать „непогрѣшимость“ власти, а его и встрѣтятъ и проводятъ только двумя словами: „въ отставку, въ отставку“ ...

Въ первой думѣ и рѣчи не могло быть не только о соглашеніи съ правительствомъ, но даже о болѣе или менѣе корректномъ съ нимъ общеніи. Я не берусь судить народныхъ избранниковъ перваго созыва за ихъ отношеніе къ тогдашнему кабинету, такъ какъ самъ этотъ кабинетъ былъ крайне плохъ и, годясь, можетъ быть, для Азіи, въ европейскомъ государствѣ являлся неумѣстнымъ...

Но какъ никакъ, а „страсти“ сообщали первой думѣ такой характеръ, что она утратила жизнеспособность и судьба ея была кончена...

Не то мы видимъ теперь, когда до сихъ поръ не было ни одного инцидента, не то что конфликта, которые заставили-бы сомнѣваться въ возможности совмѣстнаго труда думы и правительства. Наоборотъ, пока отношеніе представителей народа и власти таковы, что, слава Богу, крупнаго столкновенія ожидать нѣтъ основанія.

Несмотря на то, что современное народное представительство выражено избранниками самыхъ противоположныхъ политическихъ партій, въ думской массѣ пока нѣтъ крупныхъ раздоровъ и разногласія. Правда, были инциденты, но... простите, столь шутовскаго характера, что виновники ихъ не заслуживаютъ ничего иного, какъ вздоха о томъ, что даже въ такое великое дѣло, какъ народное представительство, судьбѣ угодно было плеснуть грязью жизненной пошлости... Но эта пошлость не пристаётъ, не пачкаетъ она новой думы и совершенно теряется въ ея полномъ собственнаго достоинства величій...

Дума оказалась жизнеспособной, посмотримъ, въ какой степени она жизнедѣятельна?

О жизнеспособности того или иного организма судятъ по его внѣшнему виду путемъ болѣе или менѣе внимательнаго осмотра и испытанія. О жизнедѣятельности судятъ, во-первыхъ, по приблизительному опредѣленію запасной (потенціальной) энергіи и при оцѣнкѣ произведеннаго труда—результатъ изслѣдованія кинетической энергіи. Примѣняясь къ опредѣленію жизнедѣятельности думы, мы можемъ и имѣемъ право говорить лишь о ея потенциалѣ (скрытой еще неизрасходованной энергіи). Два мѣсяца парламента ни въ какомъ случаѣ не могутъ еще дать права для оцѣнки его творческой силы. Согласитесь сами, что работа народныхъ представителей и сложна, и отвѣтственна. Разрѣшить „съ плеча“ тотъ или иной вопросъ, выдвинутый жизнью нашей обширной родины, значить только запутать его. Если-бы дума въ эти два мѣсяца вынесла рѣшеніе хотя-бы аграрнаго вопроса (какъ это было въ первой думѣ), то она не оправдала-бы надеждъ, возлагаемыхъ на нее населеніемъ. Если она начала разработку вопросовъ и не рѣшилась разрубить съ плеча „гордіевъ узелъ“, то за ней слѣдуетъ признать право на званіе жизнедѣятельной. И, по нашему глубокому убѣжденію, дума это названіе заслуживаетъ. Въ какой степени великъ ея потенциалъ, сказать трудно, но, что у ней велика вѣра въ свое высокое назначеніе и сильно желаніе работать—это не подлежитъ сомнѣнію... Вѣдь, для того, чтобы поддержать свое достоинство, не увлечься, не поддаться

на провокацію, которая тянулась къ думѣ своими погаными руками (агитація „союзниковъ“ въ пользу „разгона“), дума должна-же была обладать извѣстной нравственной силой, и она эту силу, безспорно, обнаружила.

Вотъ все, что пока можно, пользуясь коротенькимъ праздничнымъ антрактомъ, сказать о впечатлѣніи первой картины, которую оставила въ нашемъ мозгѣ пока временно отдыхающая дума. Картина вышла удачной своей рѣдкой гармоніей, мягкими тонами, которымъ не могутъ служить укоромъ тѣ „черныя“ и „красныя“ случайныя пятнышки, которыми она обязана жизненной пошлостью.

Теперь остается заглянуть въ будущее думы, но короткій антрактъ не даетъ возможности поймать тѣ мотивы, которыми жизнь дополняетъ впечатлѣніе первой картины. Можно „пророчествовать“, опираясь лишь на впечатлѣніе этой картины, но на основаніи его мы пришли къ тому убѣжденію, что дума и жизнеспособна, и жизнедѣтельна, стало быть... стало быть, вслѣдъ за антрактомъ, вызваннымъ свѣтлымъ праздникомъ, мы имѣемъ основаніе надѣяться и на свѣтлое будущее, которое должно выразиться творческой работой народнаго представительства.

Послѣ Пасхи.

Пасхи пронеслися красные денечки
И земля проснулась бодрой, обновленной;
Травка зеленѣетъ, на деревьяхъ почки,
Соловей вернулся снова вдохновенный.
Все-то обновилось: и луга, и нивы,
Лѣсъ весь обрядился въ свой уборъ нарядный
Солнышко сіяетъ, вѣтерковъ порывы
Мигъ несутъ забвенья жданный и отрадный.
О, когда-бы люди въ пору обновленья
Вспомнили повсюду, что они всѣ—братья,—
Быстро-бы исчезли всѣхъ сердецъ томленья,
Смогли-бы навѣки злобныя проклятья,
Кровь-бы не лилася, сгинула-бы смута,
Счастье-бы вернулось къ родинѣ несчастной.
Каждый мигъ сознанья, каждая минута
Вся полна объ этомъ лишь мольбою страстной.

А. Лавскій.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ВЪ ЦИФРАХЪ.

Въ „Нов. Врем.“ г-номъ А. П—ко приведены интересные цифровые итоги дѣятельности думы за первую половину нынѣшней сессіи.

Дума имѣла $28\frac{1}{2}$ засѣданій открытыхъ и $1\frac{1}{2}$ засѣданія закрытыя. Всѣ нижеслѣдующія цифры относятся только къ открытымъ засѣданіямъ.

Продолжительность первыхъ десяти засѣданій равнялась 2,889 минутамъ (при 191 мин. опозданій). Продолжительность вторыхъ десяти засѣданій равнялась 3,020 минутамъ (при 122 мин. опозданій). Продолжительность послѣднихъ $7\frac{1}{2}$ засѣданій—1,848 минутъ (при 128 мин. опозданій). Эти цифры значительно ниже тѣхъ, которыя мы имѣли для первой думы. Онѣ даютъ среднюю продолжительность засѣданія въ 282 минуты (т.-е. $4\frac{3}{4}$ часа). Первая дума довела эту среднюю до 342 минутъ (т.-е. $5\frac{3}{4}$ часовъ). Зато и опозданія второй думы несравненно менѣе значительны: вторая дума опаздываетъ открывать засѣданія въ среднемъ на 17 минутъ, тогда какъ первая опаздывала на $59\frac{1}{2}$ минутъ!

За время этихъ $28\frac{1}{2}$ засѣданій дума выслушала рѣчей, распредѣляющихся слѣдующимъ образомъ:

Алексинскій—57, Крупенскій—37, гр. Бобринскій—35, Пуришкевичъ—34, Кузьминъ-Караваевъ—31, Родичевъ—30, Стаховичъ, М.—25, Капустинъ—24, Церетели—18, Гессень, I.—17, Пергаментъ—16, Шидловскій—15, Тесленко—13, Струве—12, Березинъ—11, Булатъ—10, Джаларидзе—10, Карташевъ—10, Озоль—10, Спанадино—10, Ширскій—10.

Затѣмъ: шесть ораторовъ по 9 разъ, шесть—по 8, четыре—по 7, три—по 6, двѣнадцать—по 3, тридцать—по 2 и пятьдесятъ восемь—по 1.

Итого 180 человекъ и 818 выступленій.

325 членовъ думы не открывали рта ни разу: а еще говорятъ, что наша дума многогѣлва.

Если взять четыре главныя партіи и въ каждой партіи по

три самыхъ многорѣчивыхъ оратора, то окажется, что партіи эти располагаются такъ:

Монархисты—106 выступлений, социаль-демократы—85, народная свобода—63, трудовики—31, остальные партіи—гораздо меньше.

Въ общихъ своихъ собраніяхъ, дума сдѣлала слѣдующія постановленія:

Выбрано бюро.

Конституированы отдѣлы.

Приняты гл. I—III наказа.

Признаны правильными выборы 80 избирательныхъ районовъ.

Приняты правила о порядкѣ прекращенія преній.

Выслушана декларация совѣта министровъ.

Избрано 16 комиссій.

Заявлено полученныхъ отъ разныхъ министровъ 241 законопроектъ.

Приняты правила о порядкѣ направленія запросовъ. Приняты правила о составленіи стенографическихъ отчетовъ.

Оглашено 308 привѣтствій.

Назначены дни для аграрныхъ преній.

Удалено изъ засѣданій 2 члена государственной думы.

Опредѣлена продолжительность занятій.

Передано въ комиссію 3 заявленія о привлеченіи къ суду членовъ государственной думы.

Препровождено по назначенію 6 запросовъ.

Опредѣлено время пасхальныхъ вакацій.

Принято 2 законопроекта.

Помимо вышеприведенныхъ данныхъ отмѣтимъ, что во всѣхъ 16 комиссіяхъ отдѣльныя группы располагаютъ слѣдующимъ числомъ голосовъ:

„Ка-деты“ — 102 голосами; трудовики—66, правые (умѣрен.)—52, социаль-демократы—48, польское коло—44, социаль-революціонеры—35, мусульмане—28, безпартійные—28, казаки—18, крайніе правые—3.

Думою избрано 16 комиссій:

Библиотечная, редакціонная, исполненіе росписи, бюджетная, финансовая, продовольственная, военно-полевые суды, наказъ, запросы, безработные, неприкосновенность личности, мѣстный судъ, свобода совѣсти, распорядительная, корреспонденція, аграрная.

Во всѣхъ вообще комиссіяхъ преобладающее число голосовъ принадлежать „ка-детамъ“ ; только въ аграрной комиссіи

на-дети имѣють наравнѣ съ социаль-демократами по 12 голосовъ, а трудовики располагають 18 голосами.

Если счастье всѣхъ членовъ думы, участвующихъ въ комиссіяхъ, то получится слѣдующая таблица, особенно интересная потому, что она показываетъ, кого изъ членовъ государственной думы собственныя свои партіи считаютъ наиболѣе дѣльными.

(Цифры, стоящія позади фамилій, указываютъ число комиссій, въ которыхъ участвуетъ данное лицо).

Социаль-демократы: Алексинскій 3, Виноградовъ 3, Зурабовъ 3, Киріенко 3, Сташинскій 3, Герусь 2, Головановъ 2, Гудовичъ 2, Космодамианскій 2, Митровъ 2, Наливкинъ 2, Нобилюсъ 3, Салтыковъ 2, Серебряковъ 2, Сѣровъ 2, Аникинъ, Анисимовъ, Афрамовичъ, Джапаридзе, Измаиловъ, Ломтатидзе, Махарадзе, Муртенъ, Озолъ, Петровъ Е. А., Петровъ И. А., Фомичевъ, Церетели. Не участвуютъ ни въ одной комиссіи 36 членовъ, т.-е. 51%.

Социаль-революціонеры. Сагателянъ 3, Ширскій 3, Горбуновъ 2, Долгополовъ П. С. 2, Долгополовъ Н. И. 2, Козловъ 2, Лебедевъ 2, Мушенко 2, Покровскій 2, Ржехинъ 2, Русановъ 2, Аветикянцъ, Архангельскій, Афанасьевъ, Евреинновъ, Емельяновъ, Зиминъ, Наумовъ, Оводовъ, Стрѣлковъ, Тигрянъ, Успенскій, Фокѣевъ. Не участвуютъ ни въ одной комиссіи 13 человекъ, т.-е. 36%.

Народныя социалисты. Демьяновъ 5, Волкъ-Карачевскій 4, Скалозубовъ 3, Алашеевъ 2, Баскинъ 2, Вознесенскій 2, Деларовъ 2, Киселевъ, Лишинъ, Малѣевъ, Марковъ, Окуловъ. Не участвуютъ ни въ одной комиссіи 3 человека, т.-е. 20%.

Трудовики. Березинъ 4, Булатъ 3, Вѣлаевъ 3, Карташевъ 3, Поповъ 3, Тихвинскій 3, Уразовъ 3, Васютинъ 2, Вьюшковъ 2, Захаровъ 2, Караваевъ 2, Немальцевъ 2, Сайко 2, Сытинъ 2, Щипинъ 2, Алексѣевъ, Байдаковъ, Батуровъ, Герасимовъ, Гриневичъ, Зубченко, Зыриновъ, Кимряковъ, Лосикъ, Малафѣевскій, Маляренко, Михайловъ, Мѣняйленко, Небвиловъ, Нечитайло, Пройда, Ризановъ, Семеновъ, Сухоруковъ, Таланцевъ, Тимошинъ, Торганинъ, Чигприкъ, Шошинъ, Лагло, Литвиновъ. Не участвуютъ ни въ одной комиссіи 59 человекъ, т.-е. 59%.

Польское коло. Жуковскій 3, Ячшовскій 3, Бабицкій 2, Блыскошъ 2, Венславскій 2, Веселовскій 2, Грабскій 2, Дымша 2, Колицъ 2, Новодворскій 2, Скаржинскій 2, Сли-

винскій 2, Сундерляндъ 2, Яронскій 2, Вальновичъ, Гемпель, Дзюржинскій, Жакъ, Лисовскій, Парчевскій, Пепловскій, Потоцкій, Путткамеръ, Родзевичъ, Стецкій, Сухоржевскій, Хоми-скій. Не участвуютъ ни въ одной комиссіи 18 человекъ, т.-е. 38%.

М у с у л ь м а н е. Каратаевъ 4, Беремжановъ 2, Максудовъ 2, Ханхойскій 2, Шахтахтинскій 2, Хасмамедовъ 2, Эльдархановъ 2, Вигловъ, Махмудовъ, Медіевъ, Мусинъ, Сейтмдиновъ, Султановъ, Сыртлановъ, Тевкелевъ, Тукаевъ, Хосановъ. Не участвуютъ ни въ одной комиссіи 11 человекъ, т.-е. 39%.

„К а - д е т ы.“ Цергаментъ 7, Гессенъ I. В. 5, Маклаковъ 5, Тесленко 5, Струве 4, Бобинъ 3, Булгаковъ 3, Гессенъ В. М. 3, Кутлеръ 3, Перелешинъ 3, Рабиновичъ 3, Федоровъ М. П. 3, Чернозитовъ 3, Айжемевъ 2, Долженковъ 2, Иорданскій 2, Кузнецовъ 2, Леонасъ 2, Поташевъ 2, Родичевъ 2, Савельевъ 2, Семеновъ 2, Стаховичъ 2, Татаринновъ 2, Чинковъ 2, Юренивъ 2, Атабековъ, Бакунинъ, Буркевичъ, Герасимовъ, Герштанскій, Горевъ, Губановъ, Долговъ, Домориковъ, Ершовъ, Иконниковъ, Кизеветтеръ, Карцевъ, Партсъ, Перелешинъ, Поповъ, Растворовъ, Шахтамировъ, Трейманъ, Шапиро, Шингаревъ, Шмахинъ, Юницкій, Юрашевскій, Юргенштейнъ. Не участвуютъ ни въ одной комиссіи 39 человекъ, т.-е. 43%.

К а з а к и. Араканцевъ 4, Петровскій 3, Каключинъ 2, Лаптевъ 2, Щербина 2, Бардижъ, Воронковъ, Карауловъ, Кудрявцевъ, Ушаковъ, Фоминъ, Харламовъ. Не участвуютъ ни въ одной комиссіи 5 человекъ, т.-е. 29%.

Б е з п а р т і й н ы е. Стаховичъ 3, Шидловскій 3, Искрицкій 2, Константиновъ 2, Быковъ, Гаркавий, Грузинскій, Демитюкъ, Калешукъ, Красковскій, Колокольниковъ, Лепешко, Михайлинъ, Петроченко, Рокотовъ, Сопликовъ, Сорокинъ, Федоровъ, Шведчиковъ, Шкляревичъ. Не участвуютъ ни въ одной комиссіи 30 человекъ, т.-е. 60%.

Д е м о к р а т и ч е с к і я р е ф о р м ы. Кузьминъ - Караваевъ 6.

У м ѣ р е н н ы е. Бобринскій 3, Люцъ 3, Опочининъ 3, Варунъ-Секретъ 2, Воронцовъ-Вельяминовъ 2, Ключевъ 2, Милорадовичъ 2, Рейнъ 2, Тетеревиновъ 2, Тимиревъ 2, Урусовъ 2, Балло, Васецкій, Ветчининъ, Герстенбергеръ, Демяновичъ, епископъ Евлогій, Иващенко, Капустинъ, Крупенскій, Куракинъ, Лукашевичъ, Маслениковъ, Поляковъ, Синадино, Талцовъ, Азатуровскій, Хомяковъ, Щентнеръ. Не участвуютъ нигдѣ 14 человекъ, т.-е. 32%.

Въ государственной думѣ.

Засѣданіе 9-го апрѣля 1907 г.

Двадцать четвертое засѣданіе государственной думы, 9-го апрѣля, было очень тревожнымъ для большинства членовъ государственной думы, желающихъ сохраненія думы и спокойной работы въ ней. Засѣданіе началось оглашеніемъ внесеннаго запроса о дѣйствіяхъ прибалтійскаго ген.-губернатора и о карательныхъ наѣздахъ, затѣмъ начались аграрныя пренія. Длинные-длинные рѣчи произнесены были деп. „к-д.“ Татариновымъ и Капустинымъ (союзъ 17-го октября). Первый, между прочимъ, доказывалъ, что крестьянская реформа возможна и даже полезна для государства съ финансовой точки зрѣнія. „Начиная съ 1898 г., въ теченіе цѣлаго десятилѣтія, былъ только одинъ годъ—1900, въ который не было сдѣлано никакихъ ассигнованій на голодающихъ. Цифры этихъ ассигнованій располагаются такимъ образомъ: въ 1898 г.—35 милл., 1899—5 милл., 1900—ничего, 1901—20 милл., 1902—18 милл., 1903—5 милл., 1904—1½ милл., 1905—40 милл., 1906—110 милл., и, наконецъ, въ 1907 г. предполагается ассигновать 61 милл. Средняя цифра за десятилѣтіе составляетъ 29 милл. руб.; если мы возьмемъ среднюю цифру ассигнованій за три послѣдніе года, то это составитъ 70 милл. руб. Такимъ образомъ, если строго держаться бюджетнаго права, то, пожалуй, настанетъ время, когда этотъ отдѣлъ будетъ перенесенъ изъ отдѣла чрезвычайныхъ расходовъ въ отдѣлъ обыкновенныхъ. Это будетъ, кажется, первое государство, которое внесетъ въ отдѣлъ обыкновенныхъ расходовъ статью на прокормленіе голодающихъ“.

Проф. Капустинъ признавалъ, что земельный вопросъ—фундаментъ нашей народной жизни—распатанъ и необходимо немедленно укрѣпить его, необходимо скорѣе произвести надѣленіе крестьянъ землею. Откуда взять землю? Этотъ путь указанъ Царскимъ указомъ объ удѣльныхъ и казенныхъ земляхъ. Частныя земли тоже нужно отчуждать, но только въ случаѣ крайней необходимости. Затѣмъ г. Капустинъ предостерегалъ лѣвыхъ отъ задуманнаго ими „грандіознаго соціального опыта“, какъ онъ назвалъ земельныя программы лѣвыхъ. „Довольно дѣлалось опытовъ надъ русскимъ народомъ. Друзьямъ народнымъ нужно снять съ народа всѣ лишнія путы,

снять по возможности всё тягости, помочь ему выйти изъ тяжелаго экономического положенія; но дать ему въ то-же время и второе условіе—устроиться такъ, какъ онъ хочетъ. Не мѣшайте ему и не навязывайте какихъ-либо теорій“.

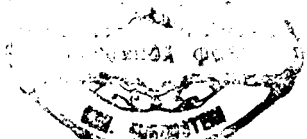
Представитель Дагестанской области деп. Султановъ и крымскій депутатъ Медіевъ привели яркіе примѣры нарушенія священныя правъ собственности. Въ Дагестанской области отдѣльныя сельскія общества и отдѣльные сельчане-собственники лишены теперь права собственности на землю: ихъ почему-то считаютъ живущими на казенной землѣ. Между тѣмъ, до 1900 г. дагестанскіе крестьяне считались собственниками земли и само правительство признавало ихъ таковыми. Такъ, бывшіе намѣстники на Кавказѣ князья Воронцовъ и Барятинскій въ своихъ прокламаціяхъ отъ имени Государя Императора обѣщали горцамъ сохранить за ними земли на правѣ собственности. Затѣмъ, великій князь Михаилъ Николаевичъ съ 1867 по 1869 г. въ законопроектѣ по земельному устройству горцевъ тоже считаетъ послѣднихъ собственниками земли. Въ Крыму земли, принадлежащія сельскимъ обществамъ, стали собственностью графовъ Мордвиновыхъ, Воронцовыхъ-Даншковыхъ и т. д.

Однако, аграрныя рѣчи мало привлекали вниманія народныхъ избранниковъ. Депутатовъ даже мало было въ залѣ засѣданій, такъ какъ въ это время въ кулуарахъ шли горячія пренія о предложеніи правыхъ, настаивающихъ на разсмотрѣніи ихъ заявленія объ осужденіи политическихъ убійствъ непременно въ слѣдующемъ засѣданіи.

Всѣ, кромѣ крайнихъ правыхъ и крайнихъ лѣвыхъ, находили, что обсужденіе этого вопроса вызоветъ столкновеніе правыхъ и лѣвыхъ, возбудитъ страстныя пренія, займетъ нѣсколько засѣданій, отсрочитъ всѣ другія работы. Дѣло осложнялось тѣмъ, что во вторникъ 10-го апрѣля, назначенный день обсужденія заявленія, предсѣдатель думы Ф. А. Головинъ въ ней присутствовать не могъ-бы, такъ какъ былъ вызванъ въ Царское Село. Правымъ было-бы на руку это отсутствіе сдерживающаго страсти предсѣдателя и потому они во что-бы то ни стало добивались, чтобы ихъ заявленіе было разсмотрѣно непременно во вторникъ 10-го апрѣля.

Борьба въ этомъ направленіи и происходила внѣ зала засѣданій. „Ка-деты“ уговаривали правыхъ. Здравомыслящій аходили, что дѣло тутъ сосѣмъ не въ осужденіи убійствъ, а въ желаніи правыхъ сорвать думу.

Около 6-ти часовъ, послѣ аграрныхъ преній, дума, при переполненномъ залѣ, приступила къ обсужденію предложенія. Правые изъ себя выходили, чтобы доказать, что нужно непременно обсу-

ждать именно въ слѣдующемъ засѣданіи и самое обсужденіе этого предварительнаго вопроса уже вызвало обостреніе. На лѣвыхъ скамьяхъ раздался неумѣстный смѣхъ, когда Пуришкевичъ сообщилъ о полученной имъ телеграммѣ объ убійствѣ въ Златоустѣ предсѣдателя союза русскаго народа, но центръ энергичнымъ шиканьемъ прекратилъ безтактную выходку, для которой нельзя найти извиненія и въ фиглярничаніи Пуришкевича. Со своей стороны, этотъ послѣдній позволилъ себѣ призывать государственную думу къ порядку, а гр. Бобринскій, склонявшійся уже къ снятію запроса, вызывающе заявилъ, что онъ не позволитъ снять его и заставить думу его обсуждать. Другіе ораторы, вмѣсто того, чтобы говорить только о порядкѣ слѣдующаго дня, переходили къ существу вопроса. Атмосфера накалялась, но въ этотъ моментъ, по предложенію членовъ „к.-д.“ фракціи, дума постановила пренія прекратить и тѣмъ избавилась отъ новаго скандала, какимъ грозила запись Келеповскаго и другихъ правыхъ.

Голосованіе дало удивительные результаты: за немедленное обсужденіе вопроса голосовали крайніе правые, союзъ 17-го октября, социаль-демократы и часть социаль-революціонеровъ,—о которыхъ Пуришкевичъ при громкомъ смѣхѣ всей палаты выразился: „товарищи социалисты-революціонеры“—всего 128 голосовъ противъ 345.

Пока происходилъ подсчетъ, стоявшіе визави, по словамъ корреспондента „Рѣчи“, откровенно смѣялись другъ другу въ лицо; даже вѣчно угрюмый Церетели не могъ удержать улыбку на лицѣ. Смѣялся и П. А. Столыпинъ, пріѣхавшій въ 5 час. въ думу. Вся эта обстановка и распредѣленіе голосовъ не оставили никакого сомнѣнія, что вся эта затѣя, дѣйствительно,—провокація.

Засѣданіе 10-го апрѣля 1907 года.

Засѣданіе думы 10-го апрѣля, двадцать пятое по счету, происходило въ то время, когда Ф. А. Головинъ ѣздилъ на аудіенцію въ Царское Село. Предсѣдательствовалъ въ этомъ засѣданіи Н. Н. Познанскій. Началось засѣданіе при все еще напряженномъ настроеніи депутатовъ. Еще не совѣмъ улеглась тревога, вызванная вопросомъ о порицаніи политическихъ убійствъ. Затѣмъ, естественно, всѣхъ занимала мысль: „что-то теперь происходитъ тамъ, въ Царскомъ“. Это тревожное настроеніе нѣсколько разсѣялось, когда было прочитано заявленіе 30-ти правыхъ, въ которомъ они предлагали думѣ немедленно назначить для разсмотрѣнія вопроса о политическихъ убійствахъ одинъ день на Фоминой недѣлѣ, съ тѣмъ, чтобы въ этотъ день вопросъ стоялъ единственнымъ на повѣсткѣ. Всѣ

вздыхнули отчасти облегченно: всё-таки, значить, до Фоминой спокойно можно работать.

Однако, это успокоение было только частичнымъ. Уже проникли слухи объ обструкціи въ думѣ, которая предположена правыми, о которой подробно рассказано въ статьѣ „Нязнь и дѣтельность партій“ въ № 8-мъ „Клада“. „Началось уже, значить, — думали многіе, — завтра правые уже отнимутъ время у думы разговорами о срочности своего предложенія“.

Интересно отмѣтить, что заявленіе 30-ти было подписано сначала еще тридцать первымъ — г. Клеповскимъ, который затѣмъ вычеркнулъ свою подпись. Что это — протестъ противъ отложенія дѣла до Фоминой?

Большое удовлетвореніе думѣ дало прочитанное затѣмъ представленіе военнаго министра о контингентѣ новобранцевъ, призываемыхъ въ 1907 году. Если думѣ предлагаютъ на обсужденіе вопросъ о количествѣ необходимыхъ къ призыву новобранцевъ, значить, о роспускѣ не думаютъ. Министръ просилъ въ своемъ заявленіи срочно рассмотреть предлагаемый вопросъ въ закрытомъ засѣданіи.

Выступившій по прочтеніи заявленія военнаго министра ораторъ партіи народной свободы І. В. Гессенъ выяснилъ, что необходимо рассмотреть этотъ вопросъ не откладывая. На основаніи 119 ст. основныхъ законовъ, если законъ о контингентѣ арміи не будетъ изданъ до 1-го мая, то Государь Императоръ призываетъ на военную службу необходимое число людей по Своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, если дума не успѣетъ разобрать вопросъ до 1-го мая, то она не въ состояніи будетъ оказать свое вліяніе въ этомъ вопросѣ. Отказываться отъ своего права дума не должна, такъ какъ это значило-бы не исполнить лежащаго на народныхъ представителяхъ долга предъ народомъ. Дума единогласно присоединилась къ этому мнѣнію и, по предложенію депутата Аджемова („к.-д.“), постановила передать вопросъ въ подкомиссію при бюджетной комиссіи, разсматривающую дѣла военнаго министерства, для предварительнаго обсужденія, съ тѣмъ чтобы она представила его думѣ къ слѣдующему засѣданію, въ четвергъ 12-го апрѣля.

Аграрный день дума на этотъ разъ, ввиду срочности военнаго вопроса, рѣшила перенести съ четверга на пятницу. Послѣ члевы комиссіи, посовѣщавшись, заявили, что для всесторонняго разсмотрѣнія вопроса „комиссіи мало будетъ одного дня“, и дума отсрочила разсмотрѣніе вопроса до пятницы.

Довольно продолжительная пренія вызвалъ вопросъ о штатахъ государственной думы. Многимъ депутатамъ показалось очень высокими оклады, назначенные служащимъ въ канцеляріи думы, особенно

два изъ нихъ — для завѣдующихъ отдѣлами по 6.000 рублей съ увеличеніемъ черезъ 15 лѣтъ до 9.000 руб.

Соціалистическія партіи сразу-же хотѣли даже здѣсь осуществить соціалистическій принципъ уравниенія. „Государственная дума въ своемъ существѣ соціалистическая, она должна-бы поэтому и въ своемъ внутреннемъ распорядкѣ проводить въ жизнь соціалистическія идеи. Вознагражденіе всѣмъ служащимъ въ думѣ должно быть одинаковое“. Однако, серьезнаго вниманія эти рѣчи не привлекли; все хорошо въ свое время. Пока не перестроилась жизнь, рано, конечно, говорить о производствѣ соціалистическихъ опытовъ. Пока, какъ объяснилъ В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, для обезпеченія надлежащаго состава служащихъ, отъ котораго въ значительной мѣрѣ зависитъ и самый ходъ работъ государственной думы, необходимо имъ и вознагражденіе назначить приличное, а затѣмъ, конечно, и по заслугамъ, соотвѣтственно исполняемымъ обязанностямъ. Въ Петербургѣ нельзя найти лицо, специально знакомое съ дѣломъ, которое вполне отдавало-бы свое время и могло-бы существовать съ семьей менѣе, чѣмъ на 6.000 руб. Въ условіяхъ петербургской жизни денежный масштабъ совершенно другой, чѣмъ въ условіяхъ жизни глухой провинціи. Къ высказанному г. Кузьминымъ-Караваевымъ присоединился даже г. Пуришкевичъ. Г. Крупенскій предупредилъ, что черезъ 10 лѣтъ придется платить 200.000 руб. на канцелярію, 24.000 руб. завѣдывающимъ отдѣлами и т. д. Въ концѣ концовъ штаты постановлено передать на срочное разсмотрѣніе президіума, распорядительной и бюджетной комиссій.

Покончивъ на время съ вопросомъ о штатахъ, дума перешла къ запросу о пыткахъ и истязаніяхъ въ Ригѣ. На трибуну вошелъ докладчикъ комиссій по запросамъ одесскій депутатъ Пергаментъ. Онъ прочиталъ страшный докладъ комиссій. Въ немъ подтверждалось почти все, что раньше проникло въ заграничную прессу о рижскомъ застѣнкѣ (см. „Кладъ“ № 6, статья „Пытки въ Ригѣ“). Ровнымъ, совершенно безстрастнымъ голосомъ читалъ докладчикъ, но изображенное въ докладѣ само по себѣ пожами рѣзало сердце. Цѣлый часъ длилось чтеніе доклада и съ каждымъ словомъ росъ ужасъ. Напряженные слушатели иногда прямо не въ силахъ были удержать возгласы возмущенія. Было и новое въ докладѣ, о чемъ еще не говорилось въ печати. Какъ говорится въ докладѣ, пытки при допросѣ лицъ, заподозрѣнныхъ въ прикосновенности къ такъ называемой милиціи, или боевымъ организаціямъ, практиковались въ рижскомъ сыскомъ отдѣленіи (въ особенности подъ начальствомъ Кошко) уже давно, но въ концѣ декабря 1905 г. тамъ для этой цѣли была образована цѣлая „комиссія“, куда

вошли помощникъ начальника сыскаго отдѣленія Швабе, помощникъ пристава Александровскій, Грегусъ, Савецкій, Давусъ и другіе полицейскіе и сыщики. Этой комиссіи, по собственному ея заявленію, было поручено прокурорскимъ надзоромъ и жандармскимъ правленіемъ производить „слѣдствія“ надъ политическими, а губернаторомъ для этой-же цѣли (по заявленіямъ самой-же комиссіи) было предоставлено комиссіи право „убивать политическихъ безъ суда и слѣдствія“.

„Комиссія“ подвергала пыткамъ и истязаніямъ и женщинъ, и почти дѣтей, иногда ни въ чемъ неповинныхъ. Одну женщину, фамиліи которой комиссія не назвала пока по собственной ея просьбѣ, арестованную 12-го декабря въ г. Ригѣ, пытали въ Огерѣ въ теченіе трехъ ночей подрядъ. Ее били до потери сознанія нагайками и проволочными палками, щипцами скручивали волосы и вырывали ихъ, били по зубамъ, по колѣнамъ... Черезъ три недѣли ее должны были выпустить за неимѣніемъ уликъ.

Пытали 14-тилѣтняго Иванова. 18-тилѣтняго Лапса повалили на полъ, одинъ изъ помощниковъ пристава вскочилъ ногами на его грудь и прыгалъ до тѣхъ поръ, пока грудная клѣтка и ребра у Лапса не были проломлены. Послѣ этого несчастный вилоть до своего разстрѣла не могъ ничего принимать, кромѣ воды.

18-го августа въ г. Виндавѣ былъ арестованъ ученикъ V-го класса виндавскаго реального училища 16 лѣтъ Эдуардъ Знотынь за передачу одного экземпляра выборгскаго воззванія. Знотынь—уроженецъ г. Виндавы, но тѣмъ не менѣе 10-го октября онъ былъ отправленъ въ г. Ригу, будто-бы для опознанія. Онъ просидѣлъ безъ допроса 12 дней въ сыскаго отдѣленіи, гдѣ его морили голодомъ; 22-го октября въ 4 часа утра его повели наверхъ для допроса. Первый предложенный ему вопросъ гласилъ: „Извѣстно-ли тебѣ, для чего ты сюда присланъ?“—„Извѣстно, для опознанія“.—„Не для опознанія, а для пытки“,—былъ отвѣтъ. Его повалили на скамейку, сорвали съ него одежду и шесть человекъ начали бить нагайками, между прочимъ, и такъ называемой „Марьей Ивановной“—проволочной нагайкой, обшитой кожей. Били по головѣ, били по рукамъ, по спинѣ, по половымъ органамъ, пока, наконецъ, все тѣло не превратилось въ одну зияющую рану. Отъ Знотыня требовали указанія виндавскаго соціалъ-демократическаго комитета. Знотынь молчалъ.

14-го марта 1906 г. въ квартирѣ были арестованы Эрнстъ Бирзникъ, Янъ Ретейомъ и Ансъ Отруцъ, причемъ въ ихъ квартирѣ были найдены литература и оружіе. Послѣ допроса въ 1-мъ участкѣ

городской части всё трое прокурбёрскимъ надзоромъ были препровождены въ сыскное отдѣленіе, гдѣ въ теченіе 8 дней ихъ подвергали самымъ пысканнымъ пыткамъ подь непосредственнымъ руководствомъ Грегуса, Михеева и Ткачева. Помимо уже описанныхъ средствъ истязанія, къ нимъ были примѣнены еще болѣе жестокія мѣры: рвали ногти, вырывали волосы, били по половымъ органамъ, ломали кости.

Бекмана, а также Осита и другихъ пытали при звукахъ шарманки, а полицейскіе чины въ это время {пьянствовали. На голой спиѣ Карлсона резиновыми палками искромсали написанный имъ самимъ и не понравившійся комиссіи протоколъ дознанія, тыкали пальцами и карандашами въ глаза, били. Зіяющія раны Дреймана посыпали солью и стали тереть ихъ. Онъ не вынесъ этихъ ужасныхъ мученій, предпочелъ смерть и подписалъ предъявленный протоколъ.

Страздыня, поваленнаго на полъ, били по краямъ ногъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не напухли и мясо не стало отваливаться отъ костей.

Допросъ каждаго обвиняемаго продолжался каждый разъ по нѣсколько часовъ и повторялся до тѣхъ поръ, пока допрашиваемый не признавалъ себя виновнымъ во всѣхъ взводимыхъ на него преступленіяхъ. Для „облегченія“ признанія наиболѣе упорныхъ комиссіа придумала особый способъ: устраивала очныя ставки съ другими—менѣ упорными—обвиняемыми и требовала только того, чтобы „допрашиваемый“ признался, что онъ знакомъ съ предъявленнымъ ему лицомъ. Чтобы избавиться отъ дальнѣйшихъ мученій, избиваемый обыкновенно соглашался. Этого было для комиссіи вполне достаточно, такъ какъ рассказать подь воздействием упомянутого „допроса“ о совмѣстныхъ преступленіяхъ двухъ, часто до того совершенно не видѣвшихъ другъ друга, лицъ было дѣломъ менѣ упорнаго обвиняемаго. Послѣ истязаній тѣ обвиняемые, на которыхъ слѣды пытокъ были слишкомъ ясно видны, отводились ночью за Грizenбергъ, около центральной тюрьмы, и тамъ разстрѣливались.

Во время сессіи первой государственной думы истязанія и пытки ослабли, но только для того, чтобы послѣ роспуска думы возобновиться еще съ болышей жестокостью и свирѣпостью. Своего высшаго пункта пытки достигли послѣ назначенія прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ Меллеръ-Закомельскаго.

Все болыше и болыше нарастало чувство ужаса у депутатовъ по мѣрѣ того, какъ читался докладъ. Невольно взоры всѣхъ обращались въ сторону министерскихъ скамей. Что скажутъ они?

„Они“ выступили прежде, тѣмъ запросъ былъ принять думой.

Министровъ не было въ думѣ; вмѣсто нихъ на трибуну всходили товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ Макаровъ и товарищъ министра юстиціи Люте. Не признать обвиненій нельзя и первый призналъ ихъ. Насилія въ Ригѣ, дѣйствительно, совершались; онъ „далекъ отъ ихъ оправданія“, но... считалъ ихъ понятными. Это серьезно, таковъ именно смыслъ отвѣта товарища министра думѣ. Въ Ригѣ было столько убійствъ полицейскихъ чиновъ, что они озвѣрѣли и между экспроприаторами и полиціей началась настоящая война. Тѣмъ не менѣе министерство, какъ только ему стало извѣстно изъ газетныхъ разоблаченій о безпорядкахъ въ Ригѣ, командировало для разслѣдованій директора департамента полиціи и затѣмъ „уже больше мѣсяца тому назадъ сообщило временному прибалтійскому губернатору о дачѣ этому дѣлу законнаго хода, о производствѣ разслѣдованія въ порядкѣ ст. 1086 и слѣдующихъ уголовного судопроизводства. Этимъ распоряженіемъ устанавливается отношеніе министерства внутреннихъ дѣлъ къ этимъ печальнымъ явленіямъ“.

Теперь надо ждать, что скажетъ судъ, и до тѣхъ поръ, пока онъ не скажетъ своего слова, обсужденіе этого дѣла, по мнѣнію товарища министра, представляется преждевременнымъ. „Вѣдь, мы совершенно не знаемъ, на чемъ основаны тѣ данныя, которыя заключаются въ запросѣ, и впервые только вчера увидѣли свѣтъ,—заявилъ онъ.—Мы не знаемъ, жалобы-ли это потерпѣвшихъ, свидѣтельства-ли это очевидцевъ, слухи-ли это и толки, ни на чемъ не основанные. Они нуждаются въ провѣркѣ. Провѣрка можетъ быть сдѣлана только судомъ“.

Въ началѣ своей рѣчи товарищъ министра заявилъ, что ни одной жалобы или заявленія по поводу истязаній, допускаящихся въ Ригѣ и нѣкоторыхъ другихъ арестныхъ помѣщеніяхъ въ Лифляндской и Курляндской губерніяхъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ не поступало. Это заявленіе вызвало крики съ лѣвой: „еще-бы!“, и шумъ.

Рѣчь товарища министра внутреннихъ дѣлъ все-же отвѣчала своему назначенію, но ниже всякой критики было выступленіе престарѣлаго г. Люте. Еле слышно, шамкающимъ голосомъ онъ разъяснял, что ему кажется неправдоподобнымъ содержаніе запроса. Онъ располагаетъ матеріаломъ, полученнымъ въ министерствѣ, изъ котораго „можно видѣть, что то, что кажется на первый взглядъ ужаснымъ, представляется въ другомъ освѣщеніи, когда это провѣрено“.

На крики: „громче“, г. Люте вызывающе отвѣтилъ: „Если вамъ угодно слушать, то вы меня услышите, если вамъ угодно кричать, я долженъ перестать говорить“.

Затѣмъ онъ прочиталъ телеграмму, полученную въ министерствѣ, въ которой говорится, что дѣйствовать оружіемъ при послѣднемъ столкновеніи противъ арестантовъ тюремному начальству пришлось въ силу необходимости. Относительно обвиненій противъ лицъ прокурорскаго надзора г. Лютце замѣтилъ: „Это совершенно несогласно съ традиціями прокурорскаго надзора“.

Докладчикъ Пергаментъ послѣ рѣчи г. Лютце разъяснилъ, что въ отвѣтъ на помѣщенные въ запросѣ свѣдѣнія, товарищъ министра привелъ свѣдѣнія, полученные имъ отъ сыскаго отдѣленія. Эти свѣдѣнія будутъ обязательны для гос. думы только при извѣстныхъ условіяхъ, когда эти событія будутъ разсматриваться въ надлежащей нормальной гласности и при равноправности сторонъ.

Вслѣдъ за г. Пергаментомъ депутатъ Озолъ, самъ изъ Риги, фактами доказывалъ неправильность словъ г. Лютце относительно прокурорскаго надзора.

Послѣ рѣчей министровъ пожелали говорить по вопросу цѣлый рядъ ораторовъ, но было уже около шести часовъ и пренія были отсрочены до слѣдующаго засѣданія.

Въ заключеніе прочитаны были три сообщенія о томъ, что польскимъ коло внесены проектъ основныхъ положеній автономіи Царства Польскаго; внесено предложеніе объ избраніи комиссіи для разсмотрѣнія законопроектовъ о поселковомъ и волостномъ управленіи и преобразованіи уѣздныхъ и губернскихъ административныхъ учрежденій, второе предложеніе о назначеніи на ближайшее засѣданіе разсмотрѣнія законопроекта объ амнистіи.

Засѣданіе 12-го апрѣля.

Опасенія оправдались. Въ двадцать шестомъ засѣданіи думы, 12-го апрѣля, правые отняли порядочно времени преніями по вопросу о назначеніи на Фоминой недѣлѣ одного дня спеціально для разсмотрѣнія предложенія правыхъ объ осужденіи политическихъ убійствъ.

Выступали и гр. Бобринскій, и епископъ Платонъ, и г. Крупенскій, и г. Рейнь. Графъ Бобринскій проговорился и указалъ дѣйствительную причину предложенія—сыскъ политической совѣсти. Онъ предложилъ „ка-детамъ“ не настаивать на отсрочкѣ, чтобы этимъ показать, что они—партія конституціонная, а не революціонная.

Корреспондентъ „Руси“ отмѣтилъ, что предсѣдатель Ф. А. Головинъ былъ весьма снисходителенъ къ правымъ, не лишивъ, напримѣръ, слова г. Рейна, который, несмотря на четыре остановки продолжалъ говорить свое „по существу“, хотя имѣлъ право говорить лишь по вопросу назначенія дня для разсмотрѣнія предложенія.

Лѣвые постоянно нападаютъ за эту снисходительность на Головина, но несправедливо, такъ какъ этимъ онъ обнаруживаетъ только высшій тактъ, будучи болѣе строгимъ къ представителямъ большинства и снисходительнымъ къ ораторамъ меньшинства, примѣняя къ послѣднимъ строгія мѣры лишь въ крайнихъ случаяхъ безобразій и скандаловъ.

Какъ ни старались правые, однако, побѣдить имъ на этотъ разъ не пришлось. За ихъ предложеніе голосовали опять только они сами да крайніе лѣвые. Центромъ предложеніе отклонено и обсужденіе предложенія опять отложено на неопредѣленное время.

Послѣ преній, вызванныхъ правыми, началось опять земельное говореніе.

„Я нарочно подсчиталъ,—говоритъ бывшій въ этотъ день въ засѣданіи корреспондентъ „Рѣчи“,—число членовъ государственной думы, присутствовавшихъ въ залѣ засѣданія въ одинъ изъ моментовъ аграрныхъ преній, во время рѣчи одного мусульманскаго оратора. Ихъ было 125, а къ концу его рѣчи, продолжавшейся больше часа, осталось не больше 90—100 депутатовъ. А тѣ, которые сидѣли въ залѣ, читали газеты, разговаривали и даже можно было наблюдать лицъ, низко склонившихъ голову къ шопитру и, очевидно, не слышавшихъ сладкихъ рѣчей ораторовъ. Отсутствие интереса со стороны народныхъ представителей къ аграрнымъ преніямъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и врядъ-ли можно сомнѣваться, что они и въ этомъ отношеніи не отражаютъ правильно настроенія страны, которая ждетъ и нуждается не въ словахъ, а въ реальномъ дѣлѣ, въ разработкѣ этого вопроса въ комиссіи. Тѣмъ не менѣе, когда въ засѣданіи 12-го апрѣля опять происходила баллотировка вопроса о сокращеніи времени рѣчей ораторовъ до 10-ти минутъ, опять крайняя правая и крайняя лѣвая вотировали противъ и ихъ набралось больше 100, т. е., больше того количества, которое во время преній присутствовало въ залѣ“.

Въ засѣданіи 12-го апрѣля выступали по аграрному вопросу въ большинствѣ крестьяне. Они не говорили, а читали рѣчи, но, несмотря на это, ихъ рѣчи были очень ярки. Особенное впечатлѣніе произвела рѣчь безпартийнаго крестьянина Семенова. Онъ въ ней отвѣтилъ и графу Бобринскому, и князю Святополкъ-Мирскому, и епископу Платону, и опекунамъ-бюрократамъ. „Графъ Бобринскій говоритъ о заповѣди „не пожелай жены ближняго твоего“, а отчего онъ не упомянулъ о другой: „возлюби Господа Бога твоего и ближняго твоего, какъ самого себя“? Графъ Бобринскій говорилъ: „я самъ—бывшій офицеръ“. Я-бы ему въ ноги поклонился,—воскликнулъ ораторъ, — если-бы онъ сталъ во главѣ и съ обнаженной

пашкой сказалъ: за мною, впередъ! Но онъ, когда была объявлена война, обратился къ доктору и сказалъ, что у него болитъ грудь. Докторъ приложилъ ухо къ груди и сказалъ, что тамъ для него нехорошо, воздухъ дурной“.

Послѣднее—въ сущности общее—опредѣленіе, графъ Бобринскій принялъ цѣликомъ на личный счетъ и въ концѣ сдѣлалъ личное объясненіе, указавъ, что его на военную службу въ послѣднюю кампанію, какъ вышедшаго за выслугою лѣтъ въ отставку, не призывали. Къ личному объясненію онъ прибавилъ еще слова, и не относящіяся къ нему, и когда за это получилъ замѣчаніе предсѣдателя, то, въ свою очередь, позволилъ себѣ сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: „Къ сожалѣнію, намъ самимъ приходится отстаивать свою честь. Въ другихъ парламентахъ это дѣлаетъ предсѣдатель“.

Однако, ударъ оказался пустымъ. Предсѣдатель не задумался, что нужно отвѣтить графу. Онъ сказалъ: „Замѣчаніе графа Бобринскаго нисколько не относится къ дѣлу. Ни одинъ предсѣдатель не можетъ знать подробностей личной жизни депутатовъ“. Эти слова были покрыты аплодисментами большей части думы.

Интересною вышла аграрная рѣчь епископа Евлогія. Этотъ лидеръ крайнихъ правыхъ въ своей рѣчи сказался „революціонеромъ“, какъ его въ шутку называли въ засѣданіи-же между собою шутники-депутаты. Онъ говорилъ о притѣсненіяхъ, чинимыхъ помещиками-поляками крестьянамъ въ Холмской Руси, и объ аграрныхъ беспорядкахъ выразился, что они представляютъ преступленіе только съ точки зрѣнія формальной, но „по высшей правдѣ это есть возвращеніе неправильно отнятаго“.

Во время рѣчей крестьянъ, принадлежащихъ къ лѣвымъ партіямъ, гг. Пуришкевичъ, Келеповскій и Крупенскій опять неприлично вели себя. Г. Келеповскій показывалъ, что онъ прыскаетъ со смѣха, позволилъ себѣ дѣлать даже такія замѣчанія оратору: „когда вы научились? когда кучеромъ были?“.

Когда былъ конченъ аграрный вопросъ, собраніе выслушало предложеніе, внесенное лѣвыми, о посылкѣ думской комиссіи въ гор. Ригу для разслѣдованія рижскихъ пытокъ. Во время преній о направленіи этого предложенія г. Келеповскій опять позволилъ себѣ неприличную выходку, назвавъ докладъ комиссіи по рижскому запросу романомъ Пергамента. Г. Пуришкевичъ крайнихъ лѣвыхъ назвалъ „товарищами социаль-революціонерами“. Дума постановила передать предложеніе въ комиссію по запросамъ.

Страстные пренія вызвало затѣмъ предложеніе о запросѣ объ избіеніи рабочихъ на фабрикѣ Чешера въ Петербургѣ. Тутъ Пуришкевичъ сказалъ, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ, „деп. Але-

ксинскій шляется по всёмъ заводамъ и къ нему бѣгутъ депутаты отъ заводовъ“. Г. Алексинскій, въ свою очередь, обвинялъ г. Пурришкевича въ провокаторствѣ и прочиталъ изъ газеты „Русское Знамя“ доносъ на рабочихъ градоначальнику, подписанный товарищемъ предсѣдателя главнаго совѣта союза русскаго народа г. Пурришкевичемъ.

Этому чтенію предшествовалъ инцидентъ. Предсѣдатель попросилъ г. Алексинскаго дать ему предварительно прочесть статью, которую депутатъ хотѣлъ цитировать, и прочиталъ ее сначала про себя. Этотъ инцидентъ затѣмъ вызвалъ оживленное обсужденіе въ печати: имѣлъ-ли право предсѣдатель цензурировать то, что хотѣлъ огласить ораторъ.

Срочность запроса о фабрикѣ Чешера совершенно неожиданно, благодаря присоединенію поляковъ къ крайней лѣвой, была принята. Поляки объяснили это голосованіе недоразумѣніемъ, и послѣ признанія срочности запроса дума была вынуждена перейти къ слушанію дѣла по существу, хотя опытъ прошлаго достаточно ярко свидѣтельствуеть, что передача всёхъ бывшихъ до сихъ поръ запросовъ въ комиссію запросовъ для ихъ предварительнаго разсмотрѣнія и редактированія имѣла самое благодѣтельное вліяніе на ходъ этихъ дѣлъ. Особенно важно правильно редактировать запросъ, чтобы министерство не могло отвести его по чисто-формальнымъ доводамъ. Но какъ-же с.-демократы упустятъ случай показать, хотя-бы и цѣной невѣрныхъ ссылокъ и затушевыванія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, что только они не забываютъ объ интересахъ народа! Алексинскій произнесъ одну изъ самыхъ своихъ пошлыхъ демагогическихъ рѣчей и позволилъ себѣ сказать Родичеву, доказывавшему, что именно тѣ, которые интересуются сущностью запроса, должны были-бы направить его въ комиссію,—что пусть онъ прямо скажетъ, что не дорожитъ интересами народа, и не скрываетъ своихъ мыслей подъ благовиднымъ предлогомъ. При палочности, съ одной стороны, такихъ типовъ, какъ Келеновскій, а съ другой—такихъ демагоговъ, какъ Алексинскій,—замѣчаетъ корреспондентъ „Рѣчи“ по поводу этого засѣданія,—положеніе предсѣдателя гос. думы становится чрезвычайно труднымъ; ему постоянно приходится поддерживать напряженное вниманіе, слѣдить за каждымъ словомъ оратора, вмѣшиваться въ пренія и, тѣмъ не менѣе, при этой дьявольской настойчивости ему съ великимъ трудомъ удалось поддержать порядокъ засѣданія и стройность его.

Благодаря этому, съ запросомъ удалось прикончить въ этомъ-же засѣданіи. Онъ былъ принятъ единогласно. Окончательное редакци-

рованіе его было поручено президіуму вмѣстѣ съ первыми подписавшими его.

Президіумъ сейчасъ-же послѣ думскаго засѣданія, съ участіемъ депутатовъ Алексинскаго и Махарадзе, запросъ окончательно формулировалъ такъ:

„10-го апрѣля, въ 1 часъ дня, на мануфактурной фабрикѣ Чешера имѣло мѣсто слѣдующее: возмущенные совершенно произвольными вычетами изъ жалованья больничнаго сбора рабочіе и работницы, исходя изъ того, что не дѣло администраціи взыскивать недоимки, подлежащія взысканію полиціи въ судебномъ порядкѣ, пожелали объясниться съ администраціей фабрики. Но вмѣсто администраціи фабрики къ рабочимъ явился вызванный администраціей помощникъ пристава 2-го участка Выборгской части Михайловъ съ нарядомъ полиціи. Несмотря на вполнѣ мирный характеръ собранія и заявленіе рабочихъ, что они желаютъ мирно объясниться съ администраціей фабрики по поводу своихъ экономическихъ требованій, помощникъ пристава все время провоцировалъ, ругая ихъ, издѣваясь и даже угрожая револьверомъ, а затѣмъ, занявъ полицейскимъ нарядомъ единственный выходъ, командовалъ прибывшимъ коннымъ городовымъ атаковать и избивать толпу. Произошло кровавое избіеніе. Конные городовые топтали женщинъ, мужчинъ били нагайками, пашками запертую въ ловушку толпу. Въ результатѣ этой бойни пострадало свыше 30 человекъ; есть серьезныя увѣчья. Это избіеніе вызываетъ среди рабочихъ и населенія Петербурга возмущеніе и требованіе немедленнаго разслѣдованія происшествія и наказанія виновныхъ.

„Ввиду изложенныхъ событій государственная дума постановила спросить господина министра внутреннихъ дѣлъ:

„1) Извѣстны-ли министру изложенныя событія?

„2) Сдѣлано-ли распоряженіе о производствѣ разслѣдованія о незаконныхъ дѣйствіяхъ помощника пристава Михайлова и другихъ полицейскихъ чиновъ, выразившихся въ избіеніи мирно собравшихся рабочихъ фабрики Чешера 10-го апрѣля 1907 г.?

„3) Будутъ-ли виновные полицейскіе чины привлечены къ отвѣтственности?

„4) Какія мѣры приняты министромъ для устраненія подобныхъ насилій надъ гражданами?“

Въ изложеніи событій внесены слѣдующія двѣ фразы, имѣющія весьма характерное и серьезное значеніе:

„При чемъ предварительно были заперты ворота, били пашками и нагайками“. „Кричалъ на рабочихъ (пом. приставъ), грозилъ револьверомъ“.

Запросъ въ тотъ-же день былъ отосланъ предсѣдателю совѣта министровъ.

По просьбѣ подкомиссiи, которой нужно было предварительное обсужденіе законопроекта о контингентѣ арміи, представленіе его на разсмотрѣніе закрытаго засѣданія думы перенесено на 16-е апрѣля.

Засѣданіе 13-го апрѣля 1907 г.

Двадцать седьмое засѣданіе государственной думы, 13-го апрѣля, по справедливости должно быть названо состязательнымъ. Состязались по-двое четыре группы. Въ первой—гг. Пуришкевичъ, Келеповскій и К^о противъ гг. Алексинскаго и К^о, въ другой — министр юстиціи противъ деп. Пергамента. Первая группа состязалась въ томъ, кто лучше можетъ выразаться въ парламентѣ такъ, какъ въ парламентахъ не выражаются, и кто больше наговоритъ неприятнаго противной сторонѣ. Результатъ состязанія этой группы, т. е., кому слѣдуетъ отдать пальму первенства за говореніе того, что говорить не слѣдуетъ, опредѣлить затруднительно. Безпристрастный судья долженъ сказать: „обѣ стороны лучше“. Вторая группа имѣла уже дѣловое состязаніе.

Засѣданіе обсуждало запросъ о пыткахъ и истязаніяхъ въ Ригѣ и министр юстиціи трижды выступалъ, чтобы доказать, что запросъ думѣ принимать не слѣдуетъ. Его рѣчи „разъяснялъ“ г. Пергаментъ кучно съ г. Гессеномъ. Результаты этого состязанія въ постановленіи государственной думы. Г. министр юстиціи говорилъ трижды противъ запроса такъ убѣдительно, что дума единогласно приняла запросъ.

Въ первой своей рѣчи министр юстиціи, указавъ, что запросъ содержитъ двѣ части, одна изъ которыхъ относится къ происходившему въ рижской тюрьмѣ, а другая, которой посвящены цѣлыя страницы, касается довольно значительнаго періода дѣйствій полицейской власти, вдругъ потребовалъ у государственной думы объясненія по поводу матеріала, который приведенъ въ запросѣ, и его источниковъ.

Это было очень смѣлое требованіе и докладчикъ комиссiи сразу же указалъ г. министру, что это—право думы спрашивать объясненій у министра по поводу приведенныхъ въ запросѣ фактовъ, но отнюдь не право министра спрашивать разъясненія ихъ. Дума указала на факты и на лицъ, авторовъ ихъ. Дѣло министра разслѣдовать факты и дать отвѣтъ думѣ. Требуя отъ думы документальнаго разслѣдованія, министр долженъ признать необходимость образованія въ думѣ слѣдственной комиссiи, противъ которой, какъ противорѣчашей закону, говорилъ даже одинъ депутатъ соц.-рев. партіи.

Относительно раздѣленія запроса г. министру было указано, что въ запросѣ не два, а много предметовъ. Въ настоящемъ запросѣ излагается цѣлый рядъ событій, объединенныхъ одной общей мыслью, событій, которыя иллюстрируютъ собою условія содержанія заключенныхъ какъ въ арестныхъ домахъ прибалтійскихъ губерній, такъ и въ тюрьмахъ, событій, кончающихся тѣми столкновениями, одно изъ которыхъ представлено конкретнымъ предметомъ запроса. Если-бы этотъ запросъ въ конечномъ своемъ результатѣ обращался къ одному только министру, то г. министръ юстиціи могъ-бы сказать, что въ этомъ запросѣ имѣются факты, несомнѣнно, къ нему непосредственно не относящіеся. Но этотъ запросъ излагаетъ обстоятельства, касающіяся тюремнаго режима и въ частности одного столкновения, и обращается какъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ, такъ и къ министерству юстиціи. Но не только съ точки зрѣнія такого вышшняго соотношенія отдѣльныхъ частей запроса г. министръ юстиціи не правъ: онъ не правъ и съ точки зрѣнія отношенія къ тому предмету, который составляетъ содержаніе запроса, такъ какъ если люди подвергаются пыткамъ въ арестантскихъ помѣщеніяхъ, то напрасно г. министръ юстиціи думаетъ, что это касается только министра вн. дѣлъ, напрасно министръ справедливости думаетъ, что на его обязанности не лежитъ принять мѣры къ тому, чтобы виновные были преданы суду.

Послѣднее было сказано на ту часть рѣчи министра, гдѣ онъ заявилъ, что на конечную часть запроса онъ уже далъ отвѣтъ черезъ своего товарища г. Лютце и больше отвѣтъ онъ давать не думаетъ. По этому поводу министру объяснили еще, что этотъ отвѣтъ на основаніи данныхъ только что начавшагося предварительнаго слѣдствія, на основаніи показаній одной заинтересованной стороны не можетъ почитаться дѣйствительнымъ отвѣтомъ даже желающими отдѣлаться отъ запроса. Телеграмма, читанная товарищемъ министра на прошломъ засѣданіи, исходитъ отъ тѣхъ властей, которыя или сами замѣшаны въ дѣлѣ, или при содѣйствіи и попустительствѣ которыхъ явленія, описанныя въ запросѣ, происходили. Министръ юстиціи, навѣрно, не забылъ случая, когда тов. министра Гурко въ своемъ объясненіи по поводу предъявленныхъ къ нему обвиненій позволилъ себѣ напечатать завѣдомо-ложное свѣдѣніе. Это констатировано не кѣмъ-нибудь, а Высочайше утвержденной комиссіей д. т. сов. Голубева, производившей разслѣдованіе, а ужъ если сообщить въ печати завѣдомо-ложное свѣдѣніе позволяетъ себѣ тов. министра, то у гос. думы, естественно, могутъ возникнуть сомнѣнія въ достовѣрности прочитанной тов. министра Лютце телеграммы, такъ какъ она составлена заинтересованными въ данномъ дѣлѣ лицами.

Если все-таки были понятны троекратныя выступленія министра, неудачно пробовавшаго провалить запросъ, то совсѣмъ непонятными и безцѣльными явились препирательства правыхъ съ лѣвыми и вообще все ихъ въ большей своей части неприличное говореніе. На ихъ рѣчи ушло очень порядочно времени. Они временно обмѣнивались „любезностями“, затѣмъ лѣвые старались краснорѣчіемъ представить ужасы еще болѣе ужасными, а правые старались доказать, что запросъ и такъ уже чрезчуръ разукрашенъ и даже не заслуживаетъ довѣрія. Послѣднее утвержденіе тѣмъ болѣе становится непонятнымъ, что, въ концѣ концовъ, за принятіе запроса баллотировали всѣ безъ исключенія. Къ чему-же было тамъ много и безцѣльно препираться?

Г. Пуришкевичъ окончательно, кажется, теперь усвоилъ тактику сказать сначала рѣчь, а потомъ уже въ концѣ ея гадость и тотчасъ-же затѣмъ сбѣгать съ кафедръ, чтобы сдѣлаться безопаснымъ отъ предсѣдателя. Началъ онъ свою рѣчь съ очень живого воспроизведенія картины пытокъ надъ Остацомъ въ гоголевскомъ Тарасѣ Бульбѣ и напомнилъ о той страшной мести, „поминкахъ по Остапѣ“, которая устроилъ „ляхамъ“ Тарасъ. „Если-бы правдой было все то, что описывается въ запросѣ, то всѣ мы должны были-бы воскликнуть, что жить въ Россіи невозможно, и чувство мести должно было-бы вспыхнуть въ каждомъ“. Ставъ на эту рискованную точку зрѣнія, Пуришкевичъ затѣмъ вдругъ сдѣлалъ оборотъ и началъ доказывать, что „мы сами“ виноваты въ происходящихъ ужасахъ и что союзъ русскаго народа только отвѣчаетъ на бомбы и выстрѣлы крайней лѣвой.

„Безобразія въ тюрьмахъ,—сказалъ Пуришкевичъ, — являются только вынужденнымъ отвѣтомъ на всѣ гадости, на всѣ бомбы, отсюда бросаемыя. Я напомню вамъ, господа, нѣкоторые случаи: что вы скажете о туккумскомъ эпизодѣ, когда отрядъ драгунъ въ 30 человекъ былъ подстереженъ вашими единомышленниками, г. Озолъ, былъ сожженъ и изрубленъ? А что вы скажете о венденскомъ случаѣ съ полковникомъ Миллеромъ, котораго мучили, рѣзали и убили? И неужели вы полагаете, что тѣ люди, которые любили Миллера, тѣ, которые имѣли родственниковъ и единомышленниковъ въ рядахъ этихъ 30 драгунъ, они не поднимутся и не будутъ мстить вамъ? Да, каждый изъ насъ будетъ мстить вамъ и мстить жестоко, потому что не можетъ допустить поруганія и гибели своихъ, изъ своей среды происходящихъ. Вы поднимаете вопросъ о томъ, что вотъ-де думъ нужно послать для разслѣдованія туда душевныхъ санжолотовъ“.

Эта первая выходка вызвала шумъ, возгласы протеста и за-

мѣчанія: „психическій больной“. Предсѣдатель зазвонилъ и сдѣлалъ замѣчаніе оратору; послѣдній продолжалъ: „Такъ я повторяю, господа,—меня предсѣдатель останавливаетъ, и я жалѣю о томъ, что не выхожу говорить съ лѣвой стороны, можетъ быть, я тогда не былъ-бы остановленъ, тогда забыли-бы, что я правый,—и я повторяю, господа, что вмѣсто того, чтобы обвинять насъ, называть душегубами, оскорблять насъ безнаказанно, не давая намъ права защищаться, обуздайте сами себя, обуздайте представителей лѣвой печати, той лѣвой печати, которая въ большинствѣ случаевъ искажаетъ факты и вмѣсто освѣщенія истины даетъ только подтасовку ея, ибо, господа, въ рукахъ вашихъ только шуллера слова“.

Сказавъ это, г. Пуришкевичъ сбѣжалъ съ трибуны и напрасно затѣмъ предсѣдатель предлагалъ ему взять слова обратно.

— Ни въ какомъ случаѣ!—кричалъ уже съ мѣста г. Пуришкевичъ.

Когда-же предсѣдатель напомнилъ, что онъ будетъ его въ слѣдующій разъ за подобныя выраженія временно устранять изъ засѣданія, Пуришкевичъ крикнулъ:

— Пожалуйста, но я словъ назадъ не беру, я буду радъ, я только тогда и отдыхаю, когда я не въ думѣ.

Г. Келеновскій доказывалъ, что протоколъ комиссіи—не серьезное дѣло, а не что иное, какъ популярный романъ „Тайны испанской инквизиціи“. Документы, на которѣжъ онъ основанъ, могутъ быть допущены развѣ только „въ южно-русской республикѣ, когда тамъ судьбою будетъ Шемяка“.

Таковы перлы рѣчей правыхъ.

На оскорбленія Пуришкевича отвѣчалъ г. Алексинскій.

„Членъ думы Келеновскій сказалъ, что запросъ уничтоженъ рѣчью Пуришкевича,—сказалъ ораторъ,—но онъ продолжалъ уничтожать его такой-же рѣчью, какою была рѣчь Пуришкевича. Очевидно, господа правые думаютъ, что сквернословіе есть лучшій способъ для уничтоженія всякихъ запросовъ и вопросовъ. Такъ какъ депутаты правой говорили не по существу, а большею частью сводили свои разсужденія къ черезчуръ специфическимъ темамъ, мѣсто для обсужденія которыхъ, на мой взглядъ, не парламентъ, а чайная или трактиръ союза русскаго народа, то объ ихъ рѣчахъ я говорить не буду. Я отмѣчу только одну характерную черту. Мы внесли запросъ и направляли его русскому правительству; говорили въ немъ о дѣйствіяхъ сыщиковъ и полицейскихъ, убивавшихъ людей. Намъ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ говорилъ, что эти истязанія были весьма естественнымъ отвѣтомъ на бомбометанія, на экспроприаціи, и т. д. Послѣ этого вышелъ Пуришкевичъ и сказалъ:

„Мы отвѣчаемъ только на бомбы“. Мы дѣлаемъ запросъ о полицейскихъ, и отвѣчаетъ на него Пуришкевичъ, къ которому онъ, кажется, не относился, а относился только къ сыщикамъ“.

Въ доказательство того, что запросъ—не романъ, г. Алексинскій передалъ председателю имѣвшіяся у него двѣ фотографіи, снятыя съ двухъ лицъ, замученныхъ въ Ригѣ

„Я ихъ передаю г. председателю,—сказалъ г. Алексинскій,—чтобы всѣ, кто захочетъ, могли-бы ихъ видѣть. Мы вносимъ запросъ для того, чтобы не только Россія, но и весь міръ узналъ о томъ, что дѣлается въ нашей странѣ; чтобы тѣ западно-европейскіе банкиры и капиталисты, которые ссужаютъ наше правительство деньгами, знали, на что они даютъ деньги“.

Запросъ былъ принятъ въ редакціи комиссіи по запросамъ.

Постановлено въ порядкѣ ст. 40 обратиться къ председателю совѣта мин. съ вопросомъ о томъ, намѣрено-ли правительство впредь до окончанія разслѣдованія устранить въ Прибалтійскомъ крайѣ отъ должности нѣкоторыхъ представителей власти, въ цѣляхъ огражденія населенія отъ повторенія издѣвательствъ надъ арестованными.

Въ заключеніе въ собраніи было прочтано нѣсколько внесенныхъ заявленій о новыхъ запросахъ: 1) о дѣйствіяхъ ген. Таубе въ Баку и 2) о запрещеніи намѣстникомъ на Кавказѣ общественной организаціи открывать столовыя. За подписью 33 лицъ поступилъ проектъ относительно землеустройства Эстляндской губерніи.

Засѣданія 16-го и 17-го апрѣля 1907 г.

Засѣданія государственной думы, происходившія 16-го и 17-го апрѣля, были закрытыми для публики и даже представителей печати, такъ какъ въ нихъ происходило обсужденіе законопроекта военнаго министерства о величинѣ контингента новобранцевъ въ призывѣ 1907 г. Но все-же свѣдѣнія о нихъ проникли въ печать и о первомъ изъ нихъ можно сказать, что оно, по происшедшему въ немъ, представляло чрезвычайную опасность для существованія думы. По словамъ „Нов. Вр.“, засѣданіе 16-го апрѣля носило настолько бурный характеръ и закончилось такимъ крупнымъ скандаломъ, какого еще не было со времени начала засѣданій второй гос. думы.

Отъ имени комиссіи, разсматривавшей законопроектъ военнаго министра, докладчикомъ выступилъ членъ думы Кузьминъ-Караваяевъ. Приведя постановленіе комиссіи о принятіи законопроекта большинствомъ 4 голосовъ противъ 2, г. Кузьминъ-Караваяевъ указалъ въ своей рѣчи, что наличная потребность въ государственной обо-

рошѣ, несмотря на различнаго рода соображенія, все-таки должна быть удовлетворена.

Г. Кузьмину-Караваеву возражалъ военный министръ г.-л. Редигеръ. Онъ указалъ, что военнымъ министерствомъ уже проектированы и частью постепенно проводятся въ жизнь тѣ мѣропріятія, на которыя указывалъ г. Кузьминъ-Караваевъ. Въ заключеніе своей рѣчи военный министръ сказалъ, что сейчасъ-же, вдругъ, уничтожить кадры военной прислуги нельзя.

Г. В. Гессенъ предложилъ сначала военному министру, а потомъ лѣвымъ депутатамъ относиться возможно спокойнѣе къ обсужденію законопроекта и отъ имени „ка-детовъ“ предложилъ принять законопроектъ.

Одинъ изъ членовъ комиссін, разсматривавшей законопроектъ, г. Карташевъ, внесшій вмѣстѣ съ г. Горбуновымъ (с.-р.) особое мнѣніе о непринятіи законопроекта, поддерживая свое предложеніе, говорилъ въ очень рѣзкой формѣ.

Отъ имени польскаго коло г. Кониць сказалъ, что коло будетъ вотировать за принятіе законопроекта.

Послѣ перерыва говорили правые. Говорили г. Лопкаревъ и одинъ беспартийный крестьянинъ Волынской губ., указывавшій, что не за тѣмъ прислали крестьяне своихъ представителей, чтобы разрушать армію и губить думу. Говорилъ лѣвый крестьянинъ г. Семеновъ за отказъ.

Рѣчь г. Маклакова была направлена всецѣло противъ тактики лѣвыхъ партій. Г. Маклаковъ сказалъ, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ лѣвые превращали думу въ арену для митинговъ, что необходимо, наконецъ, порвать съ этимъ и не думать, что подобное положеніе вещей встрѣтитъ сочувствіе въ странѣ. Рѣчь г. Маклакова была встрѣчена шумными аплодисментами правыхъ и центра. Лѣвые шикали. Затѣмъ на кафедре возшелъ г. Зурабовъ, и его рѣчь дала поводъ къ дальнѣйшему инциденту.

Г. Зурабовъ началъ свою рѣчь съ рѣзкихъ выраженій по адресу арміи и правительства. Предсѣдатель его остановилъ, прося перейти къ существу вопроса, но г. Зурабовъ не призналъ необходимымъ считаться съ замѣчаніями. Правые заволновались. Г. Зурабовъ, продолжая свою рѣчь, нанесъ явное оскорбленіе арміи.

Въ моментъ произнесенія этого оскорбленія начался сильнѣйшій протестъ на скамьяхъ правыхъ. Военный министръ и чины военного министерства, сидѣвшіе въ министерской ложѣ, встали въ негодованіи со своихъ мѣстъ.

Правые требовали примѣненія къ Зурабову ст. 38, его удаленія изъ зала; лѣвые кричали съ своей стороны, требуя, чтобы г. Зу-

рабовъ продолжалъ свою рѣчь; возникли общій шумъ, волненіе, голосовъ нельзя было разобрать. Предсѣдатель Ф. А. Головинъ звонилъ, говорилъ что-то о г. Пуришкевичѣ, но шумъ все возрасталъ. Съ величайшимъ трудомъ, возстановивъ на мнунту возможность хоть что-нибудь сказать, предсѣдатель объявлялъ, что въ думѣ не такъ поняты слова г. Зурабова, началъ реферировать слова, которыя вызвали волненіе и заявилъ, что г. Зурабовъ не откажется подтвердить его, предсѣдателя, мнѣніе, что его, оратора, слова не имѣли значенія оскорбительныхъ для арміи выраженій.

Г. Зурабовъ, припавъ предложеніе предсѣдателя дать свои объясненія, снова повторилъ свои оскорбительныя слова, но въ еще болѣе рѣзкой формѣ.

Тутъ шумъ и волненіе въ залѣ приняли такой острый характеръ, какого они еще не имѣли со дня начала засѣданій второй госуд. думы. Не только правые и умѣренные не могли сдержатъ крики негодованія, но и многіе „ка-деты“ были возмущены этой выходкой.

Крестьянскіе депутаты-безпартійные встали со своихъ мѣстъ, бросились внизъ къ предсѣдательской кафедрѣ и настойчиво требовали немедленно удалить г. Зурабова изъ засѣданія.

При общемъ шумѣ и крикѣ, предсѣдатель началъ говорить, что онъ, предсѣдатель, считаетъ вопросъ исчерпаннымъ, а кто не согласенъ, можетъ уйти.

Мгновенно правые, умѣренные, октябристы и безпартійные крестьяне встали съ мѣстъ и ушли изъ зала. Одновременно демонстративно покинули свои мѣста военный министръ и чины военнаго министерства. Шумъ и волненіе продолжались на „ка-детскихъ“ и лѣвыхъ скамьяхъ. Предсѣдатель, не будучи въ силахъ внести успокоеніе, объявилъ перерывъ на 10 минутъ.

Всѣ фракціи немедленно направились по своимъ комнатамъ, и тамъ произошли совѣщанія. Въмѣсто 10 минутъ перерывъ продолжался два часа. Среди лѣвыхъ и „ка-детовъ“ начали распространяться слухи, что думѣ могутъ быть представлены два выхода: или г. Зурабовъ долженъ быть удаленъ думою изъ засѣданія по 38 ст., или-же могутъ послѣдовать чрезвычайныя осложненія. На чемъ былъ основанъ этотъ слухъ, въ точности во фракціяхъ не могли опредѣлять, но этотъ слухъ передавался изъ устъ въ уста и служилъ главнѣйшей темой разговоровъ.

Собравшись въ своей комнатѣ, правые рѣшили внести свой письменный протестъ и отказаться отъ дальнѣйшаго присутствованія на засѣданіи. Но въ концѣ засѣданія съ ними вступили въ переговоры представители „ка-детской“ партіи, которые заявили, что

предсѣдатель думы г. Головинъ теперь понялъ рѣчь г. Зурабова, что онъ предложитъ сейчасъ думѣ удалить г. Зурабова по 38 ст., если-же большинство гос. думы отвергнетъ это предложеніе, то г. Головинъ сложитъ съ себя обязанности предсѣдателя.

Это заявленіе удовлетворило правыхъ и крестьянскихъ депутатовъ, они вернулись въ залъ. Но обѣщаніе „ка-детовъ“ не было выполнено полностью.

Возобновляя въ восемь часовъ вечера засѣданіе, предсѣдатель сдѣлалъ заявленіе, что во время перерыва онъ, предсѣдатель, потребовалъ себѣ стенограмму рѣчи г. Зурабова, прочиталъ ее и теперь находитъ, что, дѣйствительно, въ словахъ г. Зурабова заключались для нашей доблестной арміи оскорбительныя выраженія. Поэтому предсѣдатель рѣшилъ лишить г. Зурабова слова, сдѣлать ему замѣчаніе и предложить гос. думѣ баллотировкой высказаться, одобряетъ-ли она дѣйствія предсѣдателя въ этомъ отношеніи.

При этихъ словахъ въ залѣ начался рѣзкій шумъ съ крайнихъ лѣвыхъ скамей. На каедре взошелъ г. Церетели, началъ что-то говорить, но предсѣдатель заявилъ, что никакихъ преній по сдѣланному имъ предложенію онъ не допуститъ, а прямо ставитъ вопросъ на голосованіе.

Г. Церетели, тѣмъ не менѣе, пытался говорить; снова на всѣхъ скамьяхъ начались шумъ, крикъ; были слышны крики лѣвыхъ о насиліи со стороны предсѣдателя, звонокъ гремѣлъ во-всю, крайніе лѣвые начали кричать все громче и громче.

Наконецъ, въ моментъ сильнѣйшаго возбужденія, г. Церетели бросился съ каедры въ проходъ изъ зала засѣданій, за нимъ, потрясая въ воздухъ кулаками, крайніе лѣвые и трудовики въ подавляющемъ большинствѣ спустились внизъ и съ ругательствами и угрозами оставили залъ засѣданій. Ушли въ полномъ составѣ с.-д., с.-р., н.-с. и почти всѣ трудовики, изъ числа послѣднихъ въ залѣ остались не болѣе 8—10 человекъ.

Послѣ ухода крайнихъ лѣвыхъ предсѣдатель поставилъ на баллотировку вопросъ, одобряетъ-ли дума его предложеніе о г. Зурабовѣ: кто согласенъ—сидитъ, кто не согласенъ—встаетъ. Встали двое изъ оставшихся трудовиковъ, остальные остались сидѣть.

Сейчасъ-же послѣ баллотировки предсѣдатель въ началѣ девятаго часа вечера закрылъ засѣданіе и продолженіе преній назначилъ на 17 апр. въ 11 ч. утра, также въ закрытомъ засѣданіи. На другой день въ закрытомъ-же засѣданіи законопроектъ военнаго министерства большинствомъ 190 голосовъ противъ 119 былъ принятъ государственной думою.

Относительно инцидента въ засѣданіи думы 16-го апрѣля „Освѣдомительное Бюро“ сообщаетъ слѣдующее:

„По свидѣніямъ, полученнымъ нами изъ совершенно достовѣрнаго источника, 16-го апрѣля, при разсмотрѣніи государственною думою въ закрытомъ засѣданіи законопроекта о числѣ подлежащихъ призыву новобранцевъ, членъ думы Зурабовъ позволилъ себѣ допустить оскорбительныя для русской арміи выраженія. Будучи остановленъ председателемъ, членъ думы Зурабовъ повторилъ эти оскорбленія еще въ болѣе рѣзкой формѣ. Велѣдствіе сего присутствовавшіе въ думѣ министры не признали возможнымъ оставаться долѣе въ засѣданіи и удалились изъ зала.

„Такъ какъ сдѣланное засимъ председателемъ государственной думы члену государственной думы Зурабову замѣчаніе и лишеніе его слова не могли быть признаны достаточными, то председатель государственной думы послѣ свиданія вечеромъ того-же дня съ председателемъ совѣта министровъ, гофмейстеромъ П. А. Столыпинымъ, на слѣдующій день, утромъ, посетилъ военнаго министра и выразилъ ему свое глубокое сожалѣніе по поводу этого прискорбнаго случая. Затѣмъ, по окончаніи въ думѣ сужденій, относившихся къ вопросу о числѣ подлежащихъ къ призыву новобранцевъ, председатель государственной думы сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

„Вчера мы были свидѣтелями печальнаго инцидента въ государственной думѣ. По отношенію нашей доблестной русской арміи было высказано здѣсь мнѣніе, которое, конечно, должно быть признано для нея обиднымъ. Я считаю, что наша армія всегда отличалась высокой дисциплиной, непоколебимою преданностью отечеству и своему Верховному Вождю. Такія достоинства арміи признаны всѣми и, конечно, заслуживаютъ только похвалы и уваженія, и очевидно, что государственная дума, безъ сомнѣнія, протестуетъ противъ тѣхъ выраженій по отношенію къ русской арміи, которыя были высказаны здѣсь однимъ изъ членовъ думы“.

„Слова председателя государственной думы были покрыты шумными аплодисментами“.

Въ состоявшемся 17-го апрѣля послѣ закрытаго засѣданія открытомъ засѣданіи приняты думою: 1) законопроектъ объ ассигнованіи на помощь голодающимъ 6-ти милліоновъ рублей (въ вопросѣ о направленіи ассигнованныхъ средствъ правые раздѣлились: часть голосовала съ центромъ противъ лѣвыхъ; часть съ лѣвыми противъ центра); 2) запросъ о переселенческомъ дѣлѣ; 3) законопроектъ объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ. Дальнѣйшія засѣданія думы начнутся 30-го апрѣля.

Въ государственномъ совѣтѣ.

Послѣ трехнедѣльнаго перерыва, государственный совѣтъ, наконецъ, имѣлъ засѣданіе 11-го апрѣля, которое продолжалось ровно 12 минутъ. Созвано оно было со специальной цѣлью объявленія членамъ о происшедшихъ въ личномъ составѣ гос. совѣта перемѣнахъ.

Государственный секретарь прочиталъ Высочайшій указъ о назначеніи председателемъ совѣта М. Г. Акимова и членомъ совѣта профессора Пихно.

Въ первый разъ при этомъ государственный совѣтъ встрѣтилъ молчаніемъ извѣстіе о новыхъ назначеніяхъ. Государственный секретарь даже нѣсколько секундъ выжидалъ, что члены совѣта выразятъ свои чувства по поводу новыхъ назначеній, но безрезультатно.

Затѣмъ государственнымъ секретаремъ было прочитано сообщеніе о смерти членовъ совѣта: кн. Г. С. Голицына, кн. Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго и председателя Э. В. Фриша и о выборахъ двухъ новыхъ членовъ: А. Н. Карамзина и кн. Волконскаго.

Въ засѣданіи было объявлено, что выработанный группою центра законопроектъ о реформѣ сената въ порядкѣ ст. 55 учр. гос. совѣта будетъ отпечатанъ, разосланъ членамъ совѣта и министру юстиціи. Засѣданіе по этому вопросу будетъ назначено не ранѣе, чѣмъ черезъ мѣсяць.

Гораздо интереснѣе, чѣмъ засѣданіе 11-го апрѣля, было засѣданіе государственнаго совѣта, назначенное черезъ три дня, 14-го апрѣля. Оно было созвано для обсужденія опредѣленія перваго департамента правительствующаго сената по вопросу о распубликованіи наказа государственнаго совѣта. Это опредѣленіе касается, главнымъ образомъ, ст. 44 наказа, по которой «въ комиссіи могутъ быть приглашаемы лица, отъ коихъ по свойству дѣла можно ожидать полезныхъ объясненій». Сенатъ затруднился распубликовать эту статью, такъ какъ онъ находитъ, что, по ст. 74-ой учреж. госуд. совѣта, лица, не принадлежащія къ составу совѣта, могутъ быть приглашаемы для дачи объясненій лишь въ засѣданіи департаментовъ совѣта. «Отсутствіе въ семь учрежденіи соответствующихъ указаній,—говорится въ опредѣленіи сената,—на возможность приглашенія не принадлежащихъ къ составу совѣта лицъ въ засѣданіи государственнаго совѣта и его комиссіи позволяетъ заключить, что приглашеніе таковыхъ лицъ въ засѣданія комиссій не разрѣшается».

Въ этомъ засѣданіи въ первый разъ председательствовалъ новый председатель г. Акимовъ. Онъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой сообщилъ о собственномъ назначеніи, сказалъ

нѣсколько теплыхъ словъ, посвященныхъ памяти скончавшагося Э. В. Фриша и закончилъ просьбой, обращенной къ совѣту, быть снисходительнымъ къ дѣятельности вновь назначеннаго предсѣдателя.

Бывшіе на засѣданіи корреспонденты съ удивленіемъ отмѣтили, что и эта вступительная рѣчь новаго предсѣдателя была встрѣчена совѣтомъ гробовымъ молчаніемъ; прослушали ее всѣ члены совѣта стоя.

Назначенный къ обсужденію упомянутый выше вопросъ привлекъ въ засѣданіе министровъ—Щегловитова, Шванебаха и друг. и много членовъ совѣта.

Объявивъ о стоящемъ на очереди вопросѣ о сенатскомъ разъясненіи, предсѣдатель сказалъ, что поступило предложеніе члена совѣта г. Ермолова о томъ, чтобы, не приступая къ обсужденію возраженій сената по существу, передать дѣло для предварительнаго разсмотрѣнія въ комиссію, составлявшую проектъ наказа.

По существу этого предложенія послѣ баллотировки открылись пренія. Г. Ермоловъ высказался, что въ комиссію необходимо передать вопросъ для того, чтобы лучше обсудить его, такъ какъ совѣтъ въ засѣданіи недостаточно вооруженъ необходимыми данными.

Совсѣмъ по-другому думалъ Витте.

Онъ сказалъ очень интересную рѣчь. «Рѣшеніе перелать въ комиссію,—сказалъ онъ,—чрезвычайно просто, но целесообразно-ли оно? Вопросъ о правѣ приглашенія частныхъ лицъ въ засѣданія комисси законодательныхъ учрежденій чрезвычайно важенъ и въ данный моментъ имѣетъ первостепенное значеніе. Мы знаемъ, что подобная коллизія возникла уже между правительствомъ и думой. Государственный совѣтъ долженъ высказаться, на чьей сторонѣ право, на сторонѣ-ли правительства или думы. На государственный совѣтъ и такъ уже привыкли смотрѣть, какъ на учрежденіе второстепенное. Отклоненіе такого животрепещущаго вопроса лишь усилитъ это мнѣніе. Получится впечатлѣніе, что государственный совѣтъ или не въ состояніи разобраться въ сложныхъ вопросахъ государственной жизни, или, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, долженъ былъ такъ поступить. И то, и другое мнѣніе не можетъ усилить популярности совѣта».

Графъ Витте допускалъ возможность передачи вопроса въ комиссію лишь послѣ предварительныхъ преній по существу. Немедленную-же его передачу онъ прямо называлъ уклономъ отъ прямого отвѣта. Онъ находилъ далѣе, что вопросъ идетъ о толкованіи такихъ ясныхъ до очевидности статей закона, что разсмотрѣніе его въ комиссію можетъ быть достигнуто въ теченіе одного дня. Совѣтъ-же въ настоящемъ своемъ засѣданіи долженъ высказаться о томъ, вообще, «должны-ли статьи закона быть истолкованы по внутреннему своему смыслу, или такъ, какъ это кому-то угодно».

Какъ ни убѣдительны были доводы графа, но совѣтъ не внялъ имъ и баллотировкой рѣшено было немедленно передать вопросъ въ комиссію.

Затѣмъ открылись пренія по вопросу, въ какую именно комиссію вопросъ долженъ быть переданъ. Эти пренія были такъ интересны и вмѣстѣ съ результатами ихъ показали взгляды совѣта вообще.

Правый г. Гончаровъ высказывался противъ передачи вопроса въ комиссію по составленію наказа, какъ предлагалъ г. Ермоловъ, а требовалъ разсмотрѣнія его во вновь избранной комиссіи внутренняго распорядка и личнаго состава. «Я не буду, — сказалъ онъ, — задаваться политическими и дипломатическими вопросами, какъ это сдѣлалъ гр. Витте. Я нахожу, что по существу вопросъ такъ ясенъ и доводы возраженій сената такъ убѣдительны, что, если-бы вопросъ разсматривался здѣсь по существу, я немедленно-бы высказался за исключеніе 44-й ст. наказа».

Въ защиту предложенія г. Ермолова выступилъ г. Каменскій. Чл. сов. Корвинъ-Милевскій поставилъ вопросъ совершенно въ другую плоскость. Онъ полагалъ, что дѣло идетъ теперь не о выработкѣ или переработкѣ наказа, а о гораздо большемъ. «Комиссія по составленію наказа, — сказалъ онъ, — дѣйствительно закончила уже свое дѣло. Наказъ былъ уже принятъ общимъ собраніемъ совѣта. Вопросъ теперь о томъ, имѣеть-ли сенатъ, вообще, право верховной цензуры надъ совѣтомъ». Для разрѣшенія этого вопроса ораторъ предлагалъ избрать специальную комиссію.»

Однако, эти доводы, какъ и доводы графа Витте, не имѣли силы. Баллотировкой первое предложеніе о передачѣ вопроса въ комиссію по составленію наказа большинствомъ голосовъ было отклонено. Баллотировавшееся вторымъ предложеніе г. Гончарова о передачѣ вопроса въ комиссію внутренняго распорядка было принято. Предложеніе г. Корвина-Милевскаго само собою такимъ образомъ отпало.

Затѣмъ для комиссіи былъ опредѣленъ двухнедѣльный срокъ, въ теченіе котораго она должна представить общему собранію совѣта свои заключенія.

На этомъ засѣданіи, длившееся не болѣе часа, и было окончено.

Закрывая засѣданіе, предсѣдатель замѣтилъ, что, за отсутствіемъ дѣль, слѣдующее засѣданіе не можетъ быть сейчасъ назначено и члены совѣта будутъ о немъ оповѣщены, если какое-либо поступитъ, особыми повѣстками.

19-го апрѣля въ 3 часа дня состоялось общее собраніе государственнаго совѣта для разсмотрѣнія въ закрытомъ засѣданіи, согласно ст. 40 учрежденія гос. совѣта, постановленія гос. думы по представленію военнаго министра о величинѣ контингента новобранцевъ въ призывѣ 1907 года и для обсужденія въ открытомъ засѣданіи внесеннаго государственною думою законопроекта объ отпускѣ кредитовъ на завершеніе продовольственной кампаніи 1906—1907 года.

Оба эти законопроекта одобрены по разсмотрѣніи ихъ государственнымъ совѣтомъ и Высочайше учреждены, послѣ чего получили силу законовъ.

Жизнь и дѣятельность партій.

Военный вопросъ, разрѣшить который предстояло государственной думѣ по представленію военнаго министра, заявившаго о необходимости обсужденія его въ закрытомъ засѣданіи, показалъ съ очень выпуклою ясностью, какъ много значить партійность въ думской жизни и какое иногда вліяніе на то или другое рѣшеніе можетъ оказать незначительная партійная группа. Въ сложныхъ вопросахъ рѣшеніе зависитъ именно отъ такой незначительной группы. Захочетъ она примкнуть къ одной сторонѣ при голосованіи—побѣдитъ мнѣніе этой стороны, захочетъ примкнуть къ другой—побѣдитъ другая.

Тотчасъ-же вслѣдъ за засѣданіемъ думы, на которомъ было сообщено о представленіи военнымъ министромъ на разрѣшеніе думы вопроса о контингентѣ новобранцевъ, во всѣхъ думскихъ партійныхъ частяхъ началось предварительныя обсужденія того, какъ слѣдуетъ отнестись къ вопросу. И сразу-же выяснилось, что въ думѣ при рѣшеніи вопроса будетъ большая борьба. Изъ предварительныхъ обсужденій вышло, что изъ принципа—замѣтьте, только изъ принципа!—чтобы не нарушить своихъ партійныхъ взглядовъ, противъ принятія законопроекта будутъ голосовать социаль-демократы, социалисты-революціонеры и крестьянскій союзъ.

Свою точку зрѣнія лѣвые рѣшили отстаивать во что-бы то ни стало, несмотря ни на какія опасности для думы. Напрасно на одномъ изъ междуфракціонныхъ засѣданій, состоявшихся въ квартирѣ лидера «кадетской» партіи кн. Пав. Д. Долгорукова, деп. Кизеветтеръ убѣждалъ лѣвыхъ и подчеркивалъ, что Европа и въ частности французская республика не сможетъ съ точки зрѣнія своего патриотизма понять то, что дума отвергаетъ такой законопроектъ. Связанный съ этимъ голосованіемъ опасный моментъ въ жизни государственной думы тоже не будетъ понятъ Франціей, если онъ совершится. Лѣвые не вникали ему. Сдача предъ заграницей экзамена на званіе настоящихъ социалистовъ ими уже давно ставится выше всего, выше интересовъ думы, а потому, конечно, и страны, и народа. Не могли понять они и убѣжденія того-же Кизеветтера, справедливо говорившаго, что народнымъ представителямъ необходимо использовать свои права въ отношеніи къ внесенному военнымъ министромъ законопроекту объ укомплектованіи арміи. Нужно, — говорилъ ораторъ, — «упражнять» государственную думу въ ея правахъ, предоставленныхъ ей.

Дѣло въ томъ, что по силѣ ст. 119 основн. законовъ, если-бы дума не утвердила до 1-го мая законопроекта о числѣ новобранцевъ на текущій годъ, то Государь Императоръ все-же призвалъ-бы новое количество воиновъ въ армію по Своему

усмотрѣнію. Но, несмотря на такой предусмотрѣнный основными законами выходъ, все-же законопроектъ долженъ быть предварительно внесенъ въ государственную думу и при обсужденіи его дума имѣеть возможность высказать какъ свои взгляды, такъ и положенія о реформахъ въ арміи, сообразить количество расходовъ на армію со средствами государства и создать, если она это найдетъ нужнымъ, почву для выработки новаго законопроекта о тѣхъ или иныхъ реформахъ въ арміи. Въ этомъ смыслѣ и слѣдуетъ понимать убѣдительную рѣчь г. Кизеветтера о правахъ государственной думы въ вопросахъ, касающихся вооруженныхъ силъ Россіи. Къ сожалѣнію, какъ первая, такъ и вторая дума (послѣдняя до 16-го апрѣля) проявили слишкомъ мало интереса и вниманія къ оборонѣ страны, хотя, казалось-бы, недавній урокъ, полученный Россіей въ послѣднюю несчастную войну, долженъ былъ-бы наталкивать народныхъ избранниковъ на мысль о необходимости усовершенствовать эту сторону государственной жизни; но и теперь крайніе лѣвые не подумали объ этомъ. Наоборотъ, не заглядывая въ будущее, они рѣшили не только протестовать, а прямо даже отвергнуть законопроектъ о такомъ обычномъ во всемъ мірѣ дѣлѣ, какъ ежегодный призывъ новобранцевъ.

Рѣшеніе лѣвыхъ предвѣщало борьбу, но не совсѣмъ предвѣщало поражение. Загадочно держало себя польское коло, которое опредѣленно не высказывалось, будетъ-ли оно голосовать за принятіе законопроекта, или противъ него. И эта неопредѣленность нервила желающихъ сберечь думу, такъ какъ непринятіе законопроекта грозило или роспускомъ думы, или проведеніемъ законопроекта вопреки рѣшенію думы, что все равно дискредитировало-бы думу въ глазахъ даже народа, а отъ маленькой-то группы польскаго коло и зависѣла, по предварительному подсчету, участь законопроекта, а слѣдовательно, и думы. Эта группа явилась той маленькой крупинкой, которая, будучи брошена на чашку вѣсовъ, въ состояніи все-же отклонить своимъ вѣсомъ въ сторону ровно стоящую вѣсовую скалу.

Однако, въ самую послѣднюю минуту выяснилось, что польское коло лучше понимало положеніе, чѣмъ лѣвые,—выяснилось, что оно будетъ голосовать за законопроектъ, именно для спасенія думы, будучи принципиально противъ него.

Къ сожалѣнію, выходка изступленнаго социаль-демократа, по происхожденію армянина, чуть было не испортила всего дѣла, но, къ счастью, желающіе сохраненія думы нашли выходъ изъ созданнаго положенія.

Теперь социаль-демократы, выказавшіе себя окончательно врагами народа, должны понять, что имъ не помогутъ сорвать думу даже такіе акты, какой они произвели въ закрытомъ засѣданіи думы 16-го апрѣля.

* * *

Лѣвые очень опытные въ скандалахъ, но—увы!—сами должны сознаться, что при встрѣчѣ съ серьезнымъ дѣломъ они не могутъ его осилить. Какъ уже извѣстно, они провалили «кадетовъ» на выборахъ въ аграрную комиссію; туда послѣднихъ прошло только 11 человекъ. Но вотъ пришло время выбран-

нымъ выбирать изъ своей среды предсѣдателя комиссіи, и—чудо!—избраннымъ оказался «ка-детъ» Н. Н. Кутлеръ. Кандидатомъ выставлялся еще трудовикъ Волкъ-Карачевскій, но при голосованіи за г. Кутлера голосовали и трудовики, и даже самъ лидеръ ихъ, докторъ Караваевъ.

Результатомъ избранія Кутлера было поданное въ тотъ-же день заявленіе въ совѣтъ трудовой группы объ исключеніи голосовавшихъ за него трудовиковъ изъ фракціи, а въ томъ числѣ и Караваева; правда, его затѣмъ не исключили, но выразили порицаніе и онъ послѣ такого постановленія самъ вышелъ изъ группы.

Теперь онъ написалъ въ «Русь» письмо, гдѣ прямо заявляетъ, что знаніемъ предмета обладаетъ лучше всѣхъ выбранныхъ въ комиссію, по его мнѣнію, Н. Н. Кутлеръ, потому и слѣдовало выбрать его, а не кого-либо другого. Въ своемъ письмѣ г. Караваевъ устанавливаетъ, что ни совѣтъ фракціи, ни сама фракція не придавали значенія принадлежности предсѣдателя думскихъ комиссій къ той или другой изъ оппозиціонныхъ фракцій. Это ясно доказывается тѣмъ, что буквально ни разу никѣмъ не возбуждался вопросъ о предсѣдателяхъ комиссій, ни разу не было высказано даже пожеланіе или намѣреніе провести въ предсѣдатели лѣваго. При выборѣ предсѣдателей руководствовались исключительно обычными требованіями: знаніемъ предмета и умѣньемъ руководить преніями. Со стороны партійности требовалась лишь принадлежность къ оппозиціоннымъ партіямъ. Съ этой точки зрѣнія онъ, Караваевъ, и обсуждал кандидатуры Кутлера и Волкъ-Карачевскаго.

«Такимъ образомъ и обвиненіе меня совѣтомъ, —говоритъ онъ,—является совершенно несостоятельнымъ. Это особенно ярко подтверждается тѣмъ, что совѣтъ фракціи совсѣмъ не интересовался выборомъ предсѣдателей комиссій, въ томъ числѣ и аграрной комиссіи, и не высказывалъ даже пожеланія имѣть предсѣдателемъ лѣваго и вообще не считалъ это важнымъ. Этотъ высокій интересъ и эта высокая важность проявлены совѣтомъ заднимъ числомъ. Если они, дѣйствительно, такъ велики, то, подписывая обвиненіе мнѣ, совѣтъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ подписать обвиненіе и себѣ за небрежное отношеніе къ интересамъ фракціи».

* * *

14-го апрѣля въ Царскосельскомъ дворцѣ имѣла счастье представляться Его Величеству депутація отъ крестьянъ-членовъ г. думы правыхъ партій и поднести Его Величеству вѣрно-подданнической адресъ. При пріемѣ присутствовали министры Императорскаго Двора ген.-ад. бар. Фредерикъ, дворцовый комендантъ свиты Его Величества г.-м. Дедюлинъ, гофмаршалъ ген.-адъют. графъ Бенкендорфъ, дежурный флигель-адъютантъ иринцъ Петръ Александровичъ Ольденбургскій и ближайшія лица Государевой свиты. Депутацію составляли крестьяне: Волынской губ. Гаркавий, Никончукъ, Васютиникъ, Юшукъ, Калищукъ, Игнатьюкъ, Бася, Корончукъ; Калужской: Сопликовъ, Сорокинъ; Смоленской—прапорщикъ запаса Федоровъ (съ двумя солдатскими георгіевскими крестами); Херсонской—крестьянинъ

Горячко; Тульской—Михайлинъ; Полтавской—Черненко, Дубовикъ; Витебской—Петроченко; Могилевской—Емельяновъ; Минской: Шиманскій, Гаврильчукъ, Красновскій, Мельникъ, Ременьчикъ, Грудинскій и Новгородской—Ефимовъ и Богатовъ. Въ девять часовъ утра депутаты выѣхали изъ Петербурга; въ Царскомъ Селѣ ихъ ожидали экипажи, и они были отвезены въ Большой Царскосельскій дворецъ. Крестьяне повергли къ стопамъ Его Величества чувства вѣрноподданнической преданности, и одинъ изъ нихъ, Сонликовъ, прочелъ адресъ, въ которомъ говорилось о необходимости единенія народныхъ представителей съ Монархомъ.

Государь вышелъ къ депутатамъ съ Государыней Императрицей Александрой Федоровной. Въ отвѣтъ на привѣтствіе Государь Императоръ произнесъ:

«Передайте всѣмъ пославшимъ васъ сердечное спасибо отъ Меня и отъ Государыни Императрицы за выраженіе тѣхъ чувствъ вѣрности и преданности, которыми всегда была крѣпка и сильна наша Русь православная. Будьте спокойны и вѣрьте, что Я сдѣлаю все, что могу и найду нужнымъ для улучшенія вашего благосостоянія. Надѣюсь, что мнѣ удастся этого достигнуть вмѣстѣ съ вами и другими вѣрными родинѣ и Мнѣ членами думы, которые теперь въ ней сидятъ и впредь сидѣть будутъ. Очень радъ былъ видѣть васъ, благодарю за желаніе провѣдать Меня и Императрицу и радъ, что удалось показать вамъ Наслѣдника. Передайте всѣмъ пославшимъ васъ Мою благодарность за тѣ искреннія русскія чувства, которыя вы Мнѣ высказали.

Государь затѣмъ весьма милостиво бесѣдоваль съ крестьянами, освѣдомился у каждого о нуждахъ его губерніи и желалъ плодотворной, дружной работы умѣренныхъ группъ въ г. думѣ.

Затѣмъ крестьянскіе депутаты представлены были Государынѣ Императрицѣ и удостоились видѣть Наслѣдника Цесаревича. Осчастливленные Царскимъ пріемомъ крестьяне вернулись въ Петербургъ въ самомъ восторженномъ настроеніи.

* *

Кончились счастливые дни ^{*} союза русскаго народа. На дѣйствія его, наконецъ, обращено вниманіе властей. Безнаказанно дѣйствовать теперь будетъ нельзя. За призывныя къ битвѣ статьи дважды были конфискованы органъ союза «Русское Знамя». Производились обыски въ чайныхъ союза въ Петербургѣ. С.-петербургскій градоначальникъ сдѣлалъ распоряженіе производить внезапные обыски у всѣхъ черносотенныхъ боевыхъ организацій.

Союзники, конечно, недовольны. 15-го апрѣля состоялось засѣданіе совѣта союза русскаго народа по вопросу объ обыскѣ въ союзныхъ чайныхъ на Садовой. Единогласно принята слѣдующая резолюція: «Ввиду того, что за послѣднее время правья партіи вообще и союзъ русскаго народа, въ частности, подвергаются различнаго рода притѣсненіямъ, мы, члены с. р. н., стремящагося своей работой облегчить задачи правительства, заявляемъ, что примѣненная къ намъ мѣра, приравнивающая насъ къ крамольникамъ, является для насъ въ высшей сте-

пени оскорбительной и союзъ не можетъ существовать при валпчности этихъ условій и отношенія къ нему администраціи».

По словамъ «Рѣчи», на-дняхъ въ Николаевѣ, на площади противъ собора состоялось освященіе знаменъ союза русскаго народа. На освященіи присутствовали пѣхота и казаки. Военный генераль-губернаторъ Ступинъ обратился къ присутствовавшимъ съ рѣчью, въ которой говорилъ, что во главѣ союза русскаго народа стоитъ самъ Монархъ, который надѣется, что народъ грудью будетъ стоять за это знамя. После рѣчи знамя обносили вокругъ войскъ. Впередѣ знамени шель офицеръ, а войска держали на-караулъ, музыка играла маршь.

Однако, какъ ни рѣшителенъ г. Ступинъ, едва-ли ему удастся поправить дѣла союза. Разъ власти взялись за союзъ, они, значить, уяснили себѣ, наконецъ, что его дѣятельность въ такомъ родѣ, въ какомъ она велась до сего времени, ничего, кромѣ вреда для успокоенія, не приносить и не принесетъ.

* * *

17-го апрѣля, подъ предѣлательствомъ М. В. Родзянко, состоялось засѣданіе комиссіи по организаціи второго имперскаго съѣзда союза 17-го октября, на которомъ подверглась обсужденію политическая часть программы, выработанной московскимъ центральнымъ комитетомъ. При разсмотрѣніи вопроса о земскомъ самоуправленіи былъ заслушанъ докладъ члена госуд. совѣта М. В. Крассовскаго, но вслѣдствіе большихъ разногласій, имъ вызванныхъ, рѣшено этому докладу посвятить особое засѣданіе. После обмѣна мнѣній, комиссія пришла къ выводу, что земствамъ необходимо вернуться къ уставамъ 1864 года. Предложеніе одного участника внести въ программу требованіе пмущественнаго ценза для активнаго и пассивнаго участія въ земскихъ выборахъ принято не было.

Изъ всей остальной части программы сильные дебаты вызвала та часть, которая говоритъ о правахъ государственной думы и государственнаго совѣта. Комиссія рѣшила вычеркнуть изъ программы параграфъ, трактующій о преимущественныхъ правахъ государственной думы предъ государственнымъ совѣтомъ при обсужденіи бюджета. Однимъ членомъ была высказана та мысль, что вообще государственный совѣтъ необходимо кореннымъ образомъ реформировать. Ему казалось, что $\frac{1}{3}$ наличнаго состава членовъ, вотъ тотъ максимумъ, который еще возможно оставить въ рукахъ чиновниковъ, но и ихъ слѣдовало бы, по его мнѣнію, не назначать, а какъ-либо иначе допускать къ участию въ работахъ государственнаго совѣта. Вообще, отъ принципа назначенія членовъ государственнаго совѣта необходимо отказаться. Затронутый попутно съ этими вопросами законъ объ избирательномъ правѣ вызвалъ горячія пренія. Предложеніе урѣзать существующій избирательный законъ отвергнуто. Не могла согласиться комиссія и съ предложеніемъ ввести образовательный цензъ, вполне соглашаясь съ однимъ изъ членовъ, что тогда 80% населенія было-бы лишено избирательныхъ правъ. Принято предложеніе повысить возрастной цензъ до 30 лѣтъ, хотя-бы для пассивнаго избирательнаго права.

«Отдай жену дядѣ».

Статья П. Короткевича.

Современное общество, вѣрнѣе, та часть его, которая болѣе или менѣе сознательно относится къ свершающимся событіямъ, взбудоражено толками о диктатурѣ, т. е., о лицѣ, облеченномъ неограниченною властью, но основанной на существующихъ законахъ.

Въ древнемъ Римѣ диктаторами назывались лица, замѣнявшія царей, и, какъ только тамъ была восстановлена царская власть, диктатура была уничтожена навсегда. Послѣднимъ диктаторомъ древняго Рима былъ Юлій Цезарь. Октавій-же, намѣревавшійся стать императоромъ, отвергъ диктатуру, видя въ ней умаленіе высшей верховной власти. Да и неестественна была-бы какая-бы то ни было неограниченная власть въ странѣ, гдѣ уже есть верховная власть, установленная законами, освященная обычаемъ.

Диктаторы появлялись въ государствахъ Запада лишь тогда, когда почему-либо верховная власть упразднилась. Но одновременное существованіе въ странѣ Государя и диктатора—это дикій nonsense, самоотрѣшеніе отъ всѣхъ устоевъ политическаго быта, и потому въ высшей степени странно, что самая мысль одиктатурѣ и настоянн на необходимости диктатуры идуть изъ лагеря людей, которые послѣ всего этого смѣютъ себя называть «монархистами».

Послушаемъ-же, что они говорятъ.

Въ Русскомъ собраніи, въ С.-Петербургѣ, проф. В. А. Грингмутъ, редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», сдѣлалъ сообщеніе на тему «Диктатура». Залъ былъ,—по словамъ референта «Новаго Времени»,—такъ полонъ, какъ никогда не былъ еще въ Русскомъ собраніи—платья некуда было вѣшать, въ залѣ мѣсть не хватило, въ корридорѣ стояли толпой. На сообщеніи присутствовали: московскій митрополитъ высокопреосвященный Владимиръ, членъ государственнаго совѣта преосвященный Никонъ, членъ государственной думы преосвященный Евлогій, много членовъ государственнаго совѣта и государственной думы изъ правыхъ, много дамъ и военныхъ. Интересъ темы и извѣстность лектора собрали такую массу народа въ небольшомъ залѣ, что едва можно было дышать при африканской температурѣ, тѣмъ не менѣе всѣ сидѣли до конца доклада, до 12 час. ночи, а половина еще осталась слушать обмѣвъ мнѣній по докладу.

В. А. Грингмутъ началъ свое сообщеніе съ того, что рано или поздно вопросъ о диктатурѣ будетъ поставленъ помимо воли тѣхъ, кто теперь держитъ власть въ своихъ рукахъ, такъ

лучше познакоимся съ этимъ вопросомъ теперь-же. Диктатура существовала въ древнемъ Римѣ, въ томъ Римѣ, культура и государственность котораго служатъ образцомъ для позднѣйшихъ эпохъ, законы котораго изучаются всѣмъ цивилизованнымъ міромъ и составляютъ основу права въ современныхъ законодательствахъ своей выразительностью, ясностью, краткостью, точностью и опредѣленностью, что дѣлаетъ ихъ, такъ сказать, художественными по языку и положенію. Они являются, конечно, превосходящими наши законы, написанные туманно, канцелярскимъ языкомъ и требующе на каждую строчку 20 толкованій сената; конечно, не наша дума создать законы, подобныя римскимъ. Въ этой-то странѣ высокої государственности, въ случаѣ серьезнаго государственнаго заболѣванія, и выработана была, какъ средство леченія,—диктатура. Государства, какъ и отдѣльныя лица, заболѣвають, и эти болѣзни можно дѣлить на 3 степени: 1) когда больной переноситъ ее на-ходу, когда болѣть только какая-нибудь часть организма, 2) когда болѣзнь сильна и требуется лечь въ постель и 3) когда потрясенъ весь организмъ, больной уже не сознаетъ своего положенія, требуется операція, удаленіе его въ больницу, когда есть опасность за жизнь. И вотъ, когда государство было разстроено, сенатъ говорилъ консуламъ, управлявшимъ Римомъ, свою извѣстную фразу: «*saveant consules!*» (смотрите, консулы, чтобы не была ущерба государству), и старшій изъ консуловъ назначалъ тогда диктатора. Онъ выбирался изъ римлянъ, сперва только изъ патрицевъ; отъ него требовалось, чтобы это былъ человекъ хрустальной честности, твердой воли, преданный идеѣ родины. Ему вручалась полная власть, но только на 6 мѣсяцевъ; на эти 6 мѣсяцевъ консулы, которыхъ было два и которые были облечены почти царскими правами, не теряли своей власти, а только отдыхали, власть ординарная какъ-бы засыпала; вышедшая изъ ординарной колеи жизнь требовала и экстраординарныхъ мѣръ и законовъ. Но проходили 6 мѣсяцевъ, а то ранѣе, государство успокаивалось, и снова и консулы, и обычные законы вступали въ свои права, а диктаторъ возвращался въ свою частную жизнь; но никто не могъ требовать отъ него отчета за время его диктатуры. Вотъ эти признаки—полнота власти и ограниченность ея временемъ—и составляли отличительныя черты идеальной диктатуры. Далѣе лекторъ указывалъ, что страхъ предъ диктатурой совершенно неоснователенъ, совершенно напрасно думать, что диктаторъ—это непремѣнно Наполеонъ I или герцогъ Альба. Ни тотъ, ни другой не были диктаторами и не отвѣчали идеалу Рима, а Наполеонъ, если сдѣлался легко императоромъ, такъ именно потому, что во Франціи не было уже власти, была лишь усобица, всѣхъ измучившая, и всѣ жаждали какой-бы то ни было власти. Теперь—лекторъ предложилъ опредѣлить—больна-ли и въ какой степени больна Россія? Поражены-ли всѣ ея органы или только часть. Лекторъ причисляетъ къ внутреннимъ органамъ государственнаго организма: Верховную власть, церковь, школу, судъ, народъ, печать, войско и чиновничество (какъ тѣ мускулы или колесики и винтики въ машинѣ, которые заставляютъ ее

дѣйствовать), и къ вѣдшимъ: финансы, торговлю, промышленность и пути сообщенія. Разсмотрѣвъ все эти внутренне и вѣдшіе органы государственной жизни, лекторъ увидѣлъ, что они все поражены, все больны и болѣзнь государства находится именно въ 3-й стадіи, когда Римъ прибѣгалъ къ диктатурѣ. Мы все согласны, что положеніе ужасно, что «такъ жить нельзя», но многие боятся слова «диктатура». Говорятъ, надо подождать—терпѣніе. Но терпѣніе приведетъ насъ къ Тюренчену, Мукдену, Ляояну и Цусимѣ. Говорятъ, что нельзя разогнать думу, пока народъ не увидитъ всехъ ея глуостей. Но это будетъ поздно. Лекторъ привелъ на память изъ Поля Бурже миллера-социалиста, который сознается, что дѣлаетъ себя карьеру на народномъ невѣжествѣ. Наши социалисты, трудовики и «ка-деты» изъ думы, на томъ-же дѣлаютъ себя карьеру, и когда будутъ министрами, то покажутъ, что значить власть въ ихъ рукахъ. Чтобы спасти больную, нужна диктатура. Все равно, теперь есть тоже диктатуры, только не одна, а 20—наши генераль-губернаторы, но здѣсь каждый молодецъ на свой образецъ, въ каждой области свои законы, что въ одной позволено, въ другой—запрещено, одинъ одобряетъ то, другой это; потому идетъ сугубый хаосъ, сугубое ухудшеніе больного. Диктаторъ долженъ быть одинъ и поставленъ на опредѣленное время и долженъ быть облеченъ полнымъ довѣріемъ страны и Государя. Конечно, не одна власть тутъ нужна—нуженъ человекъ. Какую страшную власть ни дайте г. Герарду—что онъ съ ней сдѣлаетъ? У насъ были примѣры: диктатура Муравьева, но тогда Россія была больна только въ одной части, вотъ этотъ человекъ вылечилъ (его память почтили вставаніемъ); затѣмъ была диктатура сердца, но это—человекъ не русскій (въ Римѣ не могъ-бы быть диктаторомъ не римлянинъ), не знавшій Россіи и надѣлавшій ошибокъ, приведшій къ 1-му марту; былъ еще позднѣе диктаторъ. Но отъ диктатора въ Римѣ требовалась еще хрустальная честность, а не одно знакомство съ Хрусталевымъ; нужна довѣре народа и нужна со стороны диктатора безусловная вѣрность своему Царю (какъ требовалась прежде вѣрность Риму). Отъ такого диктатора не будетъ опасности, а будетъ укрѣпленіе власти. Еще одно возраженіе—гдѣ взять такого человека? У насъ есть русскіе, которые не уступятъ римлянамъ въ любви къ родинѣ и стойкости, даже слухомъ много такихъ. Нельзя называть имена, нельзя-же ставить людей въ неловкое положеніе, но можно, какъ примѣръ, привести одно имя, человека, который самъ уже не пойдетъ, но который былъ диктаторомъ въ Москвѣ, это Дубасовъ, онъ успокоилъ ее. Теперь вся масса народа шатается, не знаетъ, у кого искать правды: у думы или у Царя, и бросается то туда, то сюда. Нужно возстановить науку въ школахъ, правду и вѣрность Царю и Россіи въ судахъ и чиновникахъ. При сильной и твердой власти диктатора убѣгутъ микробы и останутся только вѣрные слуги Царя.

Рѣчь г. Грингмута вызвала бурные аплодисменты. Послѣ нея былъ еще небольшой обмѣвъ мнѣній, рѣчи г. Крушевана, Никольскаго и др.

Разсказываютъ, что послѣ доклада г. Грингмута и рѣчей по

затронутый имъ темъ собравшихся объялъ ип съ чѣмъ не сравнимый восторгъ. Долго не смолкали изступленные вопли русско-собранцевъ, требовавшихъ, чтобы диктаторъ явился сейчасъ, сію минуту, по щучьему велѣнію. Все-эти, очевидно, бѣлые или—лучше—нянькой въ дѣтствѣ ушибленные и страдающіе нынѣ отъ послѣдствій этого ушиба люди не хотѣли припоминать, что диктаторы были въ древнемъ республиканскомъ Римѣ, что Кромвель былъ диктаторомъ въ междуцарствіе, что Альба былъ диктаторомъ не Испаніи, а завоеванныхъ Нидерландовъ, что Наполеонъ былъ диктаторомъ въ республиканской Франціи, что Муравьевъ-Виленскій былъ диктаторомъ не всей Россіи, а только мятежной части ея, что весь докладъ г. Грингмута—не что иное, какъ развитіе народной пословицы: «Отдай жену дядѣ», что диктаторъ не можетъ быть бокъ о бокъ съ Государемъ, потому что по самому существу диктатуры онъ получаетъ власть выше Верховной и, такимъ образомъ, получаетъ и Верховную власть себѣ въ подчиненіе. Ну, на это русскій народъ не пойдетъ, какіе-бы Грингмуты ни толкали его въ бездны смуты. Установленной вѣками Верховной власти русскій народъ не отдастъ въ грязны лапы какаго-нибудь проходивца, а что «диктаторъ» не можетъ быть инымъ, это доказываетъ «закоренѣлый монархистъ» кн. В. П. Мещерскій, который въ своемъ «Гражданинѣ» ничего не имѣетъ противъ проекта Грингмута назначить диктатора, но рѣшительно отклоняетъ кандидатуру адм. Дубасова и другихъ.

«Грингмутъ,—говоритъ кн. Мещерскій,—требуется отъ русскаго диктатора, чтобы онъ по нравственности былъ хрустальнымъ. Во-первыхъ, въ нынѣшнее время хрустальныхъ людей не имѣется, а во-вторыхъ, если-бы и былъ такой, то, наоборотъ, тотъ фактъ, что онъ хрустальный, долженъ мѣшать кандидатурѣ на диктаторство, ибо потому, что душа у человѣка хрустальна, онъ, очевидно, не вѣдаетъ ²/₁₀ людской мерзости, а, не вѣдая людской мерзости во всѣхъ ея тайникахъ, нельзя быть диктаторомъ, т. е. руководителемъ всѣхъ государственныхъ людей и всего общества. Надо познаніемъ опыта своего и другихъ извѣдать, такъ сказать, мерзость людскую. Что могъ-бы сдѣлать графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ въ Вильнѣ въ эпоху мятежа въ 1863 году, если-бы онъ явился хрустальнымъ человѣкомъ? Ничего не сдѣлалъ-бы, потому что всѣ представители лживости, коварства и даже измѣны сумѣли-бы настолько имъ овладѣть, чтобы съ прямого пути направить его въ дебри.

«И если, наоборотъ, графъ Муравьевъ съ огромнымъ запасомъ опыта и знанія людей въ головѣ сразу ноялъ окружающую его среду и сразу-же создалъ прямой путь диктаторскихъ дѣйствій и твердо пошелъ по немъ, то это, очевидно, потому, что онъ, между прочимъ, далеко не былъ хрустальнымъ человѣкомъ. Смѣшно было-бы представить себѣ Цезаря, Кромвеля, Наполеона I, Бисмарка хрустальными людьми. Честнымъ диктаторъ долженъ быть, по въ то-же время мудрымъ, какъ змѣя, а хрустальный человѣкъ, котораго видятъ пачквозъ, змѣею быть не можетъ».

Это говоритъ старый публицистъ, посѣдѣвшій въ «анкро-

морскихъ битвахъ» съ нарождавшимся русскимъ либерализмомъ. Но, къ великому нашему удивленію, онъ не даетъ прямого отпора г. Грингмуту и даже какъ-будто соглашается съ нимъ. Но нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! На русскомъ престолѣ есть Помазанникъ Божій и русскій народъ сумѣетъ оберечь Его отъ всякихъ покушеній гг. Грингмутовъ, стремящихся страшно подуматъ къ чему ради осуществленія своихъ грязныхъ замысловъ. Сперва подложныя телеграммы, которыми такіе-же гг. Грингмуты пытались обмануть Верховную власть, заставить ее совершать дѣйствія, которыя-бы отшатнули отъ нея народъ, т. е., обезсилили-бы ее, потомъ попытка обмануть общественное мнѣніе Европы сообщеніемъ передернутыхъ фактовъ въ письмѣ чинуши-профессора, а когда все это не удалось, тогда... по русской пословицѣ, «отдай жену дядѣ», а Россіи давай диктатора!

Неужели-же и теперь, когда наглость гг. черносотенцевъ дошла до геркулесовыхъ столповъ, русское общество не увидитъ, что они раскрыли свои карты? Неужели теперь не ясно, кто—истинный врагъ Россіи и русскаго народа? Изъ того, что такъ наз. лѣвыя газеты прошли почти молчаніемъ докладъ г. Грингмута, видно лишь то, что лѣвому лагерю какъ нельзя болѣе на руку предложеніе вождя московскихъ черносотенцевъ. Вѣдь, оно—источникъ величайшей и затяжной смуты; вѣдь, въ немъ полное разрушеніе до послѣдняго камня существующаго строя и созданіе совершенно новаго, т. е., именно то самое, къ чему и платонически, и реально стремятся всѣ лѣвые. А мнимые «монархисты» изъ Русскаго собранія рукоплещутъ гг. Грингмута, не отдавая себѣ отчета, что человекъ, получившій «на шесть мѣсяцевъ» власть, выше которой нѣтъ въ странѣ, сумѣетъ исползовать свое положеніе въ томъ направленіи, въ какомъ ему это будетъ угодно.

Лѣвые понимаютъ это и молчатъ, а правые распинаются за гг. Грингмутовъ, и противъ диктатуры изъ рядовъ правыхъ рѣшительно высказывается только г. В. В. Комаровъ въ своемъ «Свѣтѣ».

«Треплютъ монархическую Россію со всѣхъ сторонъ!—восклицаетъ этотъ старый публицистъ, всегда державшійся поближе къ «правому лагерю».—Лѣвые дошли до чертиковъ и требуютъ государственнаго небытія въ видѣ социаль-демократической республики. Крайніе правые разрушаютъ основные принципы русской государственной власти, отрицаютъ государственную думу, а г. Грингмутъ требуетъ диктатора!. Какъ легко и какъ по-дѣтски справляются съ тысячелѣтней Россіей».

В. В. Комаровъ—членъ совѣта Русскаго собранія, гдѣ г. Грингмутъ проводилъ свои идеи—прямо-таки глумится надъ его мыслью сдѣлать диктаторомъ адм. Дубасова.

«Мы думаемъ,—говоритъ онъ, — что адмиралъ Дубасовъ или очень разсердился, когда г. Грингмутъ назвалъ его имя въ собраніи, или до упаду хохоталъ надъ наивностью екатерининской институтки!

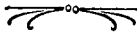
«Серьезное тутъ заключается не въ рѣчи г. Грингмута.

Живя въ Москвѣ и не имѣя никакой подготовки къ государственнымъ дѣламъ, мало-ли до чего могутъ договориться «правые» революционеры. Отрѣшнить на полгода Россію отъ самодержавія, приостановить (въ сущности отмѣнить) теченіе существующихъ законовъ на полгода (первое условіе римской диктатуры)—имъ это ничего не стоитъ, какъ ничего не стоило Аладьинымъ, Анкинымъ, Алексинскимъ и еще цѣлой кучѣ невѣждъ все испровергнуть въ Россіи. Такъ-же ничего не стоитъ молодому монаху Пліодору испровергать всю православную іерархію!

«Серьезно то, кто пришелъ слушать этотъ бредъ? Предрѣшеніе темы было всѣмъ извѣстно. Почему-же митрополитъ московскій Владиміръ, епископъ Никонъ и другіе епископы, почему-же находившіеся въ залѣ разные государственные люди не высмѣяли докладчика, если только считали его рѣчь серьеозною?

«Еще-же стыднѣе тѣмъ, которые, не будучи сами помѣшанными и занимая высокіе государственные посты, слушаютъ невѣроятный вздоръ затуманившихся людей и не только не возражаютъ имъ, но даже аплодируютъ».

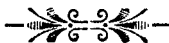
Да! Всякая мерзость, убійцы, грабители, разбойники, воры, недавно еще прикрывая свою отвратительную виѣшность отрешемъ освободительнаго движенія, ходили и кричали: «Руки вверхъ!», г. Столыпинъ съ высоты думской трибуны гордо отвѣтилъ на такой возгласъ: «Не запугаете!». Неужели у него не найдется гражданскаго мужества, въ отвѣтъ на гнусное оскорбленіе Верховной власти, отвѣтить всѣмъ требующимъ диктатуры: «Руки прочь! Брысь!»?

Подъ вой гіенъ.

Собралася кругомъ прожорливыхъ гіенъ,
Шакаловъ и волковъ безчисленная стая
И слышится ихъ вой почти у самыхъ стѣнъ,¹⁾
До слуха Руси всей несмолчно долетая.
Глаза у нихъ горятъ, отъ нихъ зловонный смрадъ,
Они въ своихъ мечтахъ уже добычу видятъ.
Ихъ выслалъ на борьбу со свѣтомъ злобный адъ:
Все доброе они огуломъ ненавидятъ.
Россія, оглянись! Они—твои враги,
Явились они средь грозной бури шкваловъ.
Желанное дитя свое обереги
Отъ стаи и гіенъ проклятыхъ, и шакаловъ.
Ты не уступишь имъ роднаго алтаря,
Ты не погасишь свѣтъ доселѣ лучезарный,—
Всѣ русскіе умрутъ за русскаго Царя,
Откуда-бы ни шелъ врагъ дерзкій и коварный.

Осипъ Кудинъ.

Камо грядеши?

Статья Н. Владимірова.

Послѣдній сборникъ публицистическихъ статей спальнаго священника о. Григорія Петрова посвященъ порицанію темныхъ сторонъ не только православнаго, но и католическаго духовенства... Въ статьѣ «Камо грядеши?» (отъ которой и самый сборникъ беретъ свое заглавіе) талантливый авторъ дѣлится съ читателями грустными впечатлѣніями крайне враждебныхъ отношеній народа къ «отцамъ» западной церкви. Въ этой коротенькой, но крайне интересной статьѣ о. Петровъ рисуетъ такую картинку протеста народа противъ озлобившей его «рясы».

«Мнѣ приходилось бывать въ рабочихъ кварталахъ нѣсколькихъ французскихъ городовъ, — рассказываетъ авторъ. — Среди другихъ увеселеній, доступныхъ тощему кошелку трудящихся, во Франціи теперь часто показывается «живая фотографія»: при помощи кинематографа показываются цѣлыя представленія. И вотъ, въ одномъ провинціальномъ городѣ, на окраинѣ, въ большомъ зданіи цирка въ теченіе трехъ часовъ показывался рядъ самыхъ разнообразныхъ сценъ и картинъ. Было, дѣйствительно, интересно. Зрители были оживлены, много смѣялись, послѣ каждой картины аплодировали.

Начинается новый рядъ картинъ — иллюстраціи къ чудному отрывку Виктора Гюго: какъ рѣдкой душевной красоты пастырь приютить у себя на ночь бродягу, накормилъ за столомъ вмѣстѣ съ собой, уложилъ на постель, самъ остался спать въ столовой на стулѣ.

«Бродяга обокралъ священника, былъ задержанъ полиціей, но незлобивый пастырь спасъ его отъ каторги, заявивъ, что «гость» ничего у него не укралъ и что вещи, найденныя у бродяги, подарены ему самимъ священникомъ.

«Картины на полотнѣ смѣнялись одна другою. Бродяга брелъ по полю. Спускалась ночь. Выплывала луна. Вѣтеръ крутилъ хлопья снѣга. Иззябшій путникъ вошелъ въ де-

ревню, просилъ милостыни у проходящихъ, стучался въ окна. Вездѣ отказъ.

«Зрители слѣдили съ затаеннымъ вниманіемъ. Временами хлопали въ ладоши, выражая тѣмъ одобреніе удачнымъ картинамъ.

«Но вотъ на полотнѣ воспроизводится помѣщеніе добраго старика-пастыря. Онъ самъ за столомъ. И по залу пронесся свистъ, послышалось шиканье, раздались сверху цирка какіе-то крики.

«Я ничего не понималъ: картина вышла удачно, почему возмущеніе? Вслушался — и словно кольнуло въ сердце: сверху, изъ рядовъ рабочихъ, изъ толпы народа кричали: «Долой попа! Убрать попа!». Картинѣ шикали и свистали потому, что на ней было изображено духовное лицо...

«Впослѣдствіи въ другихъ городахъ, — говоритъ о Петровъ, — трижды приходилось наблюдать то-же явленіе. Какъ только на сценѣ являлся священникъ, — раздавались свистки, слышались злостныя замѣчанія».

Рисуя столь тяжелую для всякаго вѣрующаго картину вражды народа къ церкви, авторъ мужественно объясняетъ эту вражду поведеніемъ самой церкви, то есть, духовенства. Полное игнорированіе духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ «паствы», прислуживаніе правительству и погоня за личными благами наряду съ далеко нецѣломудренной жизнью — вотъ главныя и роковыя причины того презрѣнія и злобы, которыя вызываетъ на Западѣ «черная ряса»...

Однако, о Григорію Петрову приходилось наблюдать эту вражду не въ одной «республиканской» Франціи. Оказывается, что въ Италиі (очагъ католицизма) отношеніе народа и интеллигенціи къ духовенству обострены до чрезвычайности. «Отцовъ» всѣ ненавидятъ, и это-то наряду съ фанатической религіозностью католиковъ!..

Въ Неаполѣ одинъ извѣстный профессоръ, мѣстный журналистъ, во время бесѣды съ о. Петровымъ на улицѣ часто вздрагивалъ и по его лицу пробѣгали судороги. Отецъ Петровъ пишетъ объ этомъ:

«— Вамъ нездоровится? — спросилъ я.

«— Нѣтъ, я здоровъ. Благодарю васъ. А почему вы вдругъ заговорили о моемъ здоровьи? — удивился профессоръ.

«— Да у васъ по лицу пробѣгали нѣсколько разъ судороги.

«Мой собесѣдникъ разсмѣялся.

«— О, это было невольно, но это — болѣзнь у насъ здѣсь распространенная. Вы видите на площади эти черныя фигуры?»

«Собесѣдникъ указалъ на проходящихъ духовныхъ, которыхъ въ Неаполѣ очень много и которые встрѣчаются чуть не на каждомъ шагу.

«— Я ихъ не могу видѣть спокойно. Они раздражаютъ, возмущаютъ меня однимъ своимъ видомъ...

«...Во что они превратили религію? Что они сдѣлали изъ великаго ученія Христова?..—спрашиваетъ о. Петровъ.— Вѣдь, не другой кто, а они убиваютъ, душатъ въ людяхъ живое религіозное чувство. Это и есть самые страшные враги религіи»...

О. Григорій Петровъ доказываетъ, что подобное отношеніе къ духовенству—не случайность... Болѣя за процвѣтаніе вѣры и религіи, онъ скорбно отмѣчаетъ, что подобное настроеніе растетъ и въ русскомъ народѣ. Не только среди образованнаго общества, а даже и среди темнаго до послѣдняго времени крестьянства.

«Поэтому, — говоритъ онъ, указывая на конецъ пути, пройденнаго французскимъ духовенствомъ,—мнѣ и хочется обратить вниманіе русскаго духовенства на путь, какимъ оно доселѣ шло въ своемъ служеніи, и поставить предъ умомъ и совѣстью его въ упоръ вопросъ:

«Камо грядеши?»

Этимъ вопросомъ оканчивается первая статья сборника. Отвѣтомъ могутъ служить двѣ послѣдующія статьи: «Два тяжкихъ грѣха» и «Преступное смѣшеніе», гдѣ авторъ вполне корректно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, беспощадно бичуетъ вѣвшіеся въ нашу духовную семью инстинкты челоукоугодничества и челоуконадѣянія. Прислуживаніе «служителей алтаря» правительству, добровольная зависимость отъ гражданскихъ властей и обстоятельствъ, по мнѣнію о. Петрова, совершенно отвлекаетъ «пастырей» отъ евангельскаго служенія паствѣ.

Да и самыхъ пастырей, понимаемыхъ въ евангельскомъ значеніи слова, нѣтъ ни въ западной, ни въ восточной христіанской церкви. Имѣется штатъ чиновниковъ-священниковъ, прикрывающихъ убожество воли и мысли «черною рясою».

Упреки о. Петрова на духовенство ни въ коемъ случаѣ

не могутъ быть понимаемы, какъ нападки потерявшаго вѣру священника на ученіе церкви. Нѣтъ, онъ является скорѣе защитникомъ храма отъ «торгующихъ», борцомъ за торжество христіанства. Когда онъ пишетъ объ унизительномъ прислуживаніи «пастырей сильнымъ міра», чувствуется глубокое возмущеніе автора за поруганіе той святости, какою для него, какъ и всякаго глубоко вѣрующаго человѣка, является церковь.

«Жизнь требуетъ, чтобы служители церкви служили, дѣйствительно, Богу и Божьему дѣлу на землѣ, а не прислуживались людямъ, хотя и властнымъ!»—восклицаетъ онъ и въ этомъ восклицаніи слышится скорбь «вѣрнаго сына церкви» о «блудныхъ и лукавыхъ братьяхъ».

Весь сборникъ проникнутъ страстнымъ отчаяніемъ священника о возможномъ упадкѣ христіанства вообще и въ Россіи въ частности.

Статья «Гдѣ же они?» является наиболѣе яркимъ выраженіемъ отчаянія автора за будущность церкви. «Пастыри церкви Христовой, проповѣдники Евангелія, глашатаи правды любви, мира и всепрощенія! гдѣ вы? откликнитесь! Скажите властное, идущее отъ сердца, евангельское слово мира и любви!»—призываетъ о. Петровъ, заканчивая статью «Гдѣ же они?».

Среди темной (не черной-ли?) массы фарисействующихъ служителей алтаря онъ отмѣчаетъ небольшую горсточку истинныхъ пастырей, готовыхъ «душу свою положить за овцы своя»... Эти «пастыри»—увы!—принадлежатъ къ разряду «гонимыхъ», преслѣдуемыхъ высшими духовными іерархами... Ихъ о. Петровъ утѣшаетъ словами: «не такъ страшно» *), и говорить:

«Въ дивномъ евангельскомъ повѣствованіи объ исцѣленіи Сыномъ Божіимъ разслабленнаго, лежавшаго долгіе годы въ Силоамской купели, приведены великія слова: «Эта болѣзнь не къ смерти, а къ славѣ Божіей». И крѣпко вѣрю я, глубоко убѣжденъ и громко исповѣдую, что и аресты духовенства не къ смерти нашего пастырскаго дѣланія, не къ стыду и позору духовенства, а ко славѣ Божіей. Ни одного злого дѣянія не совершено арестованными пастырями... И если за смѣлыя пастырскія рѣчи на головы говорящихъ рушатся гоненія, развѣ это—диковина? За слово

*) Статья того-же названія, стр. 59 сборника «Камо грядеши».

чистой вѣчной Христовой правды о жизни, о порядкахъ, о безбожномъ строѣ ея предречено подвижничество, страданіе тѣмъ, кто Самъ страдалъ и умеръ за благовѣстіе истины на землѣ. Истинные пастыри, служители дѣйствительной Христовой, вѣчной, незапятнанной куплей и раболѣпствомъ церкви всегда и вездѣ были гонимы»...

Въ статьѣ «Гонимые и благословляемые» о. Григорій Петровъ приводитъ интересную параллель между опалой извѣстнаго архимандрита Михаила (сосланнаго въ Задонскій монастырь за принадлежность къ народно-соціалистической партіи, исключавшей насилія и убійства, и привилегированной публицистической дѣятельностью протоіерея Восторгова, стоящаго во главѣ партіи, девизъ которой: «Уничтожимъ! Разнесемъ! Порвемъ на клочки! Зальемъ кровью!»).

Опала архимандрита Михаила прошла незамѣченной обществомъ. Печать мало удѣлила мѣста удаленію съ профессорской кафедры въ Задонскую обитель глубоко-вѣрующаго и замѣчательно краснорѣчиваго проповѣдника-публициста. О. Петровъ сказалъ по этому случаю:

«Подобнаго рода гоненія только окружаютъ ореоломъ мученичества гонимыхъ, а раздаваемые благословенія обращаютъ въ пустыя звуки, лишеныя внутренне всякаго значенія».

И онъ не ошибся. Справедливость его словъ сказалась какъ во время опубликованія приговора церковнаго суда, ссылающаго о. Петрова въ монастырь, такъ и въ день отъѣзда священника на клиросное послушаніе. Талантливому публицисту св. синодъ возложилъ на голову вѣнецъ мученика за вѣру Христову. Кто отъ этого въ проигрышѣ—ссылный-ли, но чрезвычайно популярный, всѣми уважаемый пастырь-публицистъ, или его судьи?

Вѣнецъ христіанскаго мученика, безспорно, дороже о. Петрову, чѣмъ митра (высшая награда бѣлому духовенству), и дороже потому, что сами судьи не нашли въ публицистической дѣятельности обвиненнаго ничего идущаго въ разрѣзъ съ догматами православной церкви. Онъ виновать только тѣмъ, что говорилъ о церкви, чистой отъ политики, такъ какъ вся его публицистическая дѣятельность была направлена на защиту истинной церкви Христовой.

«Отцамъ» нужна политика и потому Петровъ-литераторъ «въ рясѣ» имъ былъ неудобень. Но ихъ рабская

роль въ политикѣ, безусловно, помогла о. Петрову пройти въ государственную думу въ качествѣ народнаго представителя.

Опала о. Петрова создала ему такую широкую популярность, о которой онъ врядъ-ли когда мечталъ, и не только не поддержала престижа «духовно-зависимой» власти, но... и способствовала ея серьезному поражению.

Депутатъ о. Петровъ—не принадлежа ни къ какой политической партіи—внесетъ въ думу элементъ борьбы за христіанство, будетъ борцомъ за торжество церкви, на которую мало обращалось вниманія, гдѣ слѣдуетъ.

Популярность внѣпартійнаго священника, избраніе его народнымъ представителемъ—не указываетъ-ли все это, что вѣра еще не окончательно погибла среди русской интеллигенціи и что ея возрожденіе возможно, по крайней мѣрѣ, у насъ, въ Россіи, въ недалекомъ будущемъ?

У насъ еще нѣтъ открытой вражды къ «черной рясѣ» и надо надѣяться, что наряду съ многочисленными борцами за матеріальное благо народное жизнь выдвинетъ борцовъ-проповѣдниковъ истиннаго ученія христіанской церкви.

Во всякомъ случаѣ «преступная» публицистическая дѣятельность о. Петрова обогатила нашу скудную религиозно-нравственную литературу рядомъ крайне интересныхъ брошюръ (не конфискованныхъ), изъ которыхъ видное мѣсто занимаетъ разсмотрѣнный нами сборникъ. «Камо грядеши?»—вопросилъ о. Петровъ у нашего духовенства. Оно ему указало путь въ Черемнецкій монастырь и создало широкую популярность.

Вскорѣ, однако, «не духовное лицо», стоящее во главѣ церкви, задало тотъ-же вопросъ пресловутому редактору «Почаевскихъ Извѣстій» іеромонаху Іліодору—проповѣднику кровопролитія и мракобѣсія. Публицистическая дѣятельность «больного» іеромонаха прекратилась и ему пришлось выступить предъ церковнымъ судомъ.

Интересно, задалъ-ли этотъ судъ вопросъ епископу Антонію (въ епархіи котораго редактировалъ Іліодоръ): «Камо ведеши?».

Подъ священной мантией.

Проповѣдовавшій св. Евангеліе, ставившій его, «какъ ос нову жизни», свящ. Гр. Петровъ въ заточеніи, проповѣдующій насилія, кровопролитіе іеромонахъ Иліодоръ—въ великой чести.. «Нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ». Членъ государственной думы свящ. Тихвинскій, истинно христіанскій обликъ личности котораго уже извѣстенъ изъ его рѣчей въ думѣ, находится въ настоящее время «подъ ударами». «Русь» сообщаетъ слѣдующіе два документа.

Первый документъ—отправленное священникомъ Тихвинскимъ письмо на имя вятскаго преосвященнаго:

«Ваше преосвященство, милостивый архипастырь. Почтительнѣйше прошу Васъ, Ваше преосвященство, не найдете ли возможнымъ выслать мнѣ удостовѣреніе въ томъ, что я не состою подъ запрещеніемъ и не лишень права совершать богослуженіе. Безъ такого удостовѣренія высокопреосвященнѣйшій митрополитъ не можетъ мнѣ разрѣшить совершеніе литургій въ петербургскихъ церквахъ. Идетъ Великій постъ, хочется поговѣть и участвовать въ совершеніи богослуженія. Вашего преосвященства усердный слуга священникъ Феодоръ Тихвинскій».

«1907 г. 27-го марта».

Въ отвѣтъ на это получено 5-го апрѣля обратно это-же письмо со вписаннымъ между строками священника Тихвинскаго, небрежно и пренебрежительно, вятскимъ архіереемъ слѣдующимъ отвѣтомъ:

«№ 2.120. Запросъ. Ваши рѣчи въ думѣ, оскорбляющія религиозно-нравственныя чувства истинно вѣрующаго христіанина-пастыря, лишаютъ меня возможности дать согласіе, чтобы Вы совершали богослуженіе гдѣ-бы то ни было внѣ вятской епархіи. О богослуженіи Вашемъ во вѣренной мнѣ вятской епархіи, къ которой Вы принадлежите, къ великому стыду духовенства и моему прискорбію.—дѣло будущаго. Не могу я представить себѣ и того, чтобы Вы, хотя и было-бы съ моей стороны согласіе, рѣшились совершать богослуженіе въ Петербургѣ. Не мало есть молитвословій прямо противныхъ Вашимъ взглядамъ, убѣжденіямъ и выступленіямъ. Это было-бы кощунствомъ. Какъ-бы я желалъ, чтобы такихъ усердныхъ слугъ, какъ Вы, не было никогда среди вятскаго духовенства!»

«Подпись архіерея вятскаго (неразборчива)».

«Вся Россія,—прибавляетъ «Русь»,—читала думскія рѣчи отца Тихвинскаго. Громадная часть священнослужителей привѣтствовала его. Но правящіе церковные верхи хотятъ продолжать серію гоненій: вслѣдъ за отцомъ Григоріемъ Петровымъ карательныя мѣры примѣняютъ къ отцу Тихвинскому».

Свящ. Васильевъ въ «Рѣчи» говоритъ по этому поводу слѣдующее:

«§ 14 учрежденія госуд. думы гласитъ, что члены госуд. думы «пользуются полною свободою сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнью думы». Далѣе §§ 15, 16 и 22 показываютъ, что члены думы не могутъ быть подвергнуты наказанію за свои «преступныя дѣянія» иначе, какъ только по суду, съ предварительнаго при томъ-же разрѣшенія самой думы и въ порядкѣ, установленномъ для привлеченія къ отвѣтственности высшихъ чиновъ государственнаго управленія. Между тѣмъ, оглашенное въ печати письмо вятскаго архіерея къ члену госуд. думы отъ Вятской губ. свящ. Ф. Тихвинскому ясно свидѣтельствуетъ, что членъ думы о. Тихвинскій подвергается въ административномъ порядкѣ, властью своего епархіальнаго архіерея, наказанію за рѣчи въ гос. думѣ. Ему отказано въ разрѣшеніи священнослуженія «въ предѣлахъ вятской епархіи» и ставится въ зависимость отъ усмотрѣнія архіерея священнослуженіе «въ предѣлахъ» епархіи. Запрещеніе въ священнослуженіи есть наказаніе изъ тяжкихъ, особенно если оно приурочивается къ днямъ чрезвычайнаго подъема религіознаго сознанія, каковы дни Страстной седмицы и Св. Пасхи. Въ эти дни получаютъ разрѣшеніе служить священнослужители, даже запрещенные по суду, за преступленія противъ вѣры и нравственности. А священникъ, членъ думы, которому закономъ предоставлено право свободнаго сужденія и не сказавшій ровно ничего противнаго ученію православной церкви, вдругъ подвергается, безъ всякаго суда, по единоличному усмотрѣнію архіерея, тяжкому и обидному для религіознаго чувства административному взысканію. Странное наказаніе члена гос. думы (высшаго законодательнаго учрежденія въ Россіи! за его правдивое и честное исполненіе обязанности народнаго представителя!»

Но кто-же такой священникъ Тихвинскій, портретъ котораго, кстаи сказать, читатели «Клада» имѣютъ возможность увидѣть въ № 18 журнала «Родина»?

«Биографія моя не долга,—сообщилъ о. Тихвинскій корреспонденту.—Учился въ вятской семинаріи, окончилъ студентомъ и поступилъ на службу: сначала псаломщикомъ, а затѣмъ 17 лѣтъ состоялъ священникомъ, изъ которыхъ 10 лѣтъ состоялъ миссіонеромъ. Съ прихожанами не ссорился, но съ начальствомъ дружбы не велъ. Сюда пріѣхалъ прямо изъ ссыльнаго прихода... Вышло такъ: назначили меня за «ревностно-полезную» службу настоятелемъ въ уржумскій соборъ, но протоіерействомъ только поманили и служилъ я «на свѣщницѣ» всего меньше года. Духовныя и гражданскія власти обезпокоились моими проповѣдями на политическія темы, между прочимъ, противъ смертной казни; и вотъ губернаторъ вкунѣ съ архіереемъ подняли походъ: началось слѣдствіе на 300 листахъ, допросы, гоненія... Вятскій троеосвященный Филаретъ далеко не изъ прогрессивныхъ даже въ средѣ теперешнихъ реакціонныхъ епископовъ: епархію держитъ въ желѣзномъ кулакѣ, многіе изъ священниковъ удалены зовѣмъ отъ священнослуженія, иные по монастырямъ и ссыль-

нымъ приходамъ. Что меня касается, то я послѣ указаннаго «дѣла» очутился въ одномъ изъ отдаленныхъ и захолустныхъ приходоѡ. Къ счастью, народъ оказался хорошей, безъ предразсудковъ,—и вотъ я депутатомъ отъ крестьянъ въ думѣ, а ужъ отсюда куда угрожу—покрыто туманомъ»...

Весьма интересенъ разсказъ о Тихвинскаго о томъ, какъ онъ изъ реакціонера превратился въ прогрессиста.

Лѣтъ десять, какъ сказано, онъ былъ миссіонеромъ. «Трудился» онъ по такъ называемой внутренней миссіи: страстно спорилъ со старообрядцами, не брезговалъ даже, въ цѣляхъ противодѣйствія старообрядчеству, мѣрами полицейскаго воздѣйствія. Читалъ однѣ «Московскія Вѣдомости». Сквозь ихъ призму—призму челоѡконенавистничества и ханжества, лицемѣрнаго умиленія предо всѣмъ «истинно-русскимъ» и кичливости къ Западу—глядѣлъ на все окружающее.

Такъ-бы онъ и умеръ захолустнымъ пономѣ, не оплаканнымъ никѣмъ, кромѣ вдовы и сиротъ, лишившихся кормильца, не сдѣлавшимъ людямъ ни добра, ни зла, если-бы надъ Россіей не занялась заря освобожденія.

Въ о. Тихвинскомъ проснулся исконный вятичъ, воинъ за правду и волю.

Ветхій челоѡкъ умеръ въ немъ не сразу: онъ уступалъ мѣсто новозавѣтному послѣ тяжелыхъ мукъ борьбы съ самимъ собой.

— Когда стали собираться земскіе съѣзды,—разсказываетъ о. Тихвинскій,—все заволоновалось и въ нашей глухой сторонѣ. Чаше и чаще начало меня брать сомнѣніе: «да полно? Такъ-ли я живу, какъ подобаетъ пастырю и гражданину?»

«Московскія Вѣдомости» перестали меня удовлетворять. Въ ихъ постоянный отдѣлъ «Среди газетъ» я прежде заглядывалъ лишь чтобы позлорадствовать надъ тѣмъ, какъ умные и честные люди отдѣлываютъ неразумную и лживую либеральную печать. Теперь я началъ исключительно читать цитаты изъ органовъ передовой прессы, которыя дѣлали «Московскія Вѣдомости», а собственныя ихъ возраженія пропускалъ, какъ пустяки или построенныя на передержкахъ.

«Точно какая-то пелена спала съ моихъ глазъ. Я жадно сталъ читать все, что только попадало въ медвѣжій уголъ, Уржумъ, гдѣ я тогда настоятельствовалъ. Мысль заработала въ определенномъ направленіи и искала себѣ выхода. Въ своихъ проповѣдяхъ я началъ чаще и чаще, забывъ схоластику, обращаться къ темамъ, которыя непрестанно въ такомъ изобиліи давала волнующаяся жизнь».

* * *

О вятскомъ «святителѣ» Филаретѣ вышеупомянутый свящ. Васильевъ въ «Рѣчи» говоритъ слѣдующее:

«Религиозно-нравственнымъ вождемъ и воспитателемъ свое епархіи преосвящ. Филаретъ состоитъ не болѣе 2¹/₂ лѣтъ. И въ это время онъ уже достаточно успѣлъ проявить себя гасильникомъ всего живого, свѣтлаго, что, такъ или иначе, рвалось наружу къ жизни—было-ли это въ средѣ подвластнаго ему при-

ходскаго духовенства, или въ мытарствахъ духовной школы, въ религіозныхъ движеніяхъ мірянъ.

«Мы имѣемъ подъ руками данныя, рисующія во весь ростъ (ростъ, впрочемъ, небольшой) этого типичнаго для нашего времени «архипастыря». Это—журналы и протоколы 2-хъ епархіальныхъ сѣздовъ духовенства вятской епархіи за 1905 и 1906 гг. и дневникъ пастырско-мірянскаго епархіальнаго собранія, бывшаго въ Вяткѣ въ 1906 г. Немало интересныхъ характеристическихъ подробностей о личности о. Филарета даетъ намъ и мѣстная пресса. Протоколы и журналы обоихъ сѣздовъ—это памятники глухой борьбы духовенства огромной епархіи съ 3½ мил. населенія, духовенства, отстаивавшаго церковно-религіозные интересы противъ безконтрольнаго, часто бездѣльнаго архіерейскаго произвола и злоупотребленій мѣстной духовной камарилли. Безъ году неделя утвердившійся на архіерейской кафедрѣ, совершенно незнакомый съ мѣстными нуждами епархіи о. Филаретъ сразу свѣшилъ статью въ оппозиционно-враждебное къ своей новой пастырской должности и старается всюду, гдѣ только возможно, ставить всяческія преграды и препятствія дѣятельности сѣздовъ.

«Безъ изумленія нельзя читать нѣкоторыя «милосивыя» резолюціи этого «милостиваго отца и архипастыря» на протоколахъ сѣзда. Большинство резолюцій носитъ обидный, а иные и прямо оскорбительный характеръ: «Сѣздъ не выдаетъ, что творить» и т. п. На многихъ журналахъ стоитъ одна презрительная пометка: «смотрѣно». А, между тѣмъ, сѣзды, особенно 1905 года, неоднократно принуждены были подчеркивать и «неосвѣдомленность» своего владыки съ дѣйствующими постановленіями, а иногда и указывать на такія «недоразумѣнія», которыя по отношенію къ простымъ смертнымъ, а не владыкамъ, были-бы названы наглою ложью (см. напр., журн. № 39 А. п. 3-й, сѣзда 1905 г.). Подобныя-же «недоразумѣнія» констатировало и пастырско-мірянское собраніе (вечерн. засѣд. 31-го авг.). Сѣздъ 1906 г. прямо вынужденъ былъ прекратитъ свои работы, ввиду «полнаго несочувствія владыки» справедливымъ и жизненнымъ стремленіямъ духовенства епархіи. Сѣздъ заявилъ, что онъ снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія подобной политики епархіальнаго начальства.

«Святительство» о. Филарета особенно характерно сказывается въ его отношеніяхъ къ немущимъ вдовамъ и сиротамъ духовенства епархіи. Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣніи архіереевъ. Пособія почти всегда выдаются очень скудныя. Средствъ мало, бѣдныхъ много. Въ вятской епархіи въ истекшее пятилѣтіе выдавалось въ среднемъ тысячъ по 20 въ годъ. Чтобы приблизительно судить о числѣ бѣдныхъ въ епархіи, скажемъ, что однимъ священникомъ на дѣйствительной службѣ въ вятской епархіи состоитъ около 1.200 человекъ. Пособія, выдаваемыя бѣднымъ, можно назвать грошамми... Но святитель Филаретъ, въ первый-же годъ своего служенія, значительно сократилъ и это скудное пособіе. Такъ, вмѣсто предполагаемыхъ къ выдачѣ

за 1-е полугодіе 1905 года 10.952 руб. 17 коп., выдано было по распоряженію о. Филарета всего 6.913 р.

«На что-же понадобились остальные деньги, недоданные? Шель, изволите-ли видѣть, ремонтъ архіерейскихъ конюшенъ...

«Далѣе преосв. Филаретъ сократилъ расходы по архіерейскому дому и, наоборотъ, увеличилъ доходность архіерейской экономіи. Онъ лишилъ бесплатнаго пользованія помѣщеніемъ епархіальный училищный совѣтъ,—и послѣдній теперь вноситъ плату архіерейской экономіи. О. Филаретъ сильно стоитъ за сохраненіе признанныхъ епархіей ненужными миссіонерскихъ курсовъ. А все потому, что курсы помѣщаются въ архіерейскомъ домѣ и приносятъ экономіи доходъ. Несомнѣнно, въ тѣхъ-же цѣляхъ, этотъ «архипастырь» взимаетъ въ свою пользу одну третью часть изъ доходовъ архіерейскаго дома, но одну треть не изъ чистаго дохода, какъ-бы слѣдовало по закону, а изъ валового поступленія.

«И святитель Филаретъ запрещаетъ служить о Тихвинскому!!!

«Мы твердо вѣримъ,—заканчиваетъ священникъ Васильевъ,—что будетъ время,—и время это близко,—и обновленная Россія не потерпитъ болѣе, чтобы поносили ея думу и заушали избранниковъ страны».

* * *

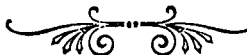
А вотъ и еще характерный фактъ изъ области отношеній современныхъ «святителей» къ подвластнымъ имъ пастырямъ. Известна драматическая судьба депутата первой думы, о. Аѳанасьева.

«Вотъ заключительный аккордъ всей этой повѣсти,—пишетъ въ «Рус. Словѣ» г. Булыгинъ.—Донской владыка грозитъ даже тестю о. Аѳанасьева; семья бывшего депутата не имѣетъ чѣмъ жить, предъ ней голодъ, нищета, самъ о. Аѳанасьевъ въ отчаяніи: онъ разоренъ, опозоренъ, уничиженъ. И его душевные муки усиливаются сознаніемъ, что, благодаря заступничеству за него прихода томятся подъ замкомъ ничѣмъ неповинные прихожане—Соловьевъ и Поновъ, которые громче другихъ просили помиловать о. Аѳанасьева.

«Всякія бываютъ убѣжденія. Но здѣсь не то. Здѣсь высшая духовная власть преслѣдуетъ того маленькаго, беззащитнаго сельскаго священника, который говорилъ... не о чемъ другомъ, какъ о духѣ Христова ученія! Что-же дальне-то? Каково-же должно быть логическое заключеніе изъ этого? Значить, любить по Христу и исновѣдывать эту любовь—преступленіе? Значить, Христовы заветы—область, которая считается недозволенной? Такъ, что-ли?..»

«Натискъ церковной бюрократіи на священниковъ, осмѣливающихся быть не чиновниками,—говорить «Русь»,—разрушаетъ официальную церковь съ невѣроятною быстротою. Но бюрократія слѣпа... какъ и было всегда»...

Что, какъ не смуту, сѣютъ всѣ эти «святительскія» и инныя выступленія?

Правдивыя рѣчи.

Статья Н. Кононова.

«Вотъ, что мнѣ пишутъ изъ Новгородской губ., изъ которой не вышло Китая»,—говоритъ М. О. Меньшиковъ въ одномъ изъ своихъ недавнихъ «Писемъ къ ближнимъ». — «Чего-чего, а земли у насъ сколько угодно. У крестьянъ надѣлъ по $5\frac{1}{2}$ десятинъ на душу, а по рѣкѣ Мстѣ даже по $7\frac{1}{2}$, по 8 десятинъ. На двѣ, на три души приходится участки отъ 11 до 25 десятинъ. Скажите, можно-ли жаловаться на малоземелье? Но живутъ отвратительно плохо. Мѣстами—напр., по Мстѣ, въ Крестецкомъ уѣздѣ,—крестьяне — вовсе не бѣдняки. У рѣдкаго нѣтъ собственной земли, сверхъ надѣльной. Есть по 30, по 50, по 70, даже по 500 десятинъ. Есть скотъ по нѣсколько коровъ на дворъ. Избы въ два этажа, по 4 и по 5 комнатъ, и во всѣхъ комнатахъ крестьяне живутъ сами. Кажалось-бы, не бѣдняки, а представьте—всѣ сплошь просятъ черезъ земство на обмѣненіе. Засѣяли своимъ зерномъ, а сказали, что всѣ должны какому-то тавалочнику. Обмануть казну у насъ не считается за грѣхъ: «у казны не свои деньги», «у казны денегъ много». Всѣмъ этимъ богатеямъ выдали по 4 р. 50 к. на душу. Получили ссуду даже такіе, какъ крестьянинъ Журавлевъ (дер. Сурики), имѣющій капиталъ въ десятки тысячъ рублей. Какъ поставлено крестьянское хозяйство въ Новгородской губерніи — глядѣть тошно. Звѣрь не отнесся-бы къ землѣ такъ жестоко, какъ здѣшній человѣкъ. Лѣсъ вырубаютъ, продаютъ, а землю съ пнями оставляютъ лежать долгіе годы. Лѣтъ по пятнадцати стоитъ пустыня—и на ней ни былинки. Годную къ обработкѣ землю—и той не обрабатываютъ, отдаютъ подъ дачи рублей по 25 за десятину. Земля мѣстами чудная, черноземъ съ суглинкомъ, кое-гдѣ съ лесомъ, а почти ничего не даетъ. Во многихъ мѣстахъ даже трава перестала расти—лѣтъ по тридцати и больше поля не паханы, ничѣмъ не засѣяны. Рожь сѣютъ такъ густо, что она вырастаетъ высокая, а колосъ даетъ въ полвершка. Пахота и боронь-

ба—небрежная до ужаса. Сердце сжимается, сколько пропадает богатства, въ то время какъ всѣ крестьяне, даже зажиточные, въ одинъ голосъ жалуются на бѣдность. Земли много, а живутъ чѣмъ Богъ послалъ.

«Приходитъ къ намъ старушка, продаетъ масло.

«— У насъ у самихъ есть,—говоримъ,—не надо.

«Расплакалась: такая-ли она нищая, одинокая, нечѣмъ жить! Пришлось купить масло. Разговорились: оказывается, у бабушки дочка замужемъ въ Веребѣ.

«— Такъ что-же ты не живешь съ дочкой?

«— Да зачѣмъ-же я буду жить съ дочкой? — спрашивается.—У меня свое хозяйство. У меня воспитанникъ, парень двадцати лѣтъ, ходитъ на стеклянный заводъ, получаетъ пятьдесятъ пять копеекъ въ день. У меня коровы, лошади, огородъ. Зачѣмъ-же мнѣ идти къ дочкѣ?

«— Да, вѣдь, ты говорила, что ты бѣдная.

«— Знамо, бѣдная. Развѣ мы такъ живемъ, какъ господа?»

«Эти строки пишетъ неизвѣстная мнѣ фельдшерница, человекъ, судя по всему, крайне наблюдательный и вдумчивый, пишетъ изъ края многоземелья и темноты.

«Социальная зависть — вотъ что гложетъ нынѣшняго крестьянина подчасъ острѣе голода. Секретъ скромнаго человѣческаго довольства потерянь. Малымъ не дорожатъ, малаго не берутъ. Откуда-то явились инстинкты почти барской праздности, пренебреженія къ черному труду, склонности все спустить.

«Въ одной деревнѣ,—пишетъ фельдшерница,—встрѣчаю молодую красавицу-бабу, здоровую, сильную. Сегодня распѣваетъ пѣсни, пляшетъ въ хороводахъ, завтра съ тремя дѣтьми идетъ просить милостыню. Предлогъ—кормить нечѣмъ, коровы нѣтъ. Разспрашиваю подробно. Оказывается, у бабы мужъ есть—служитъ работникомъ въ полуверстѣ у помѣщика, получаетъ 12 руб. въ мѣсяцъ на всемъ готовомъ, а такъ какъ помѣщикъ крестилъ у него дѣтей и самъ зимой не живетъ въ деревнѣ, то даетъ молока для крестниковъ сколько угодно. Согласитесь, что два здоровыхъ человека, имѣя готовую квартиру, огородъ, хлѣбъ, молоко и 12 руб. въ мѣсяцъ, могли-бы не ходить по міру. Но въ народѣ пошло ужасное безстыдство на этотъ счетъ. Жалуются на неурожай, голодовки.

«Но вотъ что я видѣла въ Уфимской губерніи, пора-

женной голодомъ. Башкиры тамъ имѣютъ по 15 десятинъ на душу, т. е., по 75—80 десятинъ на семью. Въ одной деревнѣ, переполненной кумысниками, т. е., гдѣ заработокъ у крестьянъ всегда есть, одинъ башкиръ, 30-тилѣтній паренъ, живетъ съ женой и шестерыми дѣтьми. У него 22 десятины земли, а жена и всѣ шестеро ребятъ ходятъ по міру. Землю сдаютъ въ аренду, подъ предлогомъ, что у нихъ нѣтъ ни коровъ, ни лошадей. А вся бѣда въ томъ, что онъ—оспопрививатель, получаетъ 5 руб. въ мѣсяцъ отъ общества и тѣмъ живетъ. Цѣлыми днями онъ сидитъ въ избѣ, поджавъ ноги, и пьетъ чай. Спрашиваю:

«— Почему не идешь на поденную работу? Даютъ не меньше шести гривенъ въ день. Въ два-три мѣсяца ты сколотилъ-бы на добрую лошадь.

«— Ого,—отвѣчаетъ,—стану я гнуть шею за какихъ-то восемнадцать рублей въ мѣсяцъ. Да и что намъ восемнадцать рублей на восьмерыхъ? Имъ сколько ни дай—все сожрутъ. У меня есть пять рублей за оспу, съ меня хватитъ.

«И такихъ случаевъ,—пишетъ фельдшерица,—она знаетъ тысячи.

«Въ сѣверныхъ губерніяхъ настоящей нужды нѣтъ, а если есть, то просто отъ лѣни, отъ ужаснаго невѣжества, отъ нравственнаго упадка. На полустанкѣ Мста живетъ вдова съ шестью дѣтьми въ большой бѣдности. Всю семью кормитъ 18-тилѣтній паренъ, который ходитъ на стеклянный заводъ. У нихъ 11 десятинъ земли, но обрабатывать бросили: «мужъ умеръ». А сынъ-паренъ, а сама она съ дочкой, взрослой дѣвкой? А подростки по 13 лѣтъ? Просто считаютъ, что гораздо спокойнѣе парню ходить на заводъ за 55—60 к. въ день, которыхъ кое-какъ хватаетъ на хлѣбъ, а ребяташки могутъ «побираться»».

Правдивыя рѣчи, правдивыя слова. Пусть эти письма сочинены—это совершенно все равно. То, что въ нихъ сказано, будь не искренне, будь сочинено—звучитъ одинаково. «Лѣвыя» газеты не знаютъ, какими словами поносить Меньшикова, но это только значитъ, что среди сотрудниковъ этихъ газетъ нѣтъ ни одного, который или дальше своего носа что-нибудь видѣлъ-бы, или былъ-бы честнымъ. Вѣдь, извращеніе правды даже «ради тактики»—это безчестность. Г. Меньшиковъ иногда увлекается, преувеличиваетъ, но что-же за журналистъ безъ увлеченій?

Каждый из нас долженъ высказываться такъ, какъ онъ думаетъ. Если публицистъ высказывается вразрѣзъ съ большинствомъ, то это еще не значить, что-бы онъ былъ неискреннимъ; пусть онъ говоритъ даже завѣдомую ложь, но говоритъ, искренне считая ее за правду, и то это ему вполне прощительно. Но его противникамъ какъ можно рѣшиться вмѣсто логически обоснованныхъ возраженій толковать о томъ, что тѣ или инья фразы заранее откуплены? Вѣдь, говорить такъ—значить быть самому на чьемъ-либо откупѣ. Это, вѣдь, только во времена Христа камни бросали лишь тѣ, кто былъ безгрѣшенъ, а теперь, въ наше время, въ даннаго субъекта камни швыряютъ и грѣшники, желающіе во что-бы то ни стало погубить свидѣтелей своихъ прегрѣшеній.

Когда Божественный арамитъ Христось начерталъ Свои знаменитыя фразы на плитахъ храма, то іудеи отступили отъ грѣшницы; если-бы Онъ сдѣлалъ это теперь, то потомки этихъ-же самыхъ іудеевъ убили-бы эту несчастную женщину потому, что она была-бы свидѣтельницей ихъ преступленій. Наше время—время полной нетерпимости, и какъ разъ въ той области, которая должна быть болѣе всѣхъ свободна, въ области слова. Посмотрите на нашу прессу—во что она превратилась съ тѣхъ поръ, какъ объявлена была пресловутая свобода на нее? Слово нѣтъ, въ дѣлѣ Гурко-Лидваля-Фредерикса она послужила обществу, но, вѣдь, это—капля въ морѣ. Во всемъ остальномъ тактика преобладала надъ правдой. Впрочемъ, и это не такъ! вовсе не тактика, а въ современныхъ газетныхъ редакціяхъ просто-напросто собрались какіе-то «неумытые интеллигенты», которые даже не на свой аршинъ мѣрили, а съ жалкой слѣпостью слѣдовали чужой указкѣ. Сказали имъ, что Меньшиковъ—бука, они и пищали на разные лады: «Ай, буква, буква! боюсь буквы!» Своего-то у нихъ ничего не было, все было навѣяно, заранее подсказано, и съ этимъ чужимъ они и выступали на столбцахъ газетъ.

Повторяемъ, Меньшиковъ иногда увлекается, иногда онъ—смѣхотворная Кассандра, но даже и въ роли послѣдней онъ чаще всего искрененъ. Поэтому пусть приводимыя письма онъ сочинилъ, положеніе не мѣняется: мысли, высказанныя въ этихъ письмахъ, настолько вѣрны, что заслуживаютъ размышленія.

Въ самомъ дѣлѣ; что порождаетъ пауперизмъ, да еще гдѣ! въ Россіи? Конечно, лишь то, что люди отходятъ отъ земли. Почему отходятъ? Только потому, что не понимаютъ, что такое для нихъ земля. Всѣ эти пр. чевутыя «насилія правительства» надъ мужикомъ—это вздоръ и ерунда.

Что такое правительство? Правительство—это слишкомъ ничтожная кучка людей, чтобы она могла производить такое вліяніе на весь народъ, какое ему приписываютъ безшабашные антагонисты Меньшикова. Противъ народа не попрешь, онъ великъ потому, что онъ—народъ. Да! Правительство было, да, пожалуй, и есть эгоистично; оно работаетъ только для извѣстнаго кружка людей—такъ называемыхъ «сферъ». Но благодаря чему его предпріятія улаются? Да благодаря тому, что масса-то сама не способна къ сцѣпленію и стремится какъ можно далѣе отъ источника своихъ силъ. Пусть это стремленіе порождено тѣмъ-же самымъ правительствомъ въ цѣляхъ «раздѣляя царствуй», но, вѣдь, береженаго и Богъ бережетъ, и въ жизни всякій Еремей про себя разумѣй.

Тѣ, кто бывають въ Петербургѣ, нерѣдко видятъ рослыхъ, здоровыхъ дядей, хорошо упитанныхъ, мускулистыхъ, безусловно работоспособныхъ, т. е., какъ работоспособныхъ?—могущихъ ходить за сохой по землѣ, боронить ее, пахать, сѣять. И что-же дѣлають эти индивиды? Они продають дѣтскіе резиновые шары или торгуютъ пучками цвѣтовъ, или въ лѣтнее время, въ самое жаркое, самое страдное для крестьянства, въ безчисленномъ множествѣ появляются на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и распродаютъ набранные ими грибы. И, вѣдь, это не только въ Петербургѣ, а вездѣ.

Почему-же индивиды ушли отъ земли? Да потому, что трудъ на землѣ слишкомъ тяжелъ, а тутъ они получаютъ свое иждивеніе съ гораздо болѣе легкими затратами физическихъ силъ. Зачѣмъ трудиться, когда городъ прокармливаетъ, и не только прокармливаетъ, но и на выпивку даетъ въ достаточной степени? Вдумайтесь въ то, что мы говоримъ! Вѣдь, это—то-же самое, что въ меньшековскомъ письмѣ «стану я гнуть шею за какихъ-то восемнадцать рублей въ мѣсяцъ».

Трудъ, въ глазахъ множества, потерялъ свою цѣнность потому, что открылись болѣе легкія области труда, и невыдержанный, невоспитанный народъ кинулся на легкоту.

Пауперизмъ, вѣдь, и порожденъ тѣмъ, что люди ушли отъ земли. Пауперизма не было-бы, если-бы люди не расходились съ землей; земля кормить, а все остальное есть придаточное.

Говорятъ о пролетаріяхъ, но что такое пролетарій да еще русскій? Конечно, это—прежде всего фабрично-заводскій рабочій. Что говорить! фабрики, заводы необходимы въ Россіи постольку, поскольку доброму помѣщику нужны свои шерстобитни и сыроварни; но шерстобитни и сыроварни для помѣщика—не главное, не существенное, онъ можетъ легко обойтись и безъ нихъ. Представьте-же себѣ положеніе помѣщика, у котораго шерстобиты и сыровары, т. е., люди вспомогательныхъ профессій, хотятъ взять верхъ надъ людьми профессій коренныхъ. Вѣдь, если только помѣщикъ, у котораго это случится, обѣднѣетъ, то и землеробы, и шерстобиты, и сыровары—всѣ въ мгновеніе ока окажутся нищими, потому что для первыхъ не будетъ цѣли, для которой они работали-бы, а для вторыхъ не будетъ обезпеченія ихъ труда, такъ какъ сбытъ ихъ издѣлій зависитъ не отъ того, каковы они по качеству или количеству, а отъ массы постороннихъ условій. Теперь посудите сами, кто главные—первые или вторые? На нашъ взглядъ, конечно, первые, вторые-же только прикладные, а между тѣмъ, вторые въ наше время хотятъ быть первыми.

Вѣдь, такъ называемый сознательный пролетаріатъ, что это такое на самомъ дѣлѣ? Вѣдь, это, будемъ говорить прямо,—какая-то жалкая пародія на заграничный. Пролетаріатъ Запада состоитъ исключительно изъ людей дѣла и осмысленныхъ стремленій. Современная социаль-демократія—повторяемъ, современная, т. е., въ ея теперешнемъ значеніи, а не въ коренномъ,—родилась въ Германіи. Марксъ, Энгель, Каутскій — такъ или иначе германцы, но, вѣдь, надо-же помнить, что въ Германіи земледѣльцы уступаютъ въ своемъ количествѣ фабрично-заводскимъ рабочимъ, Германія не можетъ сама себя прокормить и должна покупать свой хлѣбъ; въ Германіи главное—ея фабрично-заводская промышленность, поэтому-то тамъ социаль-демократія имѣетъ постоянное питаніе. На фабрики и заводы въ Германіи идетъ избытокъ сельскаго населенія, а у насъ, въ Россіи, куда идутъ его рабочія силы? Въ Германіи страна ничего не потеряетъ отъ развитія такъ называемаго пролетаріата, а у насъ онъ является ненужнымъ и пагубнымъ. Если-бы

русскій пролетаріатъ пополнялся только городскимъ населеніемъ, то это еще туда-сюда, а то, вѣдь, онъ пополняется на счетъ населенія земледѣльческаго и уже въ силу этого развѣ это—настоящій пролетаріатъ? Хорошіе пролетаріи, у которыхъ почти у каждаго есть земельный надѣлъ! Вѣдь, это именно и суть тѣ самые буржуи, противъ которыхъ они такъ рьяно встаютъ по непониманію, что такое буржуй, что такое пролетарій.

Копеечныя брошюрки, политическія «Донскія Рѣчи» и проч., и проч. въ томъ-же родѣ «натаскали» ихъ на социаль-демократію, но развѣ они постигли сущность этой теоріи? Да если-бы и постигли только, такъ давно-бы отплевались отъ нея, потому что социаль-демократія въ своей основѣ есть утопія и жизненно-практическаго въ ней очень очень мало. Вѣдь, для такихъ «сознательныхъ», куда ни плюнь, вездѣ Америки, которыя они и открываютъ благополучно, а такъ какъ «Америкъ» открыто безъ конца, безъ края, то они попадаютъ всегда на готовенькое и въ восторгѣ, что имъ удастся создать нѣчто новое, того-же, что это новое давно уже стало старымъ, люди не видятъ и всѣми силами стремятся лишь къ тому, чтобы «отрѣшиться отъ прежняго міра», не отыскавъ себѣ предварительно новаго.

Но нѣтъ возможности обвинять ихъ за это: они—малые сии, да, тѣ самые малые сии, о которыхъ въ Священномъ Писаніи сказано, что соблазнить ихъ тяжело, чѣмъ кинутся съ жерновомъ на шеѣ въ пучину морскую, а, между тѣмъ, среди современныхъ суррогатовъ интеллигенціи находятся индивиды, которые не прочь воспользоваться наивностью сѣрыхъ массъ ради своихъ выгодъ, и они увлекаютъ ихъ, льстя ихъ дѣтскому самолюбію. Вѣдь, нѣтъ ничего проще, какъ получить духовную власть надъ ребенкомъ, разсуждая съ нимъ, какъ съ взрослымъ. И вотъ различные индивиды, которые и сами-то по существу весьма недалеки и отличаются отъ массы лишь тѣмъ, что они побольше надолбили всякихъ «истинъ», вертятъ этими массами и сякъ, и такъ. А что изъ этого выходитъ? Да ничего не выходитъ! выходитъ неразбериха такая, какая прямо-таки губительна для ея участниковъ, а про государство, про страну, гдѣ они свили себѣ гнѣздо, ужъ и говорить нечего.

Это—одна сторона медали, такъ сказать, духовная. Есть

и другая, практическая. Вѣдь, какъ никакъ, городская жизнь весьма прельщаетъ своею виѣшностью мужика. Сидитъ мужикъ надъ землей, пашетъ ее весной, убираетъ ее лѣтомъ, пьянствуетъ осенью и спитъ зимой. При извѣстныхъ условіяхъ онъ, какъ говорится, «и сытъ, и пьянъ, и носъ въ табакѣ», и голода никакого не знаетъ, потому что, вѣдь, землю всегда можно заставить дѣлать то, что хочетъ человекъ, а если подчиняться ей, то, конечно, отъ нея ничего не получишь и съ голода умрешь.

Но вотъ онъ, этотъ трудникъ, постоянно слышитъ рѣчи о томъ, что его сынъ, братъ, родственникъ, однодеревенецъ ушли въ городъ. Тамъ они работаютъ на двѣ трети меньше, чѣмъ ему приходится работать, а денежными знаками получаютъ больше, и притомъ-же они сидятъ на бархатахъ, — бархатахъ городскихъ кабаковъ, конечно, — и «подъ машину слушаютъ», и разныя нарядныя барыни всякія любезности строятъ и, словомъ, по понятію какого-нибудь землероба, ушедшій отъ земли индивидъ катается, какъ сыръ въ маслѣ! Кто-же себѣ не желаетъ лучшаго, кто-же не хочетъ отъ тяжелаго перейти къ легкому? Деревенская молодежь забываетъ о томъ, что славны бубны за горами, съ восторгомъ слушаетъ рассказы о городскомъ житьѣ-бытьѣ и начинаетъ стремиться въ городъ, на фабрики, на заводы. А тамъ, вѣдь, не все такъ хорошо, какъ говоритъ легенда. Трудъ тамъ каторжный — не на себя, а на хозяина. Бархаты въ кабакахъ — лишь приманка, потому что приходится оплачивать сидѣніе на нихъ трудовымъ грошемъ; любезности всякихъ «барынь» даются тоже не даромъ и влекутъ за собой всевозможныя отвратительныя болѣзни, которыя получившій ихъ несетъ въ деревенскую среду. Но тяготы и мракъ забываются, а радужный миражъ остается, и на него такъ вотъ и летятъ съ земли тучи неразумныхъ бабочекъ, легенды принимаютъ видъ дѣйствительности и въ результатѣ — «стану я гнуть шею за какіе-то восемнадцать рублей въ мѣсяцъ!».

Конечно, нельзя спорить противъ того, что тяжело живется крестьянской массѣ, да, но отчего-же ея представители, совершающіе то, что описано въ началѣ этой статьи и только что, нѣсколькими строками выше, свершающіе это не въ единичныхъ случаяхъ, а въ грандіозномъ количествѣ ихъ, — отчего они не образумятся, отчего они не уразумѣютъ существа установленныхъ взаимоотношеній? отчего тотъ,

кто сидитъ на землѣ, не пойметъ, что уходъ съ земли равносильнень смерти? Вѣдь, примѣровъ уже было великое множество, такое множество, что и безъ словъ понятно, что безъ земли не можетъ быть хорошей жизни.

Теперь думское время—время второй думы. Опять идутъ толки о землѣ. Но развѣ все зависитъ только оттого, чтобы у землероба земли было видимо-невидимо? Вовсе нѣтъ! И крестьяне сознаютъ превосходно, что земля — далеко еще, далеко не все въ ихъ обиходѣ.

«—Земля Божья, ее надо подѣлить поровну, — повторяетъ какой-то изъ «лѣвыхъ» представителей социалистическихъ партій, — рассказываетъ А. Ксюницъ въ «Новомъ Времени».

«—Что жъ, давай дѣлить! — соглашается крестьянинъ, — только въ концѣ концовъ, когда населеніе деревень увеличится, на душу не болѣе полудесятины придется.

«—И полудесятины хорошо, — не унываетъ «лѣвый», — даже три сажени и то могутъ пригодиться.

«—Само собой пригодится, только ужъ кстати надо будетъ крестьянину и гробъ заказывать, чтобы въ эти три сажени закопаться...

«Въ споръ вступаетъ поддужный не изъ депутатовъ и начинаетъ подсмѣиваться надъ крестьяниномъ, отпуская довольно плоскія остроты. Принимавшему участіе въ разговорѣ депутату Шидловскому приходится сдѣлать замѣчаніе непрошенному оппоненту и рекомендовать ему воздержаться отъ подтравливанія депутатовъ.

«Послѣ нѣкотораго инцидента разговоръ снова возвращается къ существу вопроса и г. Шидловскій поясняетъ, что, по его мнѣнію, лучшее разрѣшеніе вопроса будетъ то, которое явится наиболѣе справедливымъ.

«—Почему вы противъ отнятія земли у помѣщиковъ? — спрашиваетъ «лѣвый» у г. Шидловскаго. — Вѣдь, земля-то дворянами-помѣщиками награблена...

«—Вы признаете, что дворяне въ свое время совершили грабежъ? — спрашиваетъ г. Шидловскій.

«—Несомнѣнно...

«—И, по вашему мнѣнію, этотъ грабежъ долженъ продолжаться: теперь ее надо отнять у помѣщиковъ. До какихъ-же поръ мы будемъ разрѣшать все грабежомъ?..»

«Случайно, — передаетъ корреспондентъ, — пришлось разговариваться съ херсонскимъ крестьяниномъ Балло. Онъ —

представитель мелкихъ землевладѣльцевъ, какихъ много на югѣ; выбравшіе его наказывали противиться поголовно-принудительному отчужденію.

«— Мы приобрѣтали землю,—говоритъ Балло,—потомъ и кровью, во всемъ отказывали себѣ не доѣдая, не досыпая, не посылая дѣтей въ школу, не видя отдыха и свѣта. Отнять у насъ землю—это лишить насъ всего достойнаго. Деньги намъ ни къ чему; нашъ крестьянинъ живетъ только пахотой, весь день роясь въ землѣ, и съ деньгами не сумѣетъ даже справиться. Весь трудъ и состояніе у мелкаго землевладѣльца-крестьянина вложены въ землю и отнять ее—все равно, что оставить его обобраннѣмъ среди степи. Теперь вы поймете, почему я ратую противъ огульнаго отчужденія земель».

Можетъ быть, и это сочинено, можетъ быть, и этотъ разговоръ сочиненъ, но онъ повторяется, хотя въ другомъ освѣщеніи, въ такъ называемыхъ «лѣвыхъ» газетахъ, поэтому, по нашему мнѣнію, онъ былъ и на самомъ дѣлѣ.

Эпизодъ весьма характеренъ, какъ его ни рассказывай. Среди настоящихъ мужиковъ существуетъ ясное и твердое представленіе, что такое земля, какія обязанности она налагаетъ на человѣка, но—увы!—такихъ настоящихъ мужиковъ въ наше время слишкомъ не много. Все стремится отъ тяжелаго къ легкому. Всѣ хотятъ правъ и забываютъ объ обязанностяхъ, да, именно забываютъ; обязанности никто не хочетъ знать, никто не хочетъ нести, но, вѣдь, въ свою очередь, безъ обязанностей не можетъ быть и правъ, а вотъ подите-же, разберитесь въ этомъ заколдованномъ кругу—безъ обязанностей ни для кого не можетъ быть правъ, всѣ хотятъ права и отказываются отъ обязанностей. Кругъ, дѣйствительно, заколдованный. Хорошо будетъ, если Россіи удастся выйти изъ него, а если только она не выйдетъ, то сколько еще лѣтъ можетъ продлиться современная неразбериха и до какой степени нищеты дойдетъ и безъ того нищій народъ?

Какъ расходуются и добываются деньги государствомъ.

Въ послѣднее время «Освѣдомительному бюро» страшно много работы: слухи растутъ и захватываютъ все болѣе и болѣе завѣтныя области и бюро завалено работой «опроверженій». Но «Товарищъ» выражаетъ надежду, что оно не замедлитъ опровергнуть слѣдующіе ложные слухи, распускаемые по городу и подхваченные газетой «Русь».

Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ существуетъ прекрасный обычай при каждомъ назначеніи на тотъ или другой постъ, при выходѣ въ отставку или смерти, печатать то денежное содержаніе или ту пенсію, которыя будутъ получать упоминаемая въ приказахъ лица. У насъ, въ Россіи, ничего подобнаго нѣтъ, всякое денежное содержаніе окружено чуть не тайной, и потому пусть не посѣтуютъ на насъ читатели, если нѣкоторыя цифры по предмету сей статьи будутъ приведены на основаніи слуховъ, циркулирующихъ въ городѣ.

1) Бывшій управл. морск. мин. Чихачевъ, богатѣйшій человекъ въ Россіи, продолжаетъ получать то-же самое вознагражденіе, что и прежде, т. е., 18.000 р., хотя министерствомъ давно уже не упоминяется. Кромѣ того, онъ получаетъ еще соответственное вознагражденіе въ государственномъ совѣтѣ.

2) Бывшій управл. морск. мин. Авеланъ за кратковременное и безвѣстное пребываніе на своемъ посту продолжаетъ получать не только свои 20.412 р., но еще 4.000 руб. ежегодной аренды и, вѣроятно, то, что слѣдуетъ по государственному счету.

3) Бывшій морской министръ Бирилевъ, очень богатый человекъ, за ту-же кратковременность и за вполне уже безтолковую и вредную на своемъ посту дѣятельность получаетъ бывшее содержаніе 18.540 рублей и, вѣроятно, еще по государственному счету.

4) Бывшій намѣстникъ Алексѣевъ за то, что устроилъ намъ японскую войну съ потерей Манчжуріи, Квантуна, П.-Артура и всего русскаго флота, говорятъ, продолжаетъ получать чуть-ли не 140.000 руб. въ годъ.

5) Бывшій московскій генераль-губернаторъ Дубасовъ, говорятъ, тоже продолжаетъ получать 75.000 руб. да еще 2.000 руб. ежегодной аренды.

6) Бездѣтная вдова бывшего управл. морскимъ министерствомъ Шестакова, вышедшая потомъ замужъ за состоятельнаго директора морского корпуса Доможирова и снова овдовѣвшая, получаетъ, по слухамъ, совершенно незаконно пенсію въ размѣрѣ вознагражденія ея перваго мужа, т. е., 18.000 р. въ годъ.

7) Богатой дочери бывшего упр. морскимъ министерствомъ

Тыртовой тоже будто-бы оставлена пенсія въ размѣрѣ полного содержанія ея отца, что уже совершенно непонятно, такъ какъ Тыртовъ, отозвавъ несвоевременно часть нашихъ боевыхъ судовъ съ Востока и заказавъ броненосцы слабѣе японскихъ, а также смѣнивъ хорошіе крейсера типа «Громобой», на никуда негодный типъ «Богатырь», обрекъ Россію на постыдное поражение.

8) Бывшій, печальной памяти, директоръ морского корпуса Арсеньевъ, совершенно незаконно переименованный въ адмирала, продолжаетъ получать свои 14.000 руб. и еще 1.500 руб. аренды.

9) Адмиралъ Шилингъ, никогда судами и отрядами не командовавший, понавшій въ адмиралы только за совершенно постороннюю флоту дѣятельность, получаетъ, кромѣ всего прочаго, еще отъ морского вѣдомства 9.722 руб. 35 к. и 1.500 руб. аренды при готовой квартирѣ.

10) Единственный изъ всѣхъ контръ-адмираловъ, знаменитый концессионеръ Абаза, самъ по себѣ богатый человекъ, получаетъ 13.333 рубля и 3.000 рублей аренды.

Другіе никто нитакое содержанія, ни аренды—кромѣ 1.000 руб. у Эйквиста за полученную рану при управленіи николаевскимъ градоначальствомъ—не получаютъ.

Итакъ, увлекательный романъ, подъ заглавіемъ «Какъ расходуются народныя деньги», развертываетъ все болѣе и болѣе занимательную фабулу...

Къ иллюстраціи же того, „какъ добываются деньги“, парижскій „Figaro“ приводитъ соображенія, высказанныя министромъ финансовъ В. Н. Коковцовымъ проживающему въ Парижѣ русскому дипломату г. Шелькингъ.

В. Н. Коковцовъ заявляетъ, что заключеніе новаго вѣншнаго займа нынѣ совершенно исключается, такъ какъ такой заемъ былъ-бы совершенно излишенъ: Государственное казначейство въ состояніи безъ всякаго займа удовлетворить свои обязательства по отношенію къ иностраннымъ своимъ кредиторамъ.

Правда, наше финансовое положеніе не можетъ быть названо блестящимъ, но послѣ всѣхъ перипетій, пережитыхъ страной, оно все-таки должно быть признано удовлетворительнымъ. Это обстоятельство и доказываетъ наличность чрезвычайно большихъ продуктивныхъ силъ Россіи. Въ бюджетъ на текущій годъ всѣ расходы будутъ сокращены до минимума. Въ бюджетѣ имѣется ассигновка въ 53 милліона рублей для оплаты государственныхъ купоновъ и 61 милліонъ на помощь голодающимъ. Этихъ 61 милліона рублей оказалось, однако, мало и поэтому пришлось для покрытія расходовъ по помощи выпустить внутрѣнній заемъ, который и немедленно былъ покрытъ. Далѣе 124 милліона ассигнованы на желѣзнодорожное дѣло для окончанія постройки начатыхъ дорогъ.

Расходъ этотъ является послѣдствіемъ ликвидаціи военныхъ дѣйствій, которыя въ прошломъ году поглотили на этотъ же предметъ свыше 450 милліоновъ рублей.

Понятно, что въ теченіе одного года нельзя покончить со всѣми послѣдствіями войны. Англія, какъ извѣстно, еще до

спихъ поръ не покончила со всѣми расходами южно - африканской войны. Естественно, что и Россіи еще не такъ скоро закончить свои работы по ликвидаціи войны и реорганизаціи арміи и флота. Во всякомъ случаѣ, правительство поставило себѣ задачу настолько сократить расходы, чтобы дефицитъ не превысилъ 240 милліоновъ рублей.

Что касается доходовъ въ 1907 году, то, по заявленію министра финансовъ, безъ излишняго оптимизма можно сказать, что если не произойдутъ какія-либо непредвидѣнныя несчастныя случайности, то поступленіе податей и налоговъ не окажется меньшимъ, чѣмъ въ 1906 году. Можно даже рассчитывать, что положеніе окажется еще лучшимъ и предусмотрѣнный дефицитъ понизится на 80 до 100 милліоновъ и, слѣдовательно, дойдетъ всего до 140 милліоновъ. Для покрытія этого дефицита не потребуется иностранный заемъ.

Наконецъ, В. Н. Коковцовъ буквально сказалъ слѣдующее: „Вообще пройдетъ еще много мѣсяцевъ до того момента, когда мнѣ могли-бы понадобиться деньги, и если окажется, что дѣйствительно придется прибѣгнуть къ кредиту, то тогда я и подумаю, къ какимъ источникамъ прибѣгнуть“. Министръ финансовъ далѣе указалъ, что онъ, во всякомъ случаѣ, надѣется прибѣгнуть для покрытія небольшого дефицита къ внутреннему займу. Во Франціи поэтому не должны беспокоиться, и французская публика, въ особенности извѣстные французскіе круги, совершенно неосновательно такъ заинтересовались нынѣ вопросомъ о русскомъ займѣ. Въ Россіи объ этомъ не думаютъ.

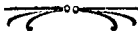
«Я буду счастливъ. — закончилъ В. Н. Коковцовъ, — если смогу обойтись безъ внѣшняго займа, и считаю своей ближайшей задачей сократить нашъ государственный долгъ за границей, а это достижимо только тогда, когда мы будемъ уменьшать наши внѣшнія обязательства.»

На что-же надѣется г. Коковцевъ? А вотъ на что.

Оффиціальныи органъ министерства финансовъ, на основаніи свѣдѣній 3.000 корреспондентовъ о состояніи посѣвовъ и размѣрѣ площадей сѣва, успокаиваетъ относительно «новой опасности», будто-бы грозящей отъ уменьшенія площади засѣва, ввиду боязни землевладѣльцевъ, удастся-ли собрать жатву.

Вопреки высказывавшимся въ печати опасеніямъ, не отмѣчается также и тенденціи нашихъ крупныхъ хлѣботорговыхъ фирмъ воздерживаться отъ срочныхъ контрактовъ на хлѣбныя поставки для Англійи и другихъ европейскихъ рынковъ, являющейся какъ-бы естественнымъ выводомъ изъ тѣхъ-же опасеній землевладѣльцевъ.

«Какъ разъ наоборотъ, — говоритъ «Тор.-Пром. Газ.», — въ послѣднее время во всѣхъ нашихъ портахъ, какъ балтійскихъ, такъ особенно южныхъ отмѣчается чрезвычайно оживленное настроеніе, благодаря усиленію спроса на экспортъ нашихъ хлѣбовъ во всѣ страны, въ томъ числѣ и въ Англійю; все предложеніе и весь наличный товаръ — правда, небольшихъ размѣровъ — нарасхватъ разбираются на экспортъ.»

Мелкая земская единица.

Статья В. А. Пинчуна. (Окончаніе.)

Въ томъ-же смыслѣ, но еще категоричнѣе высказывается одинъ изъ комитетовъ Московской губерніи.

„Нынѣ крестьянское сословіе,—говоритъ онъ,—почти участвуетъ фактически въ земскомъ самоуправленіи и даже въ массѣ своей едва-ли имѣетъ о немъ правильное и ясное представленіе. Это происходитъ не только отъ существующей системы земскаго представительства, но и отъ отсутствія въ организаціи земскихъ учрежденій перваго звена въ видѣ всесословной общины. Опытъ доказываетъ, что даже уѣздное земское дѣло, по относительной сложности своей, по расходамъ и неудобствамъ, связаннымъ съ исполненіемъ обязанности гласнаго, доступно лишь для немногихъ наиболѣе развитыхъ и зажиточныхъ представителей крестьянства. Въ мелкой земской организаціи, болѣе близкой къ крестьянскому населенію, силы этого послѣдняго нашли-бы себѣ болѣе широкое примѣненіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, получили-бы подготовку для болѣе активнаго, чѣмъ нынѣ, участія въ жизни уѣзднаго и губернскаго земства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, была-бы до извѣстной степени ослаблена обособленность крестьянскаго сословія, отражающаяся крайне неблагоприятнымъ образомъ на всемъ строѣ мѣстной жизни и въ частности на ходѣ земскаго дѣла“.

Изъ изложеннаго видно, что необходимость мелкой земской единицы, по мнѣнію комитетовъ, вызывается слѣдующими соображеніями.

1) Необходимость приближенія земства къ населенію какъ для выясненія нуждъ, такъ и для лучшаго ихъ удовлетворенія.

2) Развитіе въ населеніи самосознанія и самодѣятельности.

3) Равномѣрное привлеченіе къ мѣстной дѣятельности всего населенія безъ различія сословія.

4) Воспитательное значеніе для крестьянъ совмѣстной работы съ болѣе развитыми элементами.

По вопросу о томъ, можетъ-ли мелкая земская единица пользоваться правомъ самообложенія, мнѣнія мѣстныхъ комитетовъ оказались далеко не столь единодушны, какъ въ вопросѣ о необходимости ея; громадное большинство отрицаетъ право самообложенія, но многіе стоятъ за него подѣ контролемъ уѣзднаго земства.

Между прочимъ, въ этомъ отношеніи интересенъ докладъ, представленный борисоглѣбскому комитету однимъ изъ его членовъ. Авторъ доклада высказываетъ слѣдующія соображенія противъ предоставленія мелкой земской единицѣ полнаго самоуправленія и самообложенія:

„Въ случаѣ предоставленія каждой мелкой единицѣ права самоуправления въ смыслѣ окончательнаго рѣшенія вопроса о своихъ хозяйственныхъ и культурныхъ пользахъ и нуждахъ, о способѣ и послѣдовательности ихъ удовлетворенія, о самообложеніи для того, — первымъ необходимымъ слѣдствіемъ явится то, что, за отсутствіемъ въ массѣ достаточно широкихъ взглядовъ, мелкіе мѣстные интересы данной сельской общины или волости, притомъ узкіе интересы настоящей минуты, выдвинутые на первый планъ, приобретутъ исключительное значеніе сравнительно съ болѣе широкими интересами цѣлой мѣстности уѣзда, а тѣмъ болѣе губерніи, съ болѣе далекими интересами, рассчитанными на удовлетвореніе болѣе отвлеченной потребности, на мѣры, могущія принести практическіе результаты только черезъ извѣстный, болѣе или менѣе отдаленный періодъ времени. Необходимо, чтобы сравнительная оцѣнка степени важности и настоятельности отдѣльныхъ мелкихъ интересовъ, система и очередь ихъ удовлетворенія принадлежала земской единицѣ высшаго порядка, по крайней мѣрѣ, — въ настоящее время, при низкомъ уровнѣ культурности населенія. Слѣдовательно, рѣшающею и самооблагающею единицею должно быть въ настоящее время уѣздное земство; мелкой-же земской единицѣ должно принадлежать лишь право предварительной разработки вопросовъ о своихъ нуждахъ и мѣрахъ къ ихъ осуществленію, а также — наблюденіе за осуществленіемъ и функционированіемъ того, что создано и создается уѣзднымъ и губернскимъ земствами; забота о правильномъ ходѣ всего земскаго дѣла на мѣстахъ и указаніе недостатковъ его постановки“. (Изложеніе С. И. Шидловскаго).

Другими словами, авторъ этого доклада отнимаетъ

всю творческую работу у мелкой земской единицы и боится, какъ-бы широкій полетъ уѣздной земской мысли не былъ нѣсколько сдержанъ новой организаціей. Совершенно напрасныя опасенія; это—опасенія интеллигента оказать довѣріе мужику, чего такъ требовалъ Достоевскій. Мужикъ отлично пойметъ, что надо исключительно для его мѣстной нужды и что надо для уѣзда. Такъ, на примѣръ, никогда онъ не будетъ противъ упорядоченія транзитной дороги, обслуживающей весь уѣздъ, но, несомнѣнно, будетъ противъ шоссированія дороги, ведущей, скажемъ, отъ вокзала желѣзной дороги въ имѣніе члена управы, дороги, служащей исключительно его имѣнію. Навѣрное, всякій мужикъ будетъ также противъ постройки дорого стоящаго для земской управы дома, что такъ любятъ въ послѣднее время наши земцы, но не будетъ протестовать противъ уѣзднаго склада земледѣльческихъ орудій, если земство при этомъ будетъ брать небольшія коммисіонныя и окажетъ ему кредитъ. Мужикъ отлично понимаетъ и общую пользу, и свою собственную нужду. Если мелкая земская единица иной разъ и остановитъ широкій полетъ уѣзднаго земца—это не бѣда; не бѣда, если она заведетъ что-либо и лишнее для себя съ общей точки зрѣнія; надо лишь, чтобы она возможно лучше смотрѣла за своими дѣлами, сообразуясь со своими средствами; если въ уѣздѣ всѣ мелкія единицы будутъ строго держаться такого взгляда, то и уѣзду будетъ не худо. Нѣмецкая пословица хорошо говоритъ: „Когда хотятъ, чтобы улица была чиста, надо, чтобы каждый домовладѣлецъ тщательно подметалъ ее у своего дома“.

Что касается до отношеній мелкой земской единицы къ уѣзднымъ земствамъ, то большинство высказалось за то, что уѣздныя земства контролируютъ ее; по отношенію къ уѣздному собранію: мелкая земская единица посылаетъ своихъ представителей, но въ то-же время должны быть сохранены и общемуѣздныя избирательныя собранія.

Многіе изъ комитетовъ нашихъ, между прочимъ, необходимомъ съ введеніемъ мелкой земской единицы отмѣнить существующіе нынѣ крестьянское сословное управленіе и судъ.

Что касается до территоріи мелкой земской единицы, то большинство комитетовъ склоняется за волость; лишь два комитета предложили участокъ земскаго начальника и три—приходь.

Итакъ, мы видимъ что мѣстные уѣздные комитеты 49 губерній въ большинствѣ высказались за учрежденіе мелкой единицы на правахъ земскаго учрежденія.

III.

По поводу права мелкой земской единицы на самообложеніе мы выше довольно подробно остановились на докладѣ одного изъ членовъ борисоглѣбскаго уѣзднаго комитета. Этотъ докладъ признаетъ необходимость мелкой земской единицы, но авторъ его боится дать ей всѣ права земскаго учрежденія, боится изъ-за мелочей. Повторять то, что сказано, не будемъ, но дѣло въ томъ, что эта боязнь не единична. Она проникла даже въ земскія собранія и даже въ одно изъ самыхъ передовыхъ: въ тверское губернское земское собраніе.

Собственно, докладъ губернской земской управы земскому собранію 19 ноября 1901 г. по поводу мелкой земской единицы былъ кратокъ. Въ основу своего доклада управа положила уже приведенную нами резолюцію московскаго агрономическаго съѣзда, снабдивъ ее слѣдующимъ заключеніемъ:

„Всецѣло присоединяясь къ высказаннымъ на московскомъ съѣздѣ взглядамъ, тверская губернская управа намѣрена къ будущей очередной сессіи разработать вопросъ детально и проситъ собраніе отложить обсужденіе его до будущаго года“.

Въ преніяхъ, какъ свидѣтельствуешь г. Кузьминъ-Караваевъ въ своей книгѣ „Земство и деревня“, въ статьѣ „Мелкая земская единица“, по существу вопроса принимали участіе В. Н. Линдъ, С. Ф. Головинъ, С. В. де Роберти, А. М. Колубакинъ, И. И. Петруневичъ, Г. Д. Скарятинъ и др. По окончаніи преній на баллотировку было поставлено: „признаетъ-ли собраніе желательнымъ и необходимымъ организацию мелкой земской единицы?“. 19 голосовъ дали отвѣтъ утвердительный; 28—отрицательный.

Такой результатъ получился, благодаря рѣчи г. Кузь-

мина-Караваева, который съ мѣста заявилъ, что онъ-- не сторонникъ низшей земской единицы. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, между прочимъ, говорилъ:

„Съ теоретической точки зрѣнія, несомнѣнно, учрежденіе низшей земской единицы представляется крайне заманчивымъ. Громадная пестрота тѣхъ органовъ, которымъ ввѣрена у насъ мѣстная жизнь конечно, останавливаетъ на себѣ вниманіе. У насъ на мѣстахъ въ видите и самоуправляющееся учрежденіе—земство, и чисто бюрократическое—полицію, и сословныя организаціи, и т. д., и т. д. Здѣсь-же особое мѣсто занялъ съ 1889 года своеобразный институтъ земскихъ начальниковъ, вѣдряющійся и въ сословную организацію, отчасти и въ организацію земскую. Эта пестрота невольныи бьетъ въ глаза, и естественно желаніе создать что-нибудь стройное гармоничное, единое; естественно желаніе провести черезъ всю мѣстную жизнь самоуправляющуюся организацію съ однимъ обобщающимъ началомъ. Такимъ началомъ справедливо выдвигаютъ начало земскаго самоуправления. Тридцать семь лѣтъ, протекшихъ съ 1-го января 1864 года, показали, что земство создало столько, сколько даже въ удвоенный періодъ времени не создалъ и не могъ создать ни одинъ другой органъ. Если такова уже въ прошломъ заслуга земства, если это начало доказало уже свою полезность, то желательно на немъ-же построить и все остальное; желательно это начало, какъ наиболѣе полезное, распространить и вглубь, и вверхъ.

„Вотъ главный теоретическій доводъ въ пользу созданія низшей земской единицы—конечно, единицы безсословной, самоуправляющейся и обладающей правомъ самообложенія. Но такая красота юридической конструкціи, такая стройность системы вызываетъ и возраженія...

„Да, извѣстное приближеніе управленія мѣстностью къ ней самой и къ ея населенію необходимо... Но вопросъ въ томъ, до какой степени приблизить. Здѣсь могутъ быть ошибки двоякаго рода. Бѣда большая, когда органъ управленія далекъ отъ населенія, но бѣда не меньшая, когда органъ управленія слишкомъ близокъ. Бѣда не меньшая потому, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ пріобрѣтаютъ исключительно значеніе мелкіе интересы, интересы сегоднешняго дня, интересы такого-то участка, интересы своей колокольни, какъ говорятся. Когда-же органъ управленія находится дальше отъ населенія, то лица управляющія получаютъ возможность смотрѣть издалека. Не будучи непосредственно заинтересованными, эти лица имѣютъ возможность болѣе отвлеченно смотрѣть на каждый вопросъ, и потребности непосредственныя, сегоднешняго дня не будутъ въ ихъ глазахъ заслонять потребности будущаго, болѣе или менѣе от-

далекаго. Вотъ почему организація самоуправляющагося органа, близкаго къ населенію, соотвѣтствующая предлагаемой низшей земской единицѣ, возможна только при извѣстномъ, сравнительно высокомъ, уровнѣ культуры самаго населенія. Намъ указываютъ на примѣръ Америки, на примѣръ нѣкоторыхъ мѣстностей Германіи— не будемъ ходить такъ далеко. Я укажу на примѣръ Финляндіи. Тамъ такія единицы являются въ видѣ приходо́въ, и тамъ мѣстныя потребности удовлетворяются лучше, чѣмъ у насъ, въ Россіи.

„Но развѣ мы можемъ сравнить въ культурномъ отношеніи нашу русскую деревню съ деревней финляндской? развѣ наша русская деревня выработала типы школъ, типы способовъ оказанія помощи населенію? Нѣтъ, у насъ земство ввело ихъ, земство вело эти работы въ теченіе тридцати семи лѣтъ, и эта работа еще нужна и еще будетъ нужна на продолжительное время. Вотъ соображенія, которыя, съ моей точки зрѣнія, разбиваютъ заманчивость учрежденія низшей земской единицы, какъ органа самоуправляющагося, самооблагающагося, какъ ячейки, изъ которой должна развиваться вся дальнѣйшая организація самоуправленія“.

Что ни говори г. Кузьминъ - Караваевъ, а его возраженія противъ мелкой земской единицы далеко не убѣдительны; болѣе убѣдительными за эту единицу являются мнѣнія мѣстныхъ комитетовъ и само начало рѣчи г. Кузьмина-Караваева, гдѣ онъ признаетъ ея необходимость, какъ основы всего земскаго самоуправленія. Его ссылка на то, что лица, стоящія въ управленіи, находящемся далеко отъ населенія, „не будучи непосредственно заинтересованными“, имѣютъ возможность смотрѣть болѣе отвлеченно на каждый вопросъ, имѣетъ и другую сторону: именно потому, что они не заинтересованы, они не въ состояніи понять настоящую нужду населенія и именно сегодняшнюю, а не какую-то отдаленную будущую; голодному нуженъ сегодня хлѣбъ, дорого яичко въ Христовъ день, а не послѣ него.

Неудачна ссылка г. Караваева и на Финляндію. И тамъ не деревня выработала типъ школы, а пасторатъ; и тамъ культура не съ неба упала, а приходъ, какъ земская единица, существовалъ, когда населеніе было поголовно безграмотно. А у насъ, какъ только надо дать права крестьянину, ему тычатъ въ носъ его некультурность, даже тѣ, кто выдаетъ себя за его

друзей. Хотятъ крестьянина научить самоуправленію, не давая ему непосредственно участвовать въ немъ, забывая, что нельзя научиться плавать не купаясь.

Интересно было-бы знать, какъ теперь г. Кузьминъ-Караваевъ смотритъ на крестьянина, представителя будущей мелкой земской единицы, когда онъ получилъ представительство въ высшемъ государственномъ учрежденіи—государственной думѣ? Въ пять лѣтъ онъ созрѣлъ и окультурился или нѣтъ?

Были еще возраженія у г. Караваева противъ мелкой земской единицы въ томъ, что она несвоевременна, пока существуетъ институтъ земскихъ начальниковъ и пока есть сословныя перегородки.

Это возраженіе въ 1901 году, конечно, имѣло значеніе, но только для близорукныхъ. Вѣдь, тѣ, кто стоялъ за мелкую земскую единицу вполне сознательно, тѣ не могли мириться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Надо было вопросъ рѣшить принципиально, а естественнымъ послѣдствіемъ этого было-бы, конечно, и упраздненіе института земскихъ начальниковъ, и уничтоженіе сословнаго управленія крестьянъ, и, разумѣется, безъ замѣны перваго чѣмъ-либо подобнымъ.

Такъ или иначе, но въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи въ 1901 г. вопросъ о мелкой земской единицѣ провалился, благодаря г-ну Кузьмину-Караваеву.

Годъ спустя, какъ рассказываетъ г. Кузьминъ-Караваевъ, тверское губернское земское собраніе вновь вернулось къ этому вопросу.

Управою представленъ былъ докладъ о „земскихъ попечительствахъ“, причемъ высказывался взглядъ на попечительство, какъ на переходную ступень къ образованію мелкой земской единицы. Въ заключительной части доклада говорилось: „Можетъ быть, всего правильнѣе было-бы одновременно ходатайствовать о введеніи послѣдней и, въ ожиданіи законодательнаго разрѣшенія вопроса о ней, готовить это введеніе путемъ постепенной организациі приходскихъ попечительствъ“.

Обсужденіе доклада въ засѣданіи 10-го декабря 1902 года сопровождалось оживленными преніями. Говорили: Е. В. и С. В. де Роберти, баронъ П. С. Вревскій, В. А.

Пуликовскій, П. И. Петрункевичъ и мн. др. Баллотировкъ была подвергнута слѣдующая формула: „Необходимо устройство мелкихъ самоуправляющихся и самооблагающихся всесословныхъ организацій на мѣстахъ. Организаціи эти замѣняютъ собою существующія волостныя и сельскія, но, обладая особыми функциями, стоятъ наряду съ земскими учрежденіями, долженствующими быть преобразованными согласно принятымъ 5-го сего декабря земскимъ собраніемъ основаніямъ“. Формулу собраніе приняло большинствомъ 26 голосовъ противъ 15.

Здѣсь необходимо пояснить, о какомъ преобразованіи была рѣчь въ тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи 5-го декабря, на что ссылается только что приведенное постановленіе, или формула.

Дѣло въ томъ, что министерствомъ внутреннихъ дѣлъ былъ возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ цензовыхъ нормъ, вызванный дробленіемъ крупныхъ земельныхъ участковъ вслѣдствіе перехода нѣкоторой части земли изъ рукъ дворянъ-помѣщиковъ въ руки крестьянъ. Тверская губернская управа просила отложить этотъ вопросъ на годъ, но собраніе на это не согласилось, избрало особую комиссію, которой и поручило рассмотреть этотъ вопросъ немедленно и представить свои соображенія собранію.

Комиссія, прежде всего, остановилась на выясненіи, въ какомъ объемѣ слѣдуетъ понимать поставленный вопросъ: въ смыслѣ-ли привлеченія въ составъ земскихъ избирателей болѣе мелкихъ земельныхъ и другихъ собственниковъ, или шире—въ смыслѣ реорганизаціи вообще земскаго представительства на иныхъ, болѣе правильныхъ основаніяхъ. Ввиду того, что въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ выражено признаніе необходимости общаго пересмотра нормъ, опредѣляющихъ право участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ по положенію 12-го іюня 1890 года, причемъ указывается, что это измѣненіе вызывается не только дробленіемъ земельныхъ участковъ и повышеніемъ цѣны на землю, но и вообще измѣненіемъ естественныхъ и экономическихъ условій землевладѣнія, которое должно отражаться какъ на составѣ лицъ, имѣющихъ право участія въ земской дѣятельности, такъ и вообще на

ходъ земской жизни, а также указывается на то, что размѣръ цѣнза долженъ соотвѣтствовать не только повышенной цѣнности земли или дробленію участковъ, но и вообще „современному положенію вещей“,—комиссія нашла, что вопросъ, который предложенъ земству на обсужденіе, надо понимать въ смыслѣ полной реорганизации земскаго представительства, а не только въ смыслѣ уменьшенія числа десятинъ или цѣнности другихъ недвижимыхъ имуществъ для полученія права участія въ земскихъ избирательныхъ собраніяхъ.

Въ основу реформы, по мнѣнію комиссії, необходимо положить слѣдующія главные начала:

1) Право участія въ земскомъ представительствѣ должно быть всеобщимъ, и потому должно быть распространено на крестьянское населеніе.

2) Земское представительство должно быть реорганизовано на началѣ безусловности.

3) При опредѣленіи числа гласныхъ отъ всѣхъ классовъ населенія долженъ быть принятъ одинъ и тотъ-же имущественный критерій.

4) Имущественный цензъ долженъ быть пониженъ.

5) Не самостоятельно, но въ видѣ корректива къ имущественному цензу, долженъ быть допущенъ принципъ образовательнаго цѣнза.

6) Всѣ лица, вполнѣ или отчасти обязанныя по закону нести полицейскія функціи, должны быть устранены отъ участія въ земскихъ собраніяхъ.

Губернское земское собраніе приняло докладъ комиссій, измѣнивъ лишь 6-й пунктъ, который изложила въ слѣдующей редакціи:

„Всѣ лица, занимающія классныя должности по крестьянскому управленію, должны быть устранены отъ участія въ земскихъ собраніяхъ“.

Эти два доклада взаимно, такъ сказать, дополняли другъ друга и выяснили всю будущую земскую организацію. Г. Кузьминъ-Караваевъ и на этотъ разъ выступалъ противникомъ мелкой земской единицы, но безуспѣшно; сознаніе ея необходимости въ теченіе года еще болѣе укрѣпилось и земство уже не могло разстаться съ этой идеей.

Будь земство тогда-же реорганизовано и осуществись у насъ тогда-же учрежденіе мелкой земской единицы,

при вышеуказанныхъ условіяхъ, конечно, выборы въ государственную думу въ настоящее время производились-бы болѣе сознательно, а наше крестьянство въ теченіе шести лѣтъ успѣло-бы многому научиться въ дѣлѣ пользованія правомъ избирателя.

Но наша участь, очевидно, такова, что мы всюду опаздываемъ, и въ нашемъ опаздываніи нерѣдко виноваты тѣ самые люди, которые считаются безспорно передовыми и желаютъ руководить народными массами.

IV.

Еще въ началѣ своей статьи мы упоминали о профессорѣ Александрѣ Градовскомъ, который для урегулированія отношеній между земствомъ и полиціей настаивалъ на необходимости учрежденія должности уѣздныхъ начальниковъ съ уѣзднымъ при нихъ совѣтомъ для коллегіальнаго рѣшенія различныхъ дѣлъ. Мы при этомъ высказали предположеніе, что проектъ профессора, очевидно, привелъ къ другой мысли—къ учрежденію института земскихъ начальниковъ.

Мы знаемъ, утѣшило-ли это въ свое время профессора, или нѣтъ, но теперь онъ могъ-бы утѣшиться: черезъ 25 слишкомъ лѣтъ правительство, очевидно, обратило въ серьезъ на этотъ трудъ свое вниманіе, извлекло его изъ архивной пыли и недавно преподнесло его русскому обществу вмѣстѣ съ собственнымъ „проектомъ сельской реформы“.

Правительственный проектъ сельской реформы читателямъ нашего журнала уже извѣстенъ *), такъ что цѣликомъ мы приводить его не будемъ, а остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ его.

Прежде всего надо отмѣтить то обстоятельство, что этотъ проектъ, рассмотрѣнный и окончательно установленный совѣтомъ министровъ, не проведенъ на основаніи 87 ст. основныхъ законовъ, а представленъ въ государственную думу. Это дѣло, очевидно, не считалось такимъ спѣшнымъ, какъ, напримѣръ, упраздненіе сельской общины.

*) См. «Кладъ», книга 2-я, статья «Дѣятельность правительства».

Затѣмъ, упраздняются сословное управление крестьянъ, а также земскіе начальники и соотвѣтствующія имъ должности и проч. Съ этимъ, право, слѣдовало-бы послѣдить и примѣнить здѣсь непременно ст. 87. На это, навѣрное, никто не былъ-бы въ претензіи и можно заранѣе поручиться, что государственная дума, если-бы, не дождавшись ея, упразднили институтъ земскихъ начальниковъ, какова она ни была-бы, не возстановила-бы ихъ снова.

Учреждаются сельскія установленія, которымъ предоставляются исключительно хозяйственныя функціи; существующія волости преобразовываются изъ крестьянскихъ сословныхъ въ земскія всесословныя установленія.

Вотъ она, мелкая земская единица. Значить, она приурочивается къ волости. Это—то, чего хотѣли и мѣстные комитеты, но они настаивали не на всесословности, а на безсословности, на чемъ, между прочимъ, настаивалъ и профессоръ Градовскій, расходясь въ этомъ случаѣ съ правительствомъ, но зато онъ сходится съ нимъ въ дальнѣйшемъ. О томъ, кто пользуется избирательнымъ правомъ въ этой новой земской единицѣ, изъ предварительныхъ сообщеній о законопроектѣ не видно. Можно лишь догадываться, что имущественный цензъ остается въ силѣ.

Учрежденіями волостнаго управленія являются: а) волостное собраніе (земское), какъ органъ распорядительный; б) волостной старшина, замѣняемый въ крупныхъ волостяхъ волостною управой (органъ исполнительный) и в) наемная волостная стража (десятскіе, сотскіе).

Все это пока до нѣкоторой степени благополучно. Но тутъ вдругъ является въ проектѣ „участковое управление“. Это—нѣчто до крайности неожиданное. Главное, что нѣтъ ничего, связующаго предыдущій абзацъ, въ которомъ говорится о волостныхъ управленіяхъ, съ этимъ... „участковымъ управленіемъ“. Оказывается лишь, что послѣднее охватываетъ территорію, которая превышаетъ приблизительно вдвое существующіе участки земскихъ начальниковъ. Управлять такими участками будутъ начальники участковъ, „являющіеся представителями общей правительственной власти въ предѣлахъ

даннаго участка“. Они „наблюдаютъ за законностью дѣйствій сельскаго и волостнаго управленія, руководятъ дѣйствіями волостнаго управленія по дѣламъ, касающимся отбыванія воинской повинности, и по другимъ, указаннымъ въ законѣ дѣламъ“ и проч., и пр.— словомъ, предполагается установленіе тѣхъ-же земскихъ начальниковъ, хотя числомъ вдвое меньше. Но это неутѣшительно. Впрочемъ, этотъ абзацъ кончается такъ, какъ-будто должности участковыхъ начальниковъ являются временными, т. е., такъ можно толковать себѣ послѣднія строки этого абзаца, если имѣется привычка смотрѣть на все съ оптимистической точки зрѣнія.

Вотъ эти строки: „Къ обязанностямъ-же начальника участка относятся и возложенныя нынѣ на мировыхъ посредниковъ и земскихъ начальниковъ обязанности по завершенію земельного устройства крестьянъ“. Т. е., это можно такъ понимать, что съ „завершеніемъ“ этого устройства они будутъ упразднены, но можно понимать иначе: что послѣ этого они останутся при всѣхъ другихъ обязанностяхъ, кромѣ этихъ послѣднихъ.

Вообще здѣсь какая-то неясность, весьма возможно, что и нарочитая.

Наконецъ, въ новомъ законопроектѣ мѣстнаго переустройства находится осуществленіе и проекта профессора Градовскаго: „Существующее уѣздное правительственное управленіе, при вновь проектируемомъ порядкѣ, объединяется путемъ учрежденія: а) должности начальника уѣзда и б) уѣзднаго совѣта. Начальникъ уѣзда, коему присваивается названіе начальника уѣзднаго управленія, является такимъ-же представителемъ общей правительственной власти въ предѣлахъ уѣзда, какъ губернаторъ въ предѣлахъ губерніи. Должность эта не можетъ быть совмѣщаема съ другими должностями, кромѣ должности уѣзднаго предводителя дворянства. Уѣздный совѣтъ состоитъ изъ общаго и нѣсколькихъ отдѣльныхъ присутствій, состоящихъ подъ предсѣдательствомъ начальника уѣзднаго управленія“.

Выше этого проекта до сихъ поръ бюрократія ничего не давала. Вѣдь, надо только вчитаться въ него. Сначала упраздняютъ земскихъ начальниковъ. Но бюрократія не любитъ разставаться съ тѣмъ, что имѣеть.

Сколько вѣрныхъ слугъ ея остается не у дѣлъ! Сколько останется не израсходованныхъ на нихъ ассигнованныхъ денегъ. Упустить это невозможно, и потому—создаются участковые начальники. Но ихъ будетъ вдвое меньше, значить, будутъ остатки и ихъ надо использовать. Съ деньгами не легко расстаются. Является необходимость учредить уѣздныя управления съ уѣздными совѣтами. Начальникъ уѣзднаго управления равенъ при этомъ на своей территоріи губернатору. Какой престижъ власти! Вѣдь, это—цѣлая поэма и при этомъ, конечно, остаются исправникъ и полицейское уѣздное управленіе, подчиненное тому-же начальнику!

Какая-же государственная дума—будь она хоть вся изъ членовъ союза 17-го октября или партіи правоваго порядка—утвердить такой порядокъ? Развѣ мыслимо въ губерніи вмѣсто одного губернатора имѣть ихъ отъ 8 до 14?

Надо удивляться, что этотъ проектъ въ общемъ почти не подвергался обсужденію въ прессѣ, несмотря на его крайнюю важность. Это отсутствіе обсужденія создаетъ почву для массы предположеній относительно достоинствъ самаго законопроекта. Однако, послѣдній теперь уже внесенъ въ государственную думу и, въ сомнѣніи, возбудитъ самыя серьезныя пренія. Безспорно, дума разберется во всѣхъ его деталяхъ и въ недалекомъ будущемъ въ Россіи явится долгожданная мелкая земская единица. Насколько она и органы мѣстной власти будутъ близки къ проекту министерства послѣ разсмотрѣнія закона думою, покажетъ недалекое будущее.

Сверхъ-человѣкъ и «человѣкообразные».

Статья Р. Л. Антропова.

Слыхали-ли вы о новой породѣ людей, расплодившейся въ наше тревожное, кошмарное время?

Эта новая порода людей—порода «сверхъ-человѣка».

Что-же это за звѣрь, это новое «сверхъ-человѣчество»? Откуда оно у насъ явилось, почему оно, повидимому, столь глубоко пустило ростки въ русскій черноземъ?

А что оно, дѣйствительно, образовало новое и ужасное наслоеніе на русской почвѣ—доказывать не приходится. Мы всѣ это видимъ, чувствуемъ, сталкиваемся съ этимъ уродливымъ явленіемъ лицомъ къ лицу.

Странное дѣло! Если пристально взглянуть въ русскій народъ, въ душу этого народа, въ эту безконечно идилически-тоскующую славянскую душу, если прослѣдить всю жизнь этого народа, то не трудно замѣтить, что только однимъ не была грѣшна душа его: сатанинской гордостью. Вы можете находить въ русскомъ народѣ и въ его душѣ инстинкты бессознательнаго звѣрства, вы можете толковать о необузданности его «широкой» природы, о стихійности его порывовъ, но въ одномъ нельзя ему отказать: это—въ величайшемъ смиренномудріи.

Это смиренномудріе выражалось не всегда одинаково. Въ однихъ случаяхъ оно достигало удивительной красоты духа аристократизма его, въ другихъ случаяхъ оно переходило въ уродливое самообезличиваніе, по поводу котораго у Достоевскаго вырвалась горькая фраза: «никто, кажется, кромѣ русскихъ людей, не занимается съ такимъ азартомъ самооплевываніемъ».

Баринъ, согрѣшившій по легкомыслію, мужикъ, согрѣшившій по невѣдѣнію, одинаково обращались въ величайшихъ смиренномудренниковъ, каялись, плакали, орошая свой «духовный Сіонъ» потоками покаянныхъ слезъ. И, когда они совершали грѣхи, они были въ душѣ глубоко убѣждены, что это имъ такъ не пройдетъ, что за нихъ имъ придется жестоко расплачиваться, цѣною не одной каторги, тюрьмы, но еще болѣе—цѣною духовной муки.

«Уж не то мнѣ горестно да—ахъ!—тоскливо, жалобно,
Что скують меня, добра молодца, за рѣшеткою,
Свѣта милаго солнца краснаго не увижу я...
А грызеть меня лиходѣйка-тоска злющая,
Что сгубилъ, погубилъ свою душеньку»,—

поетъ разудалый «убивица», гремя кандалами.

А вотъ баринъ, и дейный убійца, студентъ Раскольниковъ, кричитъ народу:

— Прости меня!

Онъ проситъ прощенія у той земли, которую обагрилъ кровью, онъ цѣлуетъ эту землю.

Могутъ-ли еще въ чемъ иномъ сказаться съ большей силой русское смиренномудріе, русскій аристократизмъ духа и чистота русской души?

Вѣдь, всѣ эти покаянія—не трусость, не слабость воли, духа, а прекрасное стремленіе чистой души снять съ себя всю наносную мерзость, всю накипь.

И всѣ эти покаянія—поступки отнюдь не сверхъ-человѣковъ, а просто людей въ большомъ и великомъ значеніи этого слова.

Кажется страннымъ, какъ на русскомъ черноземѣ могъ привиться столь удивительный фруктъ, какъ сверхъ-человѣчность уродливой формы. Я подчеркиваю это «уродливой» потому, что знаю иное ученіе о сверхъ-людяхъ, теорію высокой красоты и высокаго сокровеннаго смысла.

Это ученіе принадлежитъ «геніальному безумцу» Нитцше и ничего общаго, кромѣ заглавія, не имѣетъ съ той пошлостью, которая охватила извѣстную часть русской жизни.

Нитцше страстно говоритъ, что для человѣческаго духа нѣтъ предѣла, что всякій человѣкъ, имѣющій право называть себя человѣкомъ, а не говорящимъ мандрилой, не долженъ успокоиться и остановиться на этомъ сознаниіи. Онъ долженъ совершенствовать свой духъ безъ границъ, безъ мѣры, онъ долженъ гордо стремиться все вверхъ и вверхъ, къ чему-то огромному, высоко-прекрасному, безначальному и безконечному. И это достиженіе высшаго дастъ человѣку право быть сверхъ-человѣкомъ.

Ито-же сдѣлали у насъ съ этимъ ученіемъ пророка-мыслителя?

Мы довольно просто и легко усвоили эту теорію и еще легче, а главное, совсѣмъ оригинальнѣе и неожиданнѣе, разрубили ее и стали примѣнять.

Сверх-человѣчность мы поняли, какъ призывъ... откинуть отъ себя все, свойственное по натурѣ человѣку, не какъ проповѣдь о совершенствованіи духа, а какъ приглашеніе... на все наплевать. Если ты оплюешь себя, свой духъ, свой Сіонъ,—этимъ ты получишь право оплевать весь міръ и станешь свободнымъ.

Съ этой точки зрѣнія, ученіе о сверх-человѣчности понравилось очень и очень многимъ, и имя благороднаго мыслителя появилось на устахъ у отъявленныхъ негодяевъ, у говорящихъ мандрилъ.

Еще-бы! что можетъ быть удобнѣе и пріятнѣе такой разрушающей все и вся теоріи? Человѣку хочется украсть, убить, изнасиловать, сдѣлать какую-нибудь гадость, противную духу человѣческому. Но человѣкъ боится. Чего? Многого: стыда, совѣсти, голоса крови. Какъ-же выдти изъ этого раздвоенія духа? Очень просто: для человѣка надо начать борьбу съ тѣми инстинктами, которые оскорбляютъ, хотять заклеить его духъ, надо вытравить стыдъ, совѣсть, ну, а для сверх-человѣка, наоборотъ, надо убить въ себѣ человѣческій духъ и всѣ инныя «глупыя» «обузы чело-вѣчества».

Стыдъ, совѣсть... Вѣдь, это, въ сущности,—вздоръ, вѣдь, это все—условности, выдуманная самими-же людьми, рабами предразсудковъ. Люди условились стыдиться. Но позвольте, почему люди не могутъ придти къ обратному рѣшенію, т. е., ничего буквально не стыдиться?

Люди боятся совѣсти потому, что они выдумали, что она существуетъ. Но кто мѣшаетъ людямъ разъ навсегда сказать себѣ: совѣсти не существуетъ, следовательно бояться ея не надо?

Мечниковъ вотъ въ своемъ интересномъ трудѣ «La nature humaine (человѣческая природа)» доказываетъ, что человѣкъ отлично можетъ обходиться безъ толстой кишки и безъ слѣпой, и безъ желудка и т. д. Все это—ненужныя придатки тѣла, которые, угнетая матерію, угнетаютъ и духъ. Такъ отчего-же мы, заботясь о тѣхъ, не хотимъ заботиться о духѣ? Отчего-бы намъ и его не освободить отъ ненужныхъ придатковъ, въ родѣ страха, совѣсти, стыда, чести? Какъ высоко взлетитъ тогда духъ и какую волшебную пѣсню запоетъ въ честь сверх-человѣчности!

Это и есть та самая «сверх-человѣчность», которой отъ бѣлы-этажа и до чердака стали слагать побѣдный гимнъ.

Говорящіе мандрилы, не достигшіе еще прообраза человека, восхотѣли стать сверхъ-людьми! И получилось то, что, конечно, и должно было получиться: они стали не сверхъ-людьми, а сверхъ-скотами. Иначе и быть не могло: они, дѣйствительно, съ какимъ-то изувѣрствомъ убили въ себѣ брата своего Авеля. И ихъ надо глубоко жалѣть, такъ какъ они, гордо мнящіе себя сверхъ-людьми, — только нищіе духомъ, полнѣйшіе нравственные банкроты. Просто-человѣкъ совершаетъ большія злодѣянія, но сознаетъ, что онъ совершаетъ большія злодѣянія; сверхъ-человѣкъ совершаетъ сверхъ-злодѣянія и сознаетъ, что онъ совершаетъ великія добродѣтели. Женщина, убившая своего мужа, въ случаѣ оправданія, всю жизнь не можетъ забыть это, человѣчица-же, оправданная на судѣ за то-же преступленіе, прямо изъ суда ѣдетъ съ адвокатами и бывшими обожателями въ ресторанъ, гдѣ предается безшабашному разгулу.

Да, гордо, побѣдно зашагала по Руси «сверхъ-человѣчность», на восторгъ и умиленіе многимъ и многимъ.

— Не отстаемъ, — кричатъ они, — не отстаемъ! Летимъ вверхъ, въ эмпирей гордаго духа.

И воруютъ, и убиваютъ, и подличаютъ съ особымъ эффектомъ, эффектомъ сверхъ-человѣчности, которою стараются прикрыть печать Каина на челѣ.

Литература, поскольку она является зеркаломъ общест-венности, весьма исправно и изрядно отражаетъ это груст-ное, печальное явленіе русской жизни. Гимназисты цѣлу-ются у гроба отца съ проститутками, спившіеся негодяи, тунеядцы, живущіе за счетъ горемычнаго русскаго пахаря, эффектно драпируются въ тоги не то Гамлетовъ, не то Чайльдъ-Гарольдовъ, и сыплютъ трескучія, «большія» слова, въ родѣ: «человѣкъ—это звучитъ гордо!».

Помню я споръ двухъ моихъ коллегъ по публицистикѣ. Одинъ изъ нихъ доказывалъ, что люди, подобные Алек-сандру Каррь (убійца матери и сестры), суть только чело-вѣкообразныя существа и что вообще смакованіе свершенныхъ ими преступленій едва-ли слѣдуетъ выносить обществу. Другой доказывалъ, что «человѣкообразныхъ» нѣтъ, что есть только люди и что обществу необходимо знѣть, какъ, отчего и почему дошли они до жизни такой...

Этотъ вопросъ—острый, наболѣвшій. Разрѣшить такой вопросъ далеко не легко. Въѣтъ, въ этомъ вопросѣ, какъ

въ фокусѣ, вся наша неприглядная больная дѣйствительность.

Лично я стою безусловно за то, что у насъ есть «человѣкообразные».

Въ великомъ актѣ происхожденія человѣка лежитъ огромная тайна. Никакіе законы, въ томъ числѣ и законъ о наслѣдственности, не разгадали еще намъ этой тайны и не даютъ намъ ни малѣйшей положительной теоріи.

Мы видимъ, какъ у сапожника и его жены-прачки рождается мальчикъ, который дѣлается большимъ поэтомъ. Какъ, отчего, почему? Ни его дѣдушка, ни его пра-прадѣдушка, словомъ, никто никогда изъ его отдаленнѣйшихъ предковъ не грѣшилъ музой. И наоборотъ, у людей высокообразованныхъ, съ душой артистовъ, рождается будущій сапожникъ.

Я могу вамъ назвать десятокъ, сотню именъ величайшихъ гениевъ, чье происхожденіе логически нельзя понять и нельзя доказать. Почему у идиота могъ родиться гений, а у гения—идиотъ? Это, повторяю,—великая тайна всеильной природы, это—удивительнѣйшая игра сцѣпленій мировыхъ атомовъ.

Почему-же нельзя допустить, что точно такъ-же стихійно, случайно, рождаются всѣ эти именно «человѣкообразные»? Конечно, если-бы они, уже при своемъ появленіи на свѣтъ, имѣли проклятую печать на челѣ, ихъ слѣдовало-бы тотчасъ опускать въ банку со спиртомъ для блага всего человѣчества. Но—увы!—они человѣкообразны, они не имѣютъ ни двухъ головъ, ни пяти рукъ. И въ этомъ—весь трагизмъ и ужасъ. Ихъ воспитываютъ, какъ людей, а они—мандриды по совершенному образу и подобію человѣческому. И, когда этотъ «человѣкообразный содѣветъ» неслыханное по жестокости злодѣяніе, мы кричимъ, что его, это существо, очевидно, не умѣли воспитывать, образовывать и пр. Тутъ и семья, и школа, и среда—всѣ виноваты, всѣ, замѣтьте, кромѣ самого его одного, этого «человѣкообразнаго».

Я знаю одно семейство, въ которомъ сына до двѣнадцати лѣтъ держали подъ стекляннѣмъ колпакомъ: ему говорили о высокомъ, хорошемъ, никакое дурное вліяніе не могло коснуться до него. И... въ одинъ грустный день, когда мать ему сдѣлала выговоръ, онъ бросилъ въ нее раскаленнымъ утюгомъ и разбилъ ей високъ. Такъ и Карра. Родился

онъ въ семьѣ честныхъ пивоваровъ—и вдругъ его ужасное убійство матери и сестеръ. И опять эти вопли: его сгубила любовь, его сгубили танцъ-классы. Позвольте: развѣ мы мало видимъ и влюбляющихся, и таниующихъ, и нуждающихся въ деньгахъ (для подношеній барышнямъ) молодыхъ людей. Не рѣжутъ-же они своихъ матерей и сестеръ.

Атавизмъ... дегенерація... Прекрасно! Все это такъ! Но, вѣдь, мы и не называемъ ихъ людьми, а называемъ «человѣкообразными». О чемъ-же спорить?

Теперь, вотъ этотъ вопросъ: слѣдуетъ или нѣтъ знакомить народъ, общество со всѣми ужасными подробностями этихъ мрачныхъ, кровавыхъ трагедій? Слѣдуетъ-ли выносить ихъ на общественную арену и, такъ сказать, живописать весь этотъ ужасъ?

И я тоже скажу: нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Не слѣдуетъ, во-первыхъ, потому, что это ни для кого не нужно, что это безцѣльно. Для чего общество окунать съ головой въ эту зловонную клоаку? Развѣ оно не знаетъ, что у насъ существуютъ идиоты, маниаки, дегенераты, атависты, истерики, душевно-больные и иные горемычные субъекты?

Это—дѣло клиническаго изслѣдованія и леченія.

Во-вторыхъ, не слѣдуетъ потому, что не довольно-ли вообще преподносить русскому обществу только одну отвратительную накипь жизни, одни отрицательныя явленія? Если это — педагогическій приемъ, то я долженъ признать, что этотъ приемъ весьма рискованный, что этотъ методъ, такъ сказать, о двухъ концахъ.

Я помню, какъ при мнѣ одинъ чадолюбивый папаша, желая привить сыну добрыя чувства, поймалъ муху и сталъ постепенно отрывать ей ноги и крылья, говоря сыну:

— Ты видишь, какъ бьется бѣдная муха? Ты слышишь, какъ она пищитъ? Очевидно, ей очень больно. А боль причинять стыдно. Поэтому ты никогда мухъ не лови и не мучь ихъ!

И онъ былъ убѣжденъ, что онъ — великій педагогъ.

Мы, литераторы, тоже любимъ поучать и лечить. Обнажая общественныя язвы, мы бьемъ общество дубьемъ, а лечимъ... словами. Но словъ однихъ мало. Нужно дѣло, нужны факты, факты свѣтлые, хорошіе, какъ противовѣсъ темному, мрачному, страшному. Нужно давать выходъ оскорбленному чувству, такъ какъ иначе это оскорбленное чувство можетъ обратиться въ ужасное озлобленіе, въ вели-

чайшую ярость, въ покленъ на жизнь, которая сама по себѣ была, есть и будетъ драгоценнымъ благомъ челоуѣчества.

Я хочу сказать, что, отыскивая съ какимъ-то именно нездоровымъ любопытствомъ и съ лихорадочной жадностью мрачныя явленія современной жизни, мы должны еще съ большей страстностью находить и свѣтлыя точки, блики, стороны русской жизни и освѣщать ихъ съ особой любовью, съ особой нѣжностью.

Мы не стыдимся бросать обществу: «смотри, какъ это гадко!»—но положительно конфузится бросить ему что-нибудь хорошее, еще громче крича: «смотри, какъ это хорошо!».

Чего-же мы боимся и чего мы стыдимся? Того-ли, что свѣтлое слишкомъ ужъ не пропорціонально мрачному? что этотъ лучъ свѣта поглотится во тьмѣ?

Не будемъ этого страшиться: свѣтъ, какъ и правда, всегда восторжествуетъ.

ПОРА ВОСПРЯНУТЬ!

Надъ міромъ сіяетъ свѣтъ дивный науки,
Но онъ освѣщаетъ лишь горе и муки.
Людскихъ увлеченій расплескались волны,
Лишь мути зловонной, губительной полны.
Тѣ волны слилися въ страстей океанъ,
Надъ ними сгустился безумья туманъ;
И льется дождями родимая кровь,
И правда погибла, и скрылась любовь.
О, братья-безумцы, очнетесь когда вы?
Когда-же погибнетъ въ васъ сѣмя отравы?
Когда обновленіе постигнетъ душа?
Когда вы поймете, что жизнь хороша?
Смотрите, родился свѣтъ новый и дивный,
Какъ громъ, прокатился кличъ къ счастью призывный
И правда какъ-будто-бы вышла изъ склепа,
И ненависть стала не такъ ужъ свирѣпа.
Тотъ свѣтъ озаряетъ лачугу, дворець:
Онъ ровень для всѣхъ—и бѣднякъ, и мудрецъ
Сянемъ его нынѣ озарены...
И близко спасеніе родимой страны.

Кв. Юрченко.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Страсти и каникулы. (Иллюстрація момента).	3
Антрактъ. (Думскія каникулы.) Статья <i>Н. В. Алексѣева</i>	6
Послѣ Пасхи. Стихотвореніе <i>А. Лавскаго</i>	11
Послѣ Пасхи. Стихотвореніе <i>А. Лавскаго</i>	11
Дѣятельность государственной думы въ цифрахъ.	12
Въ государственной думѣ.	16
Въ государственномъ совѣтѣ.	38
Жизнь и дѣятельность партій.	41
Отдай жену дядѣ. Статья <i>П. Короткевича</i>	46
Подъ вой гѣнѣ. Стихотвореніе <i>Осипа Кудина</i>	51
Камо грядеши? Статья <i>Н. Владимірова</i>	52
Подъ священной мантией.	58
Правдивыя рѣчи. Статья <i>Н. В. Кононова</i>	63
Какъ расходуются и добываются деньги государствомъ.	73
Мелкая земская единица. Статья <i>В. А. Пинчука</i> . (Окончаніе).	76
Сверхъ-человѣкъ и «человѣкообразные». Статья <i>Л. Р. Андропова</i>	89
Пора воспрянуть! Стихотвореніе <i>И. Юрченко</i>	95
Оглавленіе	96

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА РУССКИХЪ КЛАССИКОВЪ

изданія А. А. Каспари, выходящая, какъ ОСОБОЕ ДОПОЛНЕНИЕ „РОДИНЫ“,

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО для гг. ПОДПИСЧИКОВЪ

по слѣдующей льготной и удешевленной цѣнѣ:

I.

А. С. ПУШКИНЪ.

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ. Цѣна безъ переплета 1 р., въ двухъ тисненыхъ переплетахъ 1 р. 40 к. безъ пересылки.

II.

Н. В. ГОГОЛЬ.

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ въ переплетѣ. Цѣна 1 р. безъ пересылки.

За пересылку КАЖДАГО изъ этихъ 4-хъ изданій прилагается отдѣльно: для мѣстъ Европейской Россіи—50 к., для мѣстъ Азіатской Россіи—60 к.

ОСОБАЯ ЛЬГОТА.

Лица, живущія въ Европейской Россіи, при совмѣстной выпискѣ **двухъ изданій** русскихъ классиковъ платятъ: за Гоголя и Жуковского вмѣстѣ 2 р. 50 к., за Гоголя и Пушкина 2 р. 90 к., за Гоголя и Загоскина 2 р. 60 к., за Жуковского и Пушкина 2 р. 90 к., за Жуковского и Загоскина 2 р. 90 к., за Пушкина и Загоскина 3 р. 30 к. При выпискѣ **всѣхъ четырехъ изданій**, т. е., сочин. Гоголя, Жуковского, Пушкина и Загоскина вмѣстѣ платятъ 5 р. 80 к. Лица, живущія въ Азіатской Россіи, ввиду дороговизны пересылки, уступкой не пользуются.

V.

Г. Р. ДЕРЖАВИНЪ.

Собраніе сочиненій. Цѣна въ переплетѣ 1 р. съ пересылкой.

VI.

А. В. КОЛЬЦОВЪ.

Полное собраніе сочиненій. Съ иллюстраціями акад. М. О. Микѣшина и худож. В. Полякова. Спб., цѣна въ папкѣ—1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ—1 р. 50 к. съ перес.

VII.

Полное собраніе стихотворныхъ произведеній знаменитыхъ русскихъ поэтовъ эпохи Пушкина:

барона А. А. Дельвига, Е. А. Баратынскаго, Л. В. Пушкина, Н. И. Гнѣдича, К. Ф. Рылѣва, В. В. Веневитинова и А. И. Полежаева,

въ двухъ томахъ. Цѣна этихъ двухъ томовъ, содержащихъ собраніе стихотвореній всѣхъ СЕМИ вышеуказанныхъ ПОЭТОВЪ, безъ перепл. 1 р., въ перепл. 1 р. 40 к. За перес. въ Европ. Россію—50 к., въ Азіатскую—60 к.

Требованія адресуются въ

Книгоиздательство А. А. Каспари

С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д. 114, при главной конторѣ журнала „Родина“, или въ ея отдѣленія: 1) С.-Петербургъ, Садовая, д. № 20 и 2) Москва, Петровскій, линія, противъ гостиницы „Россія“.

Графическое заведеніе. А. А. Каспари. С.-Петербургъ, Лиговская ул., соб. д. № 114.

III.

В. А. ЖУКОВСКІЙ.

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ въ переплетѣ. Цѣна 1 р. безъ пересылки.

IV.

М. Н. ЗАГОСКИНЪ.

Полное собраніе историческихъ и бытовыхъ романовъ, повѣстей, разсказовъ и очерковъ въ двухъ томахъ. Цѣна безъ переплета 1 р., въ двухъ тисненыхъ переплетахъ 1 р. 40 к. безъ пересылки.

VIII.

Д. И. ФОНВИЗИНЪ.

Полное собраніе сочиненій. Цѣна въ переплетѣ 1 руб. съ пересылкой.

IX.

И. А. КРЫЛОВЪ.

Собраніе сочиненій (басни, комедіи и проч.) II. въ переплетѣ 1 р. съ пересыл.

X.

Императрица Екатерина II.

Полное собраніе сочиненій. Цѣна въ переплетѣ 1 руб. съ пересылкой.

XI.

А. Г. ВИТКОВСКІЙ.

Полное собраніе сочиненій въ четырехъ томахъ. Цѣна 2 рубля съ пересылкой.

XII.

МАРЛИНСКІЙ

(А. А. БЕСТУЖЕВЪ).

Полное собраніе сочиненій въ двухъ томахъ за 1 руб. безъ переплета, а въ двухъ переплетахъ—1 р. 40 к. За пересылку въ Европ. Россію—50 к., въ Азіатскую—60 к.